

ВСЕРОССИЙСКИЙ
НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

УРОКИ РУССКОГО РАЗЛОМА

15-17 ОКТЯБРЯ 2025 г.
г. Йошкар-Ола

ГБУ «Государственный архив Республики Марий Эл»

Фонд «История Отечества»

Отделение Ассоциации «Российское историческое общество»
в Республике Марий Эл

«Уроки русского разлома»

(материалы Всероссийской научно-практической конференции)

15–17 октября 2025 года

Йошкар-Ола
2025

Уроки русского разлома: сборник материалов научно-практической конференции. – Йошкар-Ола: Фонд «История Отечества», Отделение Ассоциации «Российское историческое общество в Республике Марий Эл», ГБУ «Государственный архив Республики Марий Эл»

Вниманию читателей представлен сборник материалов научно-практической конференции, проходившей в рамках Всероссийского научно-исторического форума «Уроки русского разлома». Настоящий сборник предназначен для историков, краеведов, учителей, студентов и широкого круга читателей.

За содержание, цитирование, использование графического материала юридическую ответственность несут авторы статей.

СОДЕРЖАНИЕ

О форуме	5
Кондрашин В.В. Научная концепция Гражданской войны в России в 12-м томе новой 20-ти томной академической истории России ИРИ РАН	7
Стариков С.В. В огне Гражданской войны: поэт Александр Котомкин (Савинский) о красных, белых и интервентах	15
Ганин А.В. Воспоминания начальника штаба Вооружённых сил на Юге России генерала П.С. Махрова: особенности исторического источника и путь к читателю	22
Ланник Л.В. Евразийские горизонты Германской экспансии в 1918 году.: этноконфессиональная специфика российских регионов в поисках Германией новых союзников и сателлитов.....	29
Миронюк С.А. Миссия Хэлфорда Джона Маккиндера на Юге России в январе 1920 года: деятельность и результаты	43
Пыльцын Ю.С. Мятеж комполка Логвинова. Страницы из истории антибольшевистского терского повстанчества	52
Новиков П.А. Проблема координации боевых усилий антибольшевистских сил России в 1919–1920 гг.	62

Кудрявцев А.Н. Август 1918 года в Царевококшайске. Хроника событий	72
Соколов А.В. Военно-политические и экономические факторы Гражданской войны в Марийском крае	74
Маслихин А.В. Исторические заметки о Гражданской войне в Советской России	114
Никифоров Ю.Г. Военная и политическая деятельность И.В. Сталина в 1917–1920 гг.	125
Сухова Е.В. М.В. Фрунзе – революционер, стратег, военный теоретик (к 140-летию со дня рождения)	138
Радиченко А.Н. Комиссар Морского штаба Красной армии Лариса Рейснер и её участие в борьбе за Советскую власть в Поволжье (к 130-летию со дня рождения).....	149
Кодочигов Р.Л. Социальный состав отрядов коммунаров при Нижегородском губернском комитете РКП(б) и их роль в установлении Советской власти в Нижегородской губернии	155

О форуме

С 15 по 17 октября 2025 года в г. Йошкар-Оле прошел Всероссийский научно-исторический форум «Уроки русского разлома», посвященный 105-летию окончания Гражданской войны в Европейской части России.

Организатором данного проекта выступил Государственный архив Республики Марий Эл совместно с отделением Российского исторического общества в Республике Марий Эл при поддержке фонда «История Отечества». Партнерами в проведении форума стали: Министерство образования и науки Республики Марий Эл, Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, Комитет молодежной политики Республики Марий Эл, Марийский государственный университет, Поволжский государственный технологический университет и Межрегиональный открытый социальный институт.

Для участия в этом масштабном событии в г. Йошкар-Олу прибыли: ученые-историки, кинорежиссеры, писатели, общественные деятели и архивисты из Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода и Чебоксар. Также активно поработали на форуме и представители Марий Эл.

На шести площадках форума прошли мероприятия научной, просветительской и культурной направленности: пленарное заседание, научно-практическая конференция, круглый стол, лекции, кинопоказы с комментариями экспертов и тематические концерты. Аудиторией площадок стали представители органов государственной власти, образовательных и культурных учреждений, учителя, школьники и педагоги, студенты и преподаватели, общественники, самый широкий круг жителей региона, интересующихся историей Отечества.

Количество участников мероприятий, проходивших в рамках форума, составило более 3500 человек. Состоялся продуктивный обмен мнениями и знакомство с результатами новейших научных исследований по истории Гражданской войны, прошли жаркие научные дискуссии.

**Научная концепция Гражданской войны в России
в 12-м томе новой 20-ти томной академической истории России
ИРИ РАН**

***В.В. Кондрашин**, руководитель
Центра экономической истории
Института российской истории РАН,
доктор исторических наук, профессор*

В 2024 г. издательство «Наука» опубликовало 12-й том новой 20-ти томной академической истории России Института российской истории РАН, посвященный Гражданской войне в России [1]. В настоящей статье автором, который является соредактором этого тома, дается развернутая характеристика представленной на страницах издания научной концепции истории Гражданской войны в России в 1917–1922 гг.

Ее начало было связано с резким обострением противоборства основных политических сил в стране после захвата власти большевиками, в ряде ее районов приобретшего вооруженный характер. В это время Гражданская война носит еще очаговый, локальный характер, приобретая наиболее острые формы в некоторых казачьих районах и на Украине. Это была «малая» Гражданская война, в которую еще не была втянута основная масса населения. Ситуация кардинально изменилась в конце весны – начале лета 1918 г. Тогда в результате действий совокупности внутренних и внешних факторов началась широкомасштабная и фронтовая Гражданская война.

Противники советской власти обосновывали свое участие в ней реакцией на узурпацию большевиками власти, распустившими Учредительное собрание.

Несомненную и важную роль в переходе Гражданской войны в фазу широкомасштабной фронтовой сыграл внешний фактор: вооруженное выступление Чехословацкого корпуса и иностранная интервенция. Эта фаза продолжалась с конца весны – начала лета 1918 г. до 1920 г. и закончилась исходом из Крыма разбитых красными частей Русской армии. Но сама война продолжалась еще два года событиями в Кронштадте, «антоновщиной» – крестьянской войной в Тамбовской губернии, крестьянским восстанием в Западной Сибири и другими проявлениями повстанчества, направленного против чрезвычайной политики большевиков, прежде всего в деревне, боями за советскую власть на территории Дальнего Востока. Поэтому окончанием войны следует считать 1922 г., когда, с одной стороны, введение новой экономической политики привело к ликвидации повстанческого движения, «крестьянского фронта» Гражданской войны, а с другой – пал последний плацдарм белогвардейцев и интервентов на Дальнем Востоке. Символом победы большевиков и убедительным фактом необратимости результатов Гражданской войны стало создание в 1922 г. СССР.

Основные участники Гражданской войны – не только белые и красные армии, хотя судьба страны решилась в ходе фронтовых сражений именно между этими главными противниками. Но был еще и «крестьянский фронт». В 1921 г. для его подавления командование Красной армии задействовало боевые части, применяло бронепоезда и артиллерию. Также в войне принимали участие националисты, отстаивавшие вооруженным путем созданную ими государственность от посягательств и красных, и белых (например, режим Симона Петлюры на Украине и др.). Гражданская война в той или иной степени коснулась каждого жителя страны: на фронтах, на производстве и в других сферах деятельности в тылу, в застенках ВЧК и белой контрразведки, в крестьянских повстанческих отрядах и т.д.

Почему в Гражданской войне победили красные – большевики и проиграло Белое движение? К числу причин поражения противников большевиков относятся территориальная разобщенность, отсутствие согласованности, единого плана действий и военной стратегии, четкой связи и взаимодействия белых армий. Белые на протяжении всей Гражданской войны оставались разрозненными, действовали несогласованно, хотя формально объединились, признав Верховным правителем России адмирала Колчака.

В отличие от красных, белые опирались на менее развитые регионы, на окраины, где не было военной промышленности, что ставило их в зависимость от иностранных поставок и развитой транспортной системы. Негативную роль играло отсутствие у антибольшевистского движения единого и сплоченного руководства, соперничество военных и политических лидеров, дефицит авторитетных руководителей, которые по своему уровню и популярности среди населения могли бы сравниться с лидерами большевиков. Неспособность создать широкий политический фронт оппозиционных большевикам сил – от умеренных социалистов до правых и монархистов – и обеспечить единство их действий, привлекая на свою сторону широкие слои населения, во многом обусловило поражение Белого движения. Лозунг «единой и неделимой России» вызывал большие сомнения у представителей национальностей, а великодержавие и зачастую агрессивный русский национализм белых отталкивали от них лидеров национальных движений. Слабостью Белого движения были не только национальная, но также рабочая и аграрно-крестьянская политика. Противники большевиков не смогли сформулировать программу борьбы, которая привлекла бы на их сторону основную часть населения. Отсутствие широкой социальной опоры и прочного тыла белых режимов во многом предопределило исход борьбы в Гражданской войне. Слабой стороной Белого движения была низкая эффективность управления, часто пораженного коррупцией, что вело к морально-нравственной деградации власти и самого движения.

Иностранная интервенция, несомненно, продлила Гражданскую войну, ибо без нее противники советской власти были бы быстро

разгромлены военным путем большевиками, политику которых поддерживало большинство населения страны. На российской земле на стороне белых оказалось 1,5 млн иностранных солдат. Гражданская война обнажила разные варианты отношений между интервентами и противниками большевиков внутри России. В ряде регионов антисоветские режимы самым своим возникновением были обязаны действиям интервентов (Север России и, в известной мере, Дальний Восток), что предопределяло характер их отношений, в других – возникшие антибольшевистские правительства стремились получить всемерную военную и финансово-экономическую помощь из-за рубежа. Но получение помощи из-за рубежа и военно-политический союз с интервентами часто не столько улучшали, сколько усложняли положение антибольшевистских правительств, ибо усиливали их зависимость от внешней поддержки и играли на руку большевистской пропаганде, утверждавшей, что они являются марионетками иностранного империализма. Мотивация действий стран-участниц интервенции в России эволюционировала на протяжении войны, включая в себя комплекс политических, геополитических, военно-стратегических и экономических мотивов и интересов. Первоначально действия зарубежных государств в России были во многом обусловлены военно-стратегическими интересами, проистекавшими из мировой войны, – ликвидировать Восточный фронт или, напротив, воссоздать его. Но в дальнейшем, особенно после окончания Первой мировой войны, они приобретали ярко выраженный антибольшевистский и антироссийский характер, были направлены на ослабление и раскол российского государства, ликвидацию его как влиятельной силы в международных отношениях, укрепление или восстановление экономических позиций зарубежного капитала в России.

Советская власть успешно вела пропагандистскую войну против интервентов. Это дало В.И. Ленину основание заявить, что «мы у нее (Антанты) отняли ее солдат» [2]. Большевики убеждали население в том, что ведут борьбу за спасение Отечества от иностранного порабощения, что Гражданская война – это во многом отечественная война против иностранных захватчиков.

Победа большевиков в Гражданской войне была обусловлена их программой и системой организации и функционирования созданной ими советской власти. Большевики воплощали многовековую мечту людей о справедливом обществе, без насилия и эксплуатации человека человеком, использовали в своих интересах многовековую ненависть «низов» к «верхам», белые же ассоциировались в народном сознании с прежними правителями, и это во многом предопределило исход Гражданской войны.

В отличие от своих противников большевики сумели выработать и реализовать общегосударственную политическую и социально-экономическую программу в различных сферах жизни населения страны,

вели диалог с основными слоями населения – рабочими и крестьянами – не только на языке насилия, но и используя аргументы, убеждения и ссылаясь на то, что уже было сделано после революции в их пользу советской властью.

Особую роль в победе красных в Гражданской войне сыграла партия большевиков и ее вождь В.И. Ленин, равному которому не сумела выдвинуть ни одна противоборствующая советской власти в войне политическая сила. Партия большевиков стала тогда ядром, главной цементирующей силой государства и вооруженных сил. Руководство партии прорабатывало и контролировало все вопросы жизни страны и общества – от идеологии и политики до военного дела, экономики, социальных отношений и культуры, организации партизанского движения и подполья в тылу врага – и через жесткую и дисциплинированную структуру партийной организации проводило намеченное в жизнь. Идеино-политическая и организационная сплоченность советского лагеря, руководимого коммунистической партией, с целеустремленностью, верой в будущее, революционным фанатизмом и аскетизмом, присущим большинству его членов, была важным фактором победы в войне. К концу Гражданской войны в РКП(б) насчитывались сотни тысяч человек, составлявших ядро армии и государственного аппарата в центре и на местах [3].

Несмотря на совершаемые ошибки, советская власть и большевики более умело, гибко и своевременно, в сравнении с противниками, перестраивали свою стратегию и тактику в меняющихся условиях Гражданской войны, постоянно имели в своем распоряжении довольно значительные материальные, военные и социальные ресурсы, предопределявшие поворот в их пользу в критические моменты войны.

В руках большевиков находилась центральная часть страны с ее крупным промышленным потенциалом, транспортными узлами и коммуникациями, что давало им несомненные географические, геополитические, военно-стратегические и экономические преимущества перед противниками, действовавшими разрозненно. Это позволяло эффективно перенаправлять и концентрировать силы для противодействия противнику.

Определяющим фактором победы в войне была Красная армия, армия нового типа, многочисленная (более 5 млн к концу Гражданской войны), организованная и сплоченная на основе новых принципов, которая, несмотря на значительные трудности в строительстве, научилась побеждать армии своих противников. Ее ядро составляли коммунисты (около 300 тыс. человек, более 50 тыс. из которых погибли) и комсомольцы (более 70 тыс. к концу войны) [4].

Победы Красной армии во многом определялись ее командным составом. В создании Красной армии важную роль сыграли военные специалисты. В 1918 г. доля бывших офицеров в командном составе

Красной армии составляла 75%, но в дальнейшем она снижалась: 53% в 1919-м, 42% в 1920-м, 34% в конце 1921-го и в 1922 г. – не более 23%. Это было и результатом выдвижения на командные должности лучших солдат, матросов, рабочих и крестьян [5, с. 41]. В конце Гражданской войны в РККА служили около 130 тыс. командиров, и не менее чем две трети из них составляли представители рабочего класса и трудящегося крестьянства [6]. Следует заметить, что командный состав Красной армии был очень молодым. В 1922 г. люди в возрасте от 18 до 32 лет составляли в нем 93,4%, в том числе около 57% – в возрасте 23–27 лет [5, с. 40–41]. В годы Гражданской войны в Красной армии сформировалась блестящая плеяда талантливых, выдающихся полководцев и военачальников. Это были и крупные специалисты старой Русской армии, и командиры-самородки, выходцы из народа, деятельность которых во многом определила успех в войне. Родившееся в годы Гражданской войны советское военное искусство имело важные и принципиальные особенности, отличалось единством военной и политической стратегии, способностью сосредоточить основные усилия на главном и решающем направлении, быстро переориентироваться и перегруппировывать силы в соответствии с меняющейся ситуацией, использовать разнообразие форм оперативного маневра, учитывать боевые и морально-политические факторы.

В обеспечение безопасности тыла Советской России большой вклад внесла система ВЧК и чрезвычайных комиссий. Массовое подпольное и партизанское движение, в котором важную роль играли большевики, дезорганизовывало тылы противника, охватив огромные территории и став важным фактором победы в Гражданской войне.

Национальная программа большевиков с ее привлекательными положениями и лозунгами (право наций на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, отмена всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие всех национальных меньшинств и др.) и политика советской власти обеспечивали сплочение вокруг нее значительной части трудящихся разных национальностей многонациональной страны. Важным фактором победы большевиков в войне стал военно-политический союз советских республик, объединение их усилий и ресурсов. Этому всемерно способствовали наличие единой коммунистической партии, действовавшей на обширном постимперском пространстве, работа ее национальных структур и подразделений.

В условиях иностранной интервенции большевики воспринимались значительной частью общества как государственники, спасающие Отечество от внешнего врага и порабощения страны. Они умело использовали в своих интересах нараставшее за рубежом движение под лозунгом «Руки прочь от России!», охватывающее разные слои населения в странах – участницах интервенции и выступающее за вывод из России иностранных войск.

Фактором поддержки большевиков стало участие в Гражданской войне нескольких сот тысяч иностранцев, именуемых в то время интернационалистами, по большей своей части – бывших военнопленных, воевавших в рядах Красной армии и работавших в партийных и государственных органах, в составе чрезвычайных комиссий, действовавших в подполье и в рядах партизанского движения на контролируемых противником территориях.

Победе большевиков в Гражданской войне способствовала их социально-экономическая политика, именуемая «военным коммунизмом». Несмотря на все ее недостатки и негативные последствия, она позволила советской власти выжить, выстоять в тяжелое военное время, дать фронту необходимое оружие, амуницию и снаряжение, а тылу – хотя бы по минимуму обеспечить промышленные товары, сырье и продовольствие.

Советская власть и большевики при всех перепадах общественного мнения и настроений общества обладали в условиях войны большей, чем их противники, поддержкой – прежде всего, низов населения, что в конечном итоге и предопределило исход Гражданской войны. Эта победа была достигнута колоссальным перенапряжением сил и благодаря использованию как методов убеждения, так и насилия.

Россия вышла из Гражданской войны, понеся большие экономические потери. Ущерб, причиненный народному хозяйству, составил около 50 млрд золотых рублей. Промышленное производство упало до 4–20% от уровня 1913 года. Сельскохозяйственное производство сократилось почти вдвое. Все промышленные и производственные мощности европейской части страны находились в критическом состоянии. За время военных действий не разрушенными оказались лишь 15 тыс. верст железных дорог из 75 тыс., существовавших в 1914 г. Была разрушена банковская система, что способствовало оттоку материальных ценностей из страны, несмотря на проведение национализации банковского сектора. Обесценивание национальной валюты привело к переходу на систему товарообмена.

Одной из самых трагичных страниц и последствий Гражданской войны были человеческие потери. Согласно существующим оценкам, общие безвозвратные потери Красной армии составили 939765 человек, и примерно такими же были потери антисоветских вооруженных формирований. Таким образом, безвозвратные потери воюющих армий составили менее 2 млн человек, или 1,4% от всего населения к началу 1918 г. [7]. Причем основную часть этих потерь составили не погибшие в ходе боевых действий, а умершие в результате болезней, прежде всего инфекционных. Одним из страшных последствий Гражданской войны стал голод 1921–1922 гг., вызвавший массовую смертность населения. Данные о прямых потерях населения страны в результате Гражданской войны варьируются в большом диапазоне – от 4,4–8 до 16–18 млн человек [8]. Но доказано, что в сопоставимых границах в период с 1917 по 1922 г.

население России сократилось почти на 13 млн, а косвенные потери народонаселения составили 12 млн человек [9]. К числу людских потерь можно отнести и вынужденную эмиграцию, которая за годы Гражданской войны составила до 3,5 млн человек [10].

Исход Гражданской войны в России имел различные последствия в разных сферах жизни страны и в международных отношениях – как кратковременного, так и долговременного действия. Одними из результатов Гражданской войны стали сокращение территории страны и создание независимых государств в Финляндии, Польше и Прибалтике, потеря Бессарабии. Россия потеряла территории, где проживало 15,4% населения и находились 10% железных дорог и треть индустриальных предприятий, производивших пятую часть промышленных товаров [11].

Следствием Гражданской войны оказалось «усреднение» социально-культурного уровня населения, архаизация, окрестьянивание социума, ослабление городской цивилизации. Глубокие изменения произошли в социально-классовой структуре общества, исчезли целые классы и слои населения. Серьезнейшим образом пострадали островки городской культуры в стране, произошли процессы маргинализации.

Победа большевиков в Гражданской войне, ставшей завершающим периодом Великой российской революции, открыла возможности для реализации их программы действий. Речь идет об упразднении сословности, классового и социального неравенства, помещичьего землевладения, отделении церкви от государства и школы от церкви, о расширении социальной мобильности и появлении вертикальных социальных лифтов для выходцев из народа, стремлении к социальному равноправию, повышению уровня и качества жизни широких слоев населения, к обеспечению равноправия народов и полов, бесплатности образования и медицинской помощи, а также о прогрессе в образовательной, научной и культурной сферах. Все это оказало колоссальное влияние на мир, заставило капитализм меняться, способствовало его социализации и гуманизации, ориентации на создание социальных государств, обществ всеобщего благоденствия в развитых странах мира, краху колониальной системы и др.

Вместе с тем, победа советской власти в Гражданской войне принесла запрет свободной торговли, частной собственности и рыночной экономики, широкое использование принудительного труда и уравнильность, однопартийную диктатуру, огосударствление разных сфер жизни, подчинение общества государству, зависимость всех ветвей власти от высшего руководства, что вело к злоупотреблениям и попранию законности, к всевластию спецслужб, подавлению оппозиции и проявлений инакомыслия, к ограничению деятельности церкви и свободы вероисповедания и др. В этом смысле можно говорить о том, что в долговременной перспективе победа большевиков в Гражданской войне сформировала те силы, которые установили в стране сталинскую

диктатуру. Победила партия, ориентированная на силовое решение проблем. У ее актива сформировалась идеология классовой ненависти.

Коллективизацию и индустриализацию проводили люди с опытом и менталитетом Гражданской войны. Они делали ставку на решительность, бескомпромиссность, силовой вариант и уничтожение мнимых и реальных врагов. Индустриализацию и коллективизацию претворяли в жизнь именно такие люди – сильные, идейно убежденные, знавшие, что такое Гражданская война.

Она и сформировала их как личности и их руками выковала сталинизм как систему, осуществившую жизненно необходимую для подготовки к грядущей войне форсированную индустриальную модернизацию. Без нее одержать победу в Великой Отечественной войне было нельзя. Опыт Гражданской войны пригодился в 1941–1945 гг., помог выстоять в экстремальных условиях. В данном контексте другое долговременное последствие Гражданской войны состояло в том, что она не закончилась расчленением России, оккупацией части ее территории и созданием марионеточных правительств на остальной. Победителям удалось сохранить российскую государственность, что было признано и их противниками – белыми. Со временем созданный в результате войны Советский Союз превратился в мощнейшую державу.

Литература:

1. История России: в 20 т. Т. 12: Гражданская война в России. 1917–1922 годы. Кн. 1: Военное и политико-дипломатическое противоборство; Кн. 2: Власть. Экономика. Общество. Культура. М., 2024.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 391.
3. История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. Т. 3. Кн. 2. М., 1968. С. 554, 555; Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия. В 3 т. Т. 3. М., 2021. С. 77.
4. История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. Т. 3. Кн. 2. С. 554, 561.
5. Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 41.
6. История Гражданской войны в СССР: В 5 т. Т. 5. М., 1960. С. 375.
7. Гриф секретности снят. М., 1993. С. 54; Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: Территория и население. М., 1986. С. 104.
8. Гражданская война в СССР: В 2 т. Т. 2. С. 406; Поляков Ю.А. Советская страна после окончания Гражданской войны: Территория и население. С. 127–128; Булдаков В.П. Красная смута. М., 1997. С. 244; Здоров А.А. Гражданская война: потери населения. Опыт сравнительного анализа // Свободная мысль. 1999. № 10. С. 119; Голдин В.И. Россия в гражданской войне: Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск, 2000. С. 216–217.
9. Поляков Ю.А. Гражданская война: взгляд сквозь годы // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 279; Поляков Ю.А. Советская страна после окончания Гражданской войны: Территория и население. С. 127–128.
10. Родина. 1990. № 10. С. 15.
11. Уткин А.И. Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен. М., 1994. С. 508.

**В огне Гражданской войны:
поэт Александр Котомкин (Савинский)
о красных, белых и интервентах**

*С.В. Стариков, доктор исторических
наук, профессор Марийского
государственного университета*

Сегодня историки стремятся не только более глубоко разобраться в теоретических и концептуальных вопросах периода Гражданской войны в России, но и проанализировать участие различных групп населения, личностей в событиях и процессах, захвативших Россию.

В водоворот Гражданской войны оказались втянуты практически все слои российского общества, всех регионов страны. В ее огне оказался и наш земляк, уроженец деревни Савино, русский поэт Александр Ефимович Котомкин. Работая над книгой о нем, я стремился привлечь максимум источников, включая впервые вводимые в научный оборот, и был поражен теми испытаниями, которые ему пришлось пережить.

Котомкин стал участником Белого движения, что было не случайным. Как гражданин Российской империи, офицер Русской императорской армии, Котомкин остался верным присяге Государю и Отечеству. Он был участником Первой мировой войны, с первых дней войны находится в действующей армии на Юго-Западном фронте в районе Львова (Галиция), познав горечь побед и поражений. После 3-го ранения, серьезной контузии, он вынужден был оставить фронт и с конца 1915 г. перешел на гражданскую службу, прибыв с семьей в Царевококшайск.

Котомкин не только с оружием в руках защищал свое Отечество. Его поэзия периода войны была призвана сплотить воинов против врага, защитить свою Родину, объединить славянский мир против германской агрессии. Его знаменитые стихи «Призыв», историческая поэма «Князь Вячко и меченосцы» о борьбе русского и прибалтийских народов за независимость в XIII в. против немецких рыцарей были направлены на укрепление славянского братства.

Поэтическая карьера Александра Ефимовича складывалась под влиянием Великого князя Константина Романова, знаменитого поэта К.Р. Встреча молодого юнкера Александра с князем произошла в конце 1905 г. в Московском Алексеевском военном училище. Константин Романов, будучи попечителем военно-учебных заведений империи, обратил внимание на молодого поэта, прочитал некоторые его стихи, взял с него слово, что он будет продолжать свое творчество, убедил его в несомненном поэтическом таланте. Котомкин написал «Марш Алексеевцев», посвященный юнкерам Алексеевского военного училища, которое считалось третьим в империи по престижности после Павловского и Александровского.

Между К.Р. и Котомкиным завязалась переписка. Она касалась вопросов поэзии. Великий князь помогал молодому поэту, выделил средства на издание в Санкт-Петербурге в 1910 г. нового сборника его стихотворений. В нем Великий князь писал, что поэт находится на верном пути, в его стихах заложены стремление к правде, добру и пожелал ему успеха. К.Р. оказывал материальную помощь поэту. «Собратом по музе» К.Р. называл своего ученика, а Александр называл Великого Князя своим учителем, наставником, поэтом-вдохновителем. Котомкин встречался с Великим князем, был вхож в резиденцию Константина Романова – Мраморный дворец. Даже личная жизнь складывалась по благословению К.Р. В декабре 1909 г. в личной жизни поручика Александра произошли изменения. Он сочетался законным браком с Нелли Григолейт, фрейлиной двора Его Императорского Высочества Великого князя Константина Романова. Она приняла православие и стала Еленой Ивановной Котомкиной.

На государственной службе Котомкин также отдавался сполна. В 1911–1913 гг. служил земским начальником сначала в Николаевском уезде Самарской губернии, где находилось много немецких колоний на Волге. Здесь родились два сына: Константин, названный в честь Великого князя, и Александр. Позже появились две дочери: Лиза и Муза.

Февральский переворот 1917 г. в Петрограде застал Котомкина в Царевококшайске, где он жил с семьей в доме на улице Вознесенской, 34. Он развил бурную общественную деятельность. Крестьяне Варахсинской волости избрали А.Е. Котомкина председателем Варахсинского волостного продовольственного комитета. Он работал в уездной комиссии по борьбе со спекуляцией, возглавил уездный комитет помощи увечным воинам. Котомкин очень переживал за развал великой страны, который нарастал с каждым месяцем 1917 г., за развал Русской армии.

Отчаяние порой овладевало им, и в конце лета 1917 г. он уехал в Казань, решив получить высшее образование, поступить в Казанский университет. Но и этим планам не суждено было сбыться. Поступив на историко-филологический факультет, Котомкин не завершил даже первого курса – большевики весной 1918 г. закрыли факультет как «прибежище контрреволюции». Поэтому, когда в конце мая 1918 г. на Волге началось антибольшевистское восстание Чехословацкого корпуса, и стали формироваться добровольческие отряды из русских офицеров, Котомкин приветствовал начавшее движение. В освобожденной от большевиков Казани Котомкин всеми силами старался оказать помощь русским добровольческим частям. Он стал начальником одного из сторожевых постов внутренней охраны г. Казани, возглавил культурно-просветительную комиссию, которая организовала и провела в Казанском городском театре литературный вечер «День Народной Армии» для сбора средств на лекарства и перевязочные средства защитников Казани. Он

встретился с чехословацкими legionерами, радуясь их успехам. «Как сейчас я вижу картину взятия Казани чехословацкими legionерами, – вспоминал А.Е. Котомкин в эмиграции. – С каким восторгом все население города Казани, от мала до велика, встречало своих избавителей – братьев чехословаков, сербов и отряд Русской Народной Армии, пришедших с белыми повязками на рукаве!». Во главе 1-го Чешского стрелкового полка имени Яна Гуса стоял поручик, позднее полковник Швец. Его А.Е. Котомкин называл «доблестным командиром, храбрым и честным воином, любивший Россию горячей любовью и желавший освободить ее от большевистских пут».

Душой и вдохновителем русского отряда добровольцев на Волге, как вспоминал А.Е. Котомкин, был молодой офицер Владимир Каппель. Его отряд состоял большей частью из офицеров, студентов и гимназической молодежи и творил чудеса храбрости. Он держал оборону в Услонских горах, на правом берегу Волги, наносил контрудары по большевистским частям, обращая их в бегство. Так поэт Котомкин (Савинский) оказался на краю русского разлома, который все более приобретал ярко выраженный идейно-политический и военный фронтовой характер. Россия вступила в полномасштабную Гражданскую войну.

Большевистскую идеологию, политику и практику поэт Котомкин решительно отвергал. Идея классовой ненависти в ленинском ее большевистском варианте, когда один класс должен уничтожить другой, а пролетарская диктатура – абсолютно необходима и не только в России, но и во всемирном масштабе, были совершенно чужды его мировоззрению и миропониманию.

Свое отношение к красным, красному лагерю он выражал в своем творчестве, полагая, что только объединение всех антибольшевистских сил позволит спасти гибнущее Отечество. Поэтому, как он писал в одном из стихотворений:

«За Россию – за бедную Родину нашу,
Взял я белое знамя, вериги надел...».

Поддержав Белое движение, поэт тем не менее видел серьезные изъяны Белого движения: противоречия между белогвардейцами и чешским командованием, белыми вождями и интервентами, отсутствие четкой программы, единства фронта и тыла. В своем стихотворении «В пути» Котомкин признавался:

«Шел я, казалось чуждой дорогою,
Сердце терзалось смутной тревогою».

Первые поражения чехов и белых офицеров в Поволжье не остановили Котомкина, человека решительного, подчас бескомпромиссного. Осенью 1918 г., отступая вместе с каппелевцами и чехами за Урал, он оказался в Омске, где к власти пришел адмирал А.В. Колчак. Так, 33-летний Александр оказался в белой Сибири. Назад пути не было. Этот период в его жизни известен в основном по более поздним воспоминаниям

поэта и его дочери Ирины Александровны Котомкиной, с которой я много раз встречался и запротоколировал ее воспоминания об отце, в том числе о событиях, в которых поэт участвовал в 1919–1920 гг.

В правительстве А.В. Колчака Котомкин возглавил информационно-культурный отдел, руководил передвижным театром, находившемся в специальном поезде, который курсировал по транссибирской магистрали. В городах и на железнодорожных станциях ставились спектакли, давались концерты для чехословацкого корпуса, эшелоны которого протянулись по всей магистрали. А.Е. Котомкин в военных действиях не участвовал. Он отказался стрелять по русским людям, даже если они оказались в красном лагере.

Летом – осенью 1919 г. в Красноярске и Иркутске артисты во главе с Котомкиным поставили спектакль по его пьесе «Ян Гус» и приурочили эти постановки к приезду делегации президента Чехословацкой республики Т. Масарика. По свидетельству автора, в сибирских городах, где шли постановки пьесы, на спектаклях побывали солдаты и офицеры всего Чехословацкого корпуса, «засыпали меня цветами, подносили альбомы и адреса».

В условиях, когда чешское командование захватило в свои руки всю транссибирскую магистраль, и Колчак в своем поезде оказался их заложником, Котомкин всеми силами стремился сохранить этот хрупкий союз между русскими белогвардейцами и хозяевами положения на Транссибе – чехами. Но тщетно. «Наша политика – рельсы, враг тот, кто окажется на них» – таков был девиз чехов.

Легионеры оккупировали станции и полустанки, захватили паровозы и подвижной состав, запретили русским частям отступать под напором красных по железной дороге, вывозили ценности на восток, грабили золотой запас России. Эти действия убедили Котомкина, что чехословацкие легионеры предали русских братьев, променяли славянское единство на «золотую жилу» и превратились в интервентов. По выражению Котомкина, произошло «грандиозное присвоение», и легионеры «теперь живут на российские дивиденды».

Позднее, в эмиграции, в своей книге «О чехословацких легионерах в Сибири. 1918–1920. Воспоминания и документы», вышедшей в Париже в 1930 г., Котомкин документально показал все грабительские и интервенционистские действия чехословаков в Сибири и на Дальнем Востоке.

Безумным назвал Котомкин восстание Р. Гайды во Владивостоке в ноябре 1919 г. Окончательно рассорившийся с Колчаком, Радола Гайда, возглавлявший ранее Сибирскую (Северную) армию адмирала, переехал во Владивосток, собрал вокруг себя эсеров, готовил вооруженный заговор против Колчака. Население недоумевало, чего добивается Гайда. Недоумение перешло в негодование, когда в течение двух дней шайка Гайды, открыв огонь, усеяла трупами привокзальную местность в городе.

«По городу тянулись телеги с обезображенными мертвыми телами, – вспоминал А.Е. Котомкин. – Жители были потрясены. Родные ходили искать своих среди мертвецов. Матери убитых в бессильных слезах обнимались над трупами сыновей, павших с той и другой стороны, – бессмысленность этих смертей была очевидна». Восстание Гайды стало точкой невозврата. Население не доверяло чехам. На их совести стала трагедия Сибирского ледяного похода генерала Каппеля зимой 1919–1920 гг.

Александр стал свидетелем этой драмы Белого движения, был участником 3-х тысячного верстного похода Каппеля и его бойцов по заснеженным тропам Сибири от Омска до Забайкалья в условиях 50-ти градусных морозов и описал эту русскую трагедию в своих воспоминаниях. Чехи закрыли для Каппеля железную дорогу. Его Сибирская армия при невероятных трудностях в глубоких снегах, плохо одетая и голодная, пробивалась на восток. Каппель спешил в Иркутск, чтобы освободить Колчака. Но этому не суждено было сбыться. Будущий историк, как писал А.Е. Котомкин, восстановит по крупницам весь Ледяной поход и каждый день этого мученического похода будет известен. «Теперь же наше дело современников-очевидцев рассказать о них то, что глаза наши видели и уши слышали».

26 января 1920 г. близ Нижнеудинска от воспаления легких скончался генерал В.О. Каппель. По свидетельству А.Е. Котомкина, солдаты «завернули дорогое тело в шинели и не расставались с ним до тех пор, пока сами не нашли пристанища за Байкалом». Спустившись на ледяную равнину озера, остатки Сибирской армии пришли в Читу.

22 февраля в Чите состоялись похороны генерала В.О. Каппеля. На погребении в соборе Александра Невского, когда гроб опускали в могилу, А.Е. Котомкин призвал всех к молчанию и в наступившей тишине с большим чувством прочел стихотворение «Родному герою», опубликованное в местной газете «Забайкальская новь» под названием «На смерть Каппеля». В нем были такие слова:

«И Каппеля имя, и подвиг без меры,
Средь славных героев вовек не умрет ...
Склони же колени пред символом веры,
И встань за Отчизну, Родимый Народ ...».

В январе 2007 г. останки боевого генерала по распоряжению Президента В.В. Путина и по благословению Святейшего патриарха Алексия II были перевезены из Харбина в Москву и захоронены на кладбище Донского монастыря рядом с могилами генерала Антона Ивановича Деникина и русского философа Ивана Александровича Ильина.

Отношение Котомкина к Колчаку было двойственным: с одной стороны, он ценил его героизм и самопожертвование, с другой – видел, что единых действий нет, многие решения не эффективны, союзники ненадежны, надменны, ведут себя как интервенты, объявляют нейтральные

зоны, устанавливая свой режим, а крестьяне не желают вставать под знамена Омского правителя. Его предали чехословацкие legionеры и союзники по Антанте. Адмирал остался один. 15 января 1920 г. А.В. Колчак был арестован и выдан чехами эсеровскому Политцентру в Иркутске. У Колчака не было никакой надежды соединиться со своей Сибирской армией. Власть в Иркутске уже перешла в руки большевистского ревкома. 7 февраля 1920 г. А.В. Колчак был расстрелян по директиве В.И. Ленина из Москвы. Котомкин узнал об этом уже в первые дни своей эмиграции. Он написал Колчаку «письмо-стихотворение», в котором выражал надежду на то, что борьба еще не окончена и крестьянство поймет его призывы и поддержит его. Но Котомкин явно ошибался в своих прогнозах, оценивая только личную храбрость Колчака, не вникая в его провальную политику.

В марте 1920 г. в Чите капитан А.Е. Котомкин был назначен официальным уполномоченным атамана Г.М. Семенова для сношений с чехословацким командованием. Александр Ефимович стремился гасить конфликты между чехословаками и казаками в Забайкалье, проявлял дипломатические способности. Александр Ефимович был также назначен атаманом Семеновым официальным посланником Главнокомандующего вооруженными силами Российской Восточной окраины. Ему предстояло выполнить сложную миссию – выехать в Крым к генералу П.Н. Врангелю и официально известить его о том, что атаман Семенов признает его главой всех русских антибольшевистских сил и подчиняется ему. Такую поездку можно было осуществить только через Владивосток. А.Е. Котомкин взялся за выполнение этой миссии. Весной 1920 г. Александр прибыл в главный город Приморья. Во время творческого вечера, устроенного в городском театре в честь А.Е. Котомкина, он познакомился с Ниной Петровной Шкляевой, которая стала его женой и поделила свою судьбу с Александром. В мае 1920 г. Александр Ефимович и Нина Петровна покинули Владивосток, начав осуществление возложенной на них миссии. Они прибыли сначала в Японию, где три месяца ожидали парохода в Европу, а 30 августа отправились в Европу, пересекая Тихий и Индийский океаны, Аравийское и Красное моря, Суэцкий канал и средиземноморские проливы.

2 ноября 1920 г. Котомкины прибыли в Феодосию. Александр Ефимович встретился с генералом П.Н. Врангелем и передал ему пакет от атамана Семенова. Однако Русская армия Врангеля не смогла сдержать натиск красных и 14 ноября части Красной армии ворвались в Феодосию.

Белые части, офицеры, население эвакуировались из Крыма. Среди них были Александр Ефимович и Нина Петровна. 26 ноября 1920 г. на крейсере «Корнилов» они прибыли в Константинополь. В конце 1920 г. через Болгарию транзитом проследовали в Чехословакию. Так поэт Котомкин оказался участником Русского исхода из Крыма, стал эмигрантом. Тяжело было покидать Россию. В Советскую Россию, СССР

Александр Ефимович Котомкин так и не вернулся. Он был и остался невъездным эмигрантом первой волны.

Его супруга Нина Петровна и дочь Ирина Александровна участвовали во французском движении Сопротивления, вернулись в Советский Союз в 1954 г. До сих пор я вспоминаю удивительные встречи с Ириной Александровной Котомкиной. Все перипетии эмигрантской жизни Котомкина мной описаны в книге. Александр Ефимович до последних дней своей жизни оставался русским гражданином, патриотом, поэтом. Незадолго до своей кончины в 1964 г. в Гамбурге он написал свое стихотворение-завещание – «Родине», которую любил беспредельно. В нём есть такие строки:

«Русь! Я верю в Тебя, верю русской душой,
 Что ни чьей Ты не станешь рабыней!
 Что напрасно вокруг святотатцы толпой
 Над Твоею ругались святыней ...
 Молви ж слово свое, чтобы знали враги,
 Что крепка в Тебе сила живая!
 И заветы свои до конца сбереги,
 Сохрани себя, Русью, Родная!..»

Длительное время Гражданская война разъединяла нашу страну, делила соотечественников на наших и не наших. Сегодня, спустя 105 лет, мы смогли преодолеть этот «Русский разлом». Историки сегодня поставили точку в еще недавнем споре: почему победили красные, а белые потерпели поражение. По большому счету, и те, и другие боролись за единую и сильную Россию. К середине XX в. белая эмиграция признала большевиков как достойных продолжателей созидания великой России и ее славные победы над германским нацизмом. Сегодня Россия вновь переживает непростые времена. История – учительница жизни. Она должна не разъединять общество, а объединять его. Знать свою историю, учитывать ее уроки, сверять свои шаги с заветами предков – значит быть полезным своему Дому, служить своей Родине, быть достойным гражданином своего Отечества.

**Воспоминания начальника штаба
Вооруженных сил на Юге России генерала П.С. Махрова:
особенности исторического источника и путь к читателю**

*А.В. Ганин, доктор исторических
наук, ведущий научный сотрудник
Института славяноведения
Российской академии наук*

Историкам Гражданской войны прекрасно известен такой важный источник по этой теме, как воспоминания начальника штаба Вооруженных сил на Юге России (ВСЮР) генерала Петра Семеновича Махрова «В белой армии генерала Деникина», изданные в 1994 г. в Санкт-Петербурге издательством «Logos» и подготовленные к печати историком Н.Н. Рутычем (Рутченко) (1916–2013) и племянником генерала К.В. Махровым (1923–2012) [1].

Вышедшее тиражом 3000 экземпляров издание стало заметным событием интеллектуальной жизни первой половины 1990-х гг. и, несомненно, способствовало росту интереса широкой читательской аудитории к истории Белого движения. Тем более, что воспоминания были написаны великолепным литературным языком, содержали ценные подробности истории Белого движения на Юге России и яркие портретные характеристики многих его участников.

Однако несколько оговорок публикаторов воспоминаний должны были насторожить читателей. К примеру, утверждалось, что оригинал рукописи, хранящийся в Бахметевском архиве Колумбийского университета, трудночитаем, имеет многочисленные зачеркивания и написан расплывшимися на рыхлой бумаге чернилами. В этой связи часть текста, как писали К.В. Махров и Н.Н. Рутыч, восстанавливалась ими по письмам Махрова полковнику П.В. Колтышеву и генералу Н.Н. Стогову, посвященным тем же событиям [1, с. 12].

Но текст одного документа невозможно восстановить по другому документу с иным содержанием. Уже одна эта фраза содержала намек на искажение источника. Кроме того, как сообщали публикаторы книги 1994 г., они сократили часть текста о семейной жизни Махрова, цитаты из книг (в том числе ротмистра Н.В. Вороновича, которых в рукописи Махрова не обнаружилось), а также приказы генерала А.И. Деникина [1, с. 12].

Работая с коллекцией генерала П.С. Махрова в Бахметевском архиве в 2012 г., я на всякий случай скопировал, наряду с другими частями воспоминаний, и тетради о Белом Юге, считавшиеся опубликованными в 1994 г. Каково же было мое удивление, когда выяснилось, что в книгу 1994 г. были внесены отнюдь не только указанные в предисловии к ней изменения. Сравнение книги с рукописью показало, что текст во многих случаях был неверно расшифрован, почти повсеместно литературно обработан, подвергся цензурным и иным сокращениям, в результате чего

исчезли порядка 150 страниц воспоминаний. Внесенные правки значительно исказили этот важный исторический источник.

Почерк генерала (практически печатные буквы) нельзя назвать трудночитаемым, но в некоторых случаях публикаторы, по-видимому, просто не понимали, о чем идет речь. Ошибочная расшифровка порой меняла смысл источника. Например, крымское правительство охарактеризовано в издании 1994 г. как надежное, тогда как в рукописи оно – кадетское; «министр юстиции Кабаков» на самом деле оказался В.Д. Набоковым; полковник (позднее – генерал) Я.А. Слащев стал неведомым Сланцевым; атаман А.П. Богаевский – Окуневским; капитан Степанов – неким несуществующим Сахноновым; едва не расстрелянные в Полтаве супруга и тесть Махрова превратились в супругу и детей, а братья жены – в братьев мемуариста; станция Лихая стала Ликийей; корабль «Посадник» стал «Потемкиным»; донской фронт – длинным фронтом; главноначальствующий в Новороссии стал главнокомандующим в Новороссийске; Брянский металлургический завод стал Брянским железнодорожным; хор трубачей у поезда генерала П.Н. Врангеля стал духовым оркестром; беззубый рот генерала Я.А. Слащева сделался безусым, а провозоспособность железной дороги и вовсе превратилась в некую «паровозоспособность» (эта удивительная ошибка была одним из маркеров того, что публикаторы не имели какого-то иного отредактированного самим Махровым оригинала рукописи).

Вследствие неверной расшифровки текст о боях белых летом 1919 г. с группой советских войск под командованием бывшего генерала В.И. Селивачева приобрел абсурдный характер. В книге отмечается стремление белых «замкнуть в кольцо 8-й армии группировку Селивачева». Но белые на Юге номерных армий тогда не имели, а 8-я советская армия не могла замкнуть в кольцо свою же группировку Селивачева. В оригинале текст другой: «Чтобы замкнуть в кольцо 8-ю армию Сельвачева» [2, тетрадь № 4, с. 302].

Литературная обработка, наряду с другими видами редакторского вмешательства в текст источника, нередко приводила к искажениям, утрате деталей или к появлению новых, отсутствовавших в рукописи. Так, фраза «было около 5 часов дня» превратилась в «было уже поздно». Очевидно, что в каком-то случае такие детали могут иметь принципиальное значение. В книге читаем: «В это время брожение во флоте уже несколько улеглось» [1, с. 157], а у Махрова в рукописи нечто противоположное: «В это время брожение во флоте еще не вполне улеглось» [2, тетрадь № 6, с. 512]. Публикаторами произвольно менялась номенклатура штабных органов, наименования должностей. Менялись и характеристики персоналий. Например, полковник Б.В. Гонтарев, по характеристике Махрова, «человек серьезный и наблюдательный», в книге стал человеком «с развитым чувством ответственности» [1, с. 116]. Эти примеры можно продолжать.

Наконец, третий установленный нами вид искажений рукописи Махрова – вмешательства цензурного характера – был, очевидно, продиктован стремлением улучшить реноме мемуариста и белых в целом, что, видимо, казалось публикаторам актуальным в первые постсоветские годы, когда готовилось издание. Так из рукописи исчезли антисемитские пассажи Махрова, его родных и сослуживцев. Из книги был удален целый абзац [1, с. 24] с описанием строительства укреплений в Крыму, ставшего коммерческим предприятием, в том числе для видного политического деятеля Белого Юга А.В. Кривошеина. Пропало упоминание хищений со стороны некоторых старших начальников Крымско-Азовской Добровольческой армии [1, с. 30]. Полностью исчезли отрывки о коррупции в кругу гвардейских офицеров [1, с. 31] и о бегстве гвардейского отряда из войск генерала Н.Н. Шиллинга [1, с. 41-42]. При описании эвакуации штаба Крымско-Азовской Добровольческой армии в Феодосию исчезло описание грабежей местного населения охраной командующего [1, с. 34]. Не вошел в издание и резко критический рассказ брата мемуариста о том, как генерал П.Н. Врангель в начале 1920 г. в Новороссийске руководил оборонительными работами [1, с. 124]. Помимо этого были удалены рассуждения Махрова о непорядочности Врангеля [1, с. 151, 152], а также о его интриганстве [1, с. 202]. Не вошли в книгу свидетельства генерала П.А. Кусонского о разложении Донской армии. Исчез рассказ о пьянстве генерала А.А. Боровского и его брата, а также о безобразиях последнего [1, с. 50]. Были удалены объемная и яркая характеристика генерала А.И. Деникина [1, с. 51] и даже характеристика брата мемуариста В.С. Махрова – отца одного из участников публикации 1994 г. [1, с. 51]. Причина удаления последней, видимо, в том, что в рукописи содержался рассказ В.С. Махрова брату о жестоком подавлении большевистского восстания в Керчи весной 1919 г. и описание бессудных расправ белых.

Описания жестокостей и произвола белых исчезли и из других мест книги. Так, в издание не вошла сцена повешения коменданта станции Царицын-Южный [1, с. 69] и натуралистичные картины белого террора в ходе конного рейда генерала К.К. Мамонтова [1, с. 96]. Исчезло важное объяснение мотивов бессудных убийств пленных коммунистов, оставленное полковником С.Я. Соболевским: «Таких случаев у меня было несколько, и я не испытывал угрызения совести ... Я убежден был, что если бы я попал к ним в лапы, меня постигла бы еще худшая участь: прежде чем убить, они меня замучили бы ...» [2, тетрадь № 4, с. 311]. Не вошли в книгу и рассуждения мемуариста о садизме генерала В.Л. Покровского [1, с. 102]. В книге отсутствует эпизод, когда начальник штаба Кавказской армии генерал П.Н. Шатилов бегал по крышам вагонов и сгонял ехавших там казаков при помощи нагайки, а командующий армией генерал П.Н. Врангель наблюдал за этой сценой снизу [1, с. 102].

Искажения в книге 1994 г. были обусловлены несколькими факторами: трудностями расшифровки текстов генерала Махрова; отсутствием у готовившего рукопись к печати племянника мемуариста К.В. Махрова профильной академической подготовки как историка и непониманием того, что в текст источника вмешиваться недопустимо, даже если хочется сделать его более литературным и понятным читателям; а также, что хуже всего, определенной ангажированностью и стремлением не публиковать негативные сведения как о семье Махровых, так и о Белом движении в целом.

В настоящее время издательство «Кучково поле Музеон» завершает работу над академическим изданием воспоминаний Махрова о периоде 1917–1920 гг., подготовленным нами, где вышеуказанные недочеты будут устранены.

Чтобы представить место этого источника в общем ряду мемуарных свидетельств руководителей Белого движения на Юге России, напомним, что воспоминания главнокомандующих ВСЮР и Русской армии генералов А.И. Деникина и П.Н. Врангеля известны историкам уже давно и пользуются заслуженной популярностью. Следующий должностной уровень – начальники штаба ВСЮР и Русской армии. Этот пост занимали генералы И.П. Романовский, П.С. Махров и П.Н. Шатилов. Романовский был убит в Константинополе весной 1920 г., практически сразу после оставления своего поста, и воспоминаний не оставил. Воспоминания Шатилова некоторое время назад были опубликованы. И лишь воспоминания генерала Махрова до сих пор оставались неизвестны читателям в их подлинном варианте.

Воспоминания Махрова отнюдь не исчерпываются периодом 1917–1920 гг. – они охватывают практически всю жизнь мемуариста, целую эпоху с 1890-х по начало 1950-х гг., и представляют собой колоссальный по объему (около 5,5 млн знаков) ценнейший источник по истории России и русской эмиграции с конца XIX по середину XX в. Они написаны Махровым в Каннах, в 1950-х – начале 1960-х гг. на склоне лет. В силу этого свидетельства генерала неровны по содержанию, порой содержат ошибки памяти и неточности. С другой стороны, изучение рукописей Петра Семеновича показывает, что их основу (во всяком случае, за время его военной службы) составили дневниковые записи. И хотя они пока исследователям в полном объеме неизвестны или не сохранились (в коллекции Махрова имеются лишь некоторые его записные книжки), это обстоятельство существенно повышает достоверность воспоминаний. Махров скрупулезно описывает события день за днем, что возможно только при наличии дневника.

Часть воспоминаний, посвященная службе Махрова у белых («В белой армии генерала Деникина»), написана в 1953–1954 гг. Наибольшее внимание мемуарист уделил истории Крымско-Азовской Добровольческой, Кавказской и Кубанской армий белых, в которых

в 1919 – начале 1920 г. служил по военным сообщениям, а также своей деятельности в Ставке главнокомандующего ВСЮР в 1920 г. на постах генерал-квартирмейстера и начальника штаба.

То, что мемуарист прошел через службу в различных белых штабах, контактировал со множеством других участников событий и мог делать интересные сопоставления, повышает информативность его свидетельств. Тем более, что некоторые периоды истории Гражданской войны, как, например, события весны 1919 г. в Крыму, отражены в мемуарных источниках достаточно слабо. А об осведомленности автора в военных вопросах и говорить не приходится.

В воспоминаниях о службе в Кавказской армии в 1919 г. много внимания Махровым уделено состоянию путей сообщения и транспорта (железнодорожного и водного), вопросам перевозки войск и военных грузов, эвакуации военных и гражданских учреждений из Царицына, распределения эшелонов, разгрузки железных дорог, восстановления инфраструктуры и т.д. Представляют интерес взаимоотношения офицеров штаба, особенности взаимодействия их с гражданскими властями в Царицыне. Любопытны описания населенных пунктов, быта и повседневной жизни.

Немало места на страницах воспоминаний Петр Семенович уделил различным конфликтам, разъедавшим ВСЮР. Например, между гвардейским и армейским офицерством. Этот болезненный для старой армии вопрос отразился и на кадровой политике белого командования. На Белом Юге при главнокомандующем генерале А.И. Деникине ключевые назначения делались из близкого ему армейского офицерства, причем, чтобы уравнивать армейцев и гвардейцев, Деникин даже упразднил чин подполковника. Сменивший Деникина весной 1920 г. представитель гвардейской аристократии генерал П.Н. Врангель отдавал предпочтение гвардейцам. Недостойное поведение гвардейцев Махров по личным причинам старался тщательно фиксировать. Именно поэтому он немало внимания уделил эпизоду бегства гвардейского отряда с позиций в Крыму в 1919 г., писал о спекуляциях гвардейцев и их моральном разложении. По мнению Махрова, именно «гвардейский иммунитет» ограждал генералов А.П. Кутепова и Я.А. Слащева от наказаний за произвол, хотя это утверждение выглядит спорным. Мемуарист был убежден, что выходцы из гвардии не понимали природу революции, а вульгарно расценивали случившееся как мужицкий бунт и лишь мечтали о возвращении былых привилегий.

Отражен в воспоминаниях и конфликт между генералами Деникиным и Врангелем, причем Махров касается не только фактической стороны событий, но и создает психологические портреты каждого из этих военачальников. Врангель предстает храбрым кавалерийским генералом, крайне самолюбивым, честолюбивым и тщеславным, не терпевшим критики в свой адрес, вспыльчивым, но отходчивым. Деникин же по

характеру выглядит его противоположностью. Махров считал, что Антон Иванович был человеком благородным, бескорыстным, скромным и спокойным, но при этом выдающимся боевым генералом и военачальником.

Махров отдавал должное Красной армии и не скрывал недостатки Белой. Например, он описывает эпизод, когда возникла необходимость воспользоваться в вопросе военных сообщений хорошо составленной советской инструкцией и что требовалось сделать, чтобы не вызвать скандала, – текст был перепечатан по старой орфографии с незначительной редакторской правкой. Махров свидетельствовал: «Наши коменданты стали обучаться по инструкциям красных. Просматривая еще некоторые пособия, изданные красными, я поразился их продуманностью содержания, краткостью, ясностью изложения. Вот тебе и «большевистские банды!» [2, тетрадь № 3, с. 374]. Отметим, что в издании 1994 г. этот фрагмент отсутствует. Высоко оценивал Махров и замысел операции красных против Добровольческой армии в декабре 1919 г. [2, тетрадь № 4, с. 247]. О боях марта 1920 г. под Новороссийском он писал: «Надо отдать справедливость отличному управлению войсками Красной армии и энергичному действию ее войсковых частей» [2, тетрадь № 7, с. 624]. В книге 1994 г. эта фраза отсутствует.

Однако в полной мере объективно оценивать красных Махров, будучи их противником, не мог. Мешал этому и его резкий антисемитизм, в связи с чем практически ни одно упоминание вождя Красной армии Л.Д. Троцкого не обходилось у Махрова без акцентирования внимания на его еврейском происхождении.

Махров болезненно переживал неудачи и отрицательные стороны Белого движения. Отступление ВСЮР на рубеже 1919–1920 гг. усилило конфликты и противоречия как внутри командного состава, так и между различными белыми формированиями.

Свидетельства Махрова позволяют делать выводы об уровне мышления белых военачальников и штабистов. Несмотря на то, что это, как правило, были кадровые офицеры с академическим образованием, нередко во главу угла они ставили общественное мнение – то, как будет воспринята та или иная неудача на фронте. По этой причине Деникин и его начальник штаба генерал И.П. Романовский затягивали вопрос с эвакуацией столицы Белого Юга – Екатеринодара. Точно так же катастрофически запоздал приказ об организации эвакуации ВСЮР из Новороссийска (отметим, что аналогичными мотивами руководствовалось и белое командование на Востоке России [3, с. 427–434]). Махров свидетельствовал о странном безудержном оптимизме генерала Романовского, даже когда борьба была уже проиграна.

Для понимания причин поражения белых важны отрывки об управлении Кавказской армией после ухода генерала П.Н. Врангеля с поста командующего и назначения его преемником генерала

В.Л. Покровского, известного своей жестокостью и произволом. По оценке мемуариста, в окружении Покровского не было ни одного порядочного человека [2, тетрадь № 4, с. 374], а его штаб напоминал стан разбойничьего атамана. «Редко был день, чтобы на дереве или фонарном столбе не кончался новый смертник. Женщины, жившие в поезде моего управления, не решались даже выглянуть в окно, чтобы не увидеть вдруг висельника», – свидетельствовал генерал Махров [2, тетрадь № 4, с. 375]. Он сам едва не пострадал от самоуправства Покровского и фактически был вынужден в начале 1920 г. спастись бегством вместе со всем своим управлением начальника военных сообщений, тайно уехав со станции Котельниково, где располагался штаб армии.

Подводя итог, отметим, что воспоминания генерала Махрова в их подлинном виде, несомненно, дадут существенный материал для историков Гражданской войны в России и Белого движения.

Источники и литература:

1. Махров П.С. В белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. СПб.: Logos, 1994. 304 с.
2. Махров П.С. В белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба главнокомандующего ВСЮР // Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета. P.S. Makhrov collection. Box 4.
3. Щепихин С.А. Воспоминания 1918–1920 гг. / под ред. А.В. Ганина. М.: Фонд «Связь эпох»; Военная книга, 2024. 975 с.

**Евразийские горизонты Германской экспансии в 1918 г.:
этноконфессиональная специфика российских регионов
в поисках Германией новых союзников и сателлитов¹**

*Л.В. Ланник, доктор исторических
наук, ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории
Российской академии наук*

Первая мировая война в первые же месяцы обрела такой размах и такую цену для всех ее участников в Европе, что окупить жертвы в рамках прежней модели поисков компромиссов между великими державами было заведомо невозможно. Не менее масштабной проблемой стало управляемое окончание противостояния там, где оно трансформировалось в многослойные конфликты, то есть во всех странах к востоку от прочерченной на геополитических картах лишь в 1945–1946 гг. линии Штеттин – Триест. Вопреки господствующему в отечественной традиции до сих пор убеждению в окончании Первой мировой войны в ноябре 1918 г. и в «выходе» из нее России 8 месяцами ранее, завершить «эпилог» Великой войны удалось лишь к лету 1923 г. [см. наиболее популярное в зарубежной историографии описание: 41], однако заложенных за десятилетие войны и почти нигде не разрешенных, а лишь замороженных конфликтов оказалось более, чем достаточно для следующего, еще более кровавого раунда. Это заставляет раз за разом обращаться к факторам решений, успехов и неудач всех основных факторов событий, включая интеллектуальные элиты великих держав, ведь важны не только события и явления, но и планы, оставшиеся скрытыми от последующих поколений только из-за их нереализованности, а позднее из-за игнорирования всеми теми, кто уверен в безальтернативности истории.

Пристальное внимание к факторам военного планирования, особенно в период до лета 1914 г., почти всегда имеет в виду оперативные размышления и разведывательные данные о мобилизации и развертывании [см. лишь недавно вышедший соответствующий сборник статей: 39], однако уже после первой кампании Великой войны возникла потребность в аналитике совершенно иного уровня. В оказавшемся слишком затяжным тотальном противостоянии важны были оценки внутренней устойчивости противника, основанные на более комплексных представлениях о нем, нежели полагали необходимым в довоенных Генеральных штабах и их разведках.

Великая война как никогда прежде обнажила иллюзорность не только всемогущества Европы, но и несостоятельность ее образов. Настоящая революция в европейском страно- и регионоведении

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-01241 «Внешние импульсы эскалации Гражданской войны в Поволжье: направленность, восприятие, результаты. Март – ноябрь 1918 г.

последовала благодаря беспрецедентному по масштабам и продолжительности явлению военного плена эпохи массовых армий. В Великой войне в лагерях и рабочих командах оказались миллионы людей, на долгие годы (особенно в России) оторванные от дома. Еще до конца весны 1915 г. армии Центральных держав взяли в плен миллионного российского солдата, так что «материала» для изучения, как и запроса на результаты со стороны военных и дипломатических инстанций оказалось более чем достаточно [см., напр.: 19, с. 149–151]. В развернувшейся на всех уровнях, включая университетскую профессию, «войне умов» едва ли не самыми бурно развивающимися стали сферы, где этнографические данные выступали в качестве «неотразимых» аргументов: антропология, культурология, историческая география и т.д. [см., подр.: 8].

Интеллектуальная история, как правило, опирается на дневники и/или публицистику, однако оказывается в крайне сложном положении при освещении деятельности своих героев, если они по разным причинам переключились на работу на военные инстанции и различные секретные проекты. Из-за гибели большей части архивов германских военных инстанций пересылавшиеся им некогда на регулярной основе доклады разведывательных бюро уцелели в фондах Военного архива лишь в единичных случаях. Например, удалось обнаружить сводку о населении Великороссии, Сибири, Туркестана, Кавказа и Крыма от 17 августа 1918 г., в ряде случаев труды бюро «Восток», касающиеся, однако, не России, а ряда азиатских стран, попадались в документах флотских инстанций [1]. Сколько-нибудь крупных специальных подборок до сих пор не обнаружено, хотя за счет масштабной (и сплошной) проверки тематических папок удастся собрать значительное количество материалов, что с недавнего времени стали подчеркивать исследователи [см., напр.: 46]. Однако в подавляющем большинстве случаев имеются в виду германские акции на Ближнем и Среднем Востоке, реже в других регионах Евразии, особенно в колониальных владениях держав Антанты, но за пределами основной территории России. Некогда распространенный миф о неудаче германских усилий по дестабилизации антантовских колоний («джихад ради германского кайзера») [3], в том числе по сравнению с деятельностью британцев в арабском мире, ныне успешно преодолен [см., напр.: 51]. Великая война все более явно обретает грани поистине мировой.

Корректное исследование коалиционного противостояния требует обращения к действиям всех стран Четверного союза, хотя его гегемон был более чем очевиден. Немалое внимание специалистов привлекала и деятельность османской «Специальной организации» [об историографии проблемы см.: 18, с. 84, 226, 315–316], куда сильнее коллег интересовавшейся поволжскими собратьями по вере и языку, распространяя сферу интересов и на прилегающие этносы, которые считались перспективными для исламизации в случае ослабления

русской государственности. Значительно слабее известны импульсы к развитию с конца XIX в., но особенно с 1913–1916 гг. туранского мифа и поиски родственных народов венгерскими элитами, именно с 1910-х гг. начавшими присматриваться к башкирам, чувашам, а позднее и к коми, и хантам, и манси. И все же пока истинные масштабы и многие грани схватки воюющих коалиций за пределами основных фронтов, где были задействованы особые средства и интеллектуальные ресурсы, раскрыты далеко не полностью, особенно в уникальный – для экспансии других великих держав – период максимальной дезинтеграции русской государственности в 1918 г., а также довольно длительных его последствий в бывшей зоне влияния державы Романовых [см., напр.: 49]. Чрезвычайно продуктивный этап в истории изучения России и ее народов в Центральной Европе, пусть и якобы с чисто военно-политическими целями, начался после установления «мира» на Востоке, ведь условия Брестского мира от 3 марта 1918 г. и ряда иных договоров создаваемой системы международных отношений заставляли рассчитывать на установление континентальной гегемонии Германии, что требовало продолжения тяжелой борьбы против Антанты во всех регионах Евразии. Острая необходимость не только материальных, но и интеллектуальных ресурсов в обеспечении германских проектов на Востоке, незаменимость штатских специалистов при взаимодействии с новыми и часто полностью зависимыми от Кайзеррейха государствами была продемонстрирована неоднократно. Поистине значимым это оказалось в ходе миссии полковника Ф. Кресса фон Крессенштейна в Грузии, в состав которой вошли крупнейшие кавказоведы Европы (профессор Ф. Зарре и др.), хотя цели ставились военно-политические и экономические, так что комплексное описание этого опыта появилось лишь недавно [см.: 29].

Переживавшая – как и ее коллеги в других великих державах – бурное и непростое развитие германская разведка [см., подр.: 38] далеко не всегда располагала ресурсами (особенно кадровыми) и осознанием необходимости концентрироваться на дальнейшем уточнении представлений о Российской империи, особенно после ее распада, вызвавшего логичное, но крайне ошибочное ощущение неактуальности угрозы с Востока. Прежние упорные усилия разобраться в чуждой русской действительностью сталкивались с иллюзией второстепенности Восточного фронта, хотя он продолжал существовать весь 1918-й год (и даже позднее), оказывая огромное влияние на ход решающей кампании [14, с. 33–70].

Мнение о слабом эффекте привлечения интеллектуалов (а не офицеров Генштаба или кадровых дипломатов) к разведывательным и аналитическим миссиям, включая командировки в регионы и устройство резидентуры, господствовавшее десятилетиями относительно германских усилий, последовательно и весьма аргументированно опровергнуто,

по меньшей мере относительно исламского Ближнего и Среднего Востока [см., подр.: 45]. Аналогичная постановка вопроса о действиях в отношении регионов Российской империи долгое время проводилась лишь на уровне регионального обзора, да еще не без влияния политической конъюнктуры времен Холодной войны [особенно важные работы: 31, 48]. Позже возможность обратиться к прежде недоступным источникам получили и некоторые российские исследователи, последовали как общие, так и специализированные исследования феномена [19; 7].

При исследовании деятельности германских аналитических центров, переживавших бурное развитие все годы Великой войны, бросается в глаза активное привлечение интеллектуальной элиты, особенно молодых специалистов, а также крайняя нехватка таковых относительно национальностей и регионов Российской империи вне пределов ее азиатской периферии. Со временем определяющую роль в информационном потоке и воздействии на подготовку решений в германской политике на Востоке (*Ostpolitik*) в ведомстве на Вильгельмштрассе заняло Осведомительное бюро «Восток» (*Nachrichtenstelle Orient*), где собрались энтузиасты и специалисты, зачастую до Великой войны не имевшие почти никаких шансов на внимание высокопоставленных дипломатов с Вильгельмштрассе, тем более в центральных военных инстанциях. Они поддерживали активные контакты с рядом известных германских публицистов и экономических обозревателей (А. Диксом, Г. Кляйновым и др.), а также с видными политиками, активно занимавшимися внешнеполитическими миссиями (М. Эрцбергером и Г. Штреземаном), однако пытались аргументированно дистанцироваться от сложившихся еще до Великой войны и в самом ее начале мотивов и тонов в оценках столь слабо – как оказалось – изученных ближайших и крупнейших соседей. Востребованность новых надежных сведений в годы устроенной Антантой информационной блокады была очень велика, а наиболее перспективные «специалисты по Востоку», как будущий основатель Германского института изучения Восточной Европы О. Хётч, с трудом балансировали в рамках военной цензуры, пытаясь актуализировать свои исследования. В этом отношении показательна переизданная в 1917 г. базовая для целого поколения специалистов по Восточной Европе работа 1912 г., автор которой упорно, но не всегда успешно стремился учитывать надежные сведения за годы войны [26].

В связи со специализацией основателей бюро (М. фон Оппенхайма и его преемников [см., подр.: 44]) центром тяжести усилий данной организации, пока недостаточно исследованных в отечественной историографии [одна из немногих статей: 5], на протяжении всей ее истории оставался исламский мир, однако это вовсе не значит, что в сферу интересов ее сотрудников не попадали и немусульманские народы, в том числе в России. Подготавливаемые регулярные обзоры – при откровенном недостатке карт, не считая довольно схематичных, основанных на

довоенных данных, пестрели статистикой и базовыми сведениями об этнических группах многих регионов России, в том числе Туркестана, Кавказа, Поволжья, Сибири. Их изучение, включая упоминания о черемисах и попытки их краткой характеристики с оценкой политических настроений, вызывает у современного, а особенно отечественного исследователя неоднозначное впечатление, хотя бы неустоявшейся терминологией (вроде «Киргизистана», словосочетаний «грузины и (! – Л.Л.) георгиевцы» и т.д.). Однако следует сразу же подчеркнуть, что многие сведения черпались германскими аналитиками из той литературы о российских регионах и их населении, что удалось достать к исходу Великой войны, то есть зачастую они оставались на довоенном уровне развития регионоведения в императорской России, копируя неточности и доводя их – в силу разных причин – до порой курьезных ошибок.

После затяжных и крайне опасных (из-за их публикации) дискуссий на Брест-Литовской мирной конференции о праве народов на самоопределение, опубликованных далеко не сразу [наиболее полный корпус: 34] дипломатические ведомства Центральных держав явно интенсифицировали запросы об этноконфессиональном составе населения Российской империи и ее лимитрофов, ведь этот ресурс планировали теперь использовать для более масштабных, чем разведка и/или диверсии проектов. Важным импульсом к уточнению представлений о составе населения и потенциальной мотивации тех или иных этносов к поддержке или борьбе с любой центральной российской властью стала проблема отбора военнопленных при репатриации. В течение 1917–1918 гг. германские и, в меньшей степени, австро-венгерские и османские военные ведомства попытались довести до практического эффекта «национальные акции», имея в виду создание из военнопленных будущих союзных контингентов ядро армий будущих лимитрофов Российской империи [12]. Однако побудить к активному участию в военных действиях на стороне Центральных держав даже под национальной ширмой было – как и во многих аналогичных антантовских проектах – очень не просто, а потому средством давления и поощрения сепаратизма стало право преимущественной репатриации. После Брест-Литовского договора от 3 марта 1918 г. и образования кольца фронтов вокруг РСФСР отбор из пленных тех, кто попал бы на потенциально проантантовские территории (в Сибирь и на Урал, где установилась власть Комуча, а затем уфимской Директории, на Русский Север и т.д.), был искусственно затруднен. В аморфной массе «русских вообще», а особенно в офицерской среде [9, с. 161–171]) началась диссоциация, однако представителей любых считавшихся православными народов России от великороссов почти не отличали, не смущаясь даже явными антропологическими особенностями. Зато преимущества по срокам освобождения и выезда на

Родину были у тех, кто заявил о своем украинстве, у донских и кубанских казаков, у горских народов, грузин, финляндцев и т.д.

Задача получения статистических данных об этноконфессиональном составе осложнялась не самым блестящим состоянием учета населения в Российской империи и до Великой войны (как и качеством базовых сведений у германских «специалистов по России», особенно в статистическом отношении), а тем более следствиями нескольких годов информационной блокады и военной цензуры, но сильнее всего был эффект от тектонических сдвигов в ходе беспрецедентной динамики миграций: беженства [см., напр.: 23], военных потерь, нового витка урбанизации, реализуемых инфраструктурных проектов, продолжающегося (и даже дополнительно оживившегося в начале 1918 г.) переселенческого движения и реструктуризации российской экономики после обрыва многолетних связей. Нередки были и заметные перемены в самоидентификации, по меньшей мере, этнической. Даже столетие спустя многие статистические показатели 1917–1922 гг. остаются оценочными (несмотря на интенсивные, особенно региональные исследования) [см., напр.: 21], а частые ссылки на данные переписи 1897 г. (откровенно неактуальные спустя 20 лет демографического взрыва) говорят сами за себя [см., напр.: 10; 28]. Все эти затруднения вполне осознавались германскими аналитиками, однако никаких шансов на уточнение исходных данных, кроме восстановившегося к весне 1918 г. хотя бы частичного доступа к российской специализированной публицистике у них не было. Хотя особенно сильно беженство и миграции различных типов затронули окраины Российской империи [показателем этого является название (пусть и преувеличенное) одного из базовых трудов по истории миграций в Российской империи в годы Великой войны: 37], однако в целом «миграционную революцию» следует признать общим для всех регионов феноменом, пусть и ощущавшимся (и заметным со стороны) в различной степени.

К перспективам, открывавшимся в случае подчинения германской гегемонии «хотя бы» основной части Европейской России, в Кайзеррейхе многие относились с энтузиазмом. Представление о масштабах «аппетитов», особенно весной-летом 1918 г. вызвало некогда (в 1960–1970-х гг.) настоящую сенсацию в историческом сообществе [25]. Еще весной 1918 г. крупнейшие магнаты Германской империи приступили к обсуждению параметров будущего «русского синдиката», на что влияли не только самые приблизительные оценки недостаточности индустриального развития поверженного противника на Востоке, но и порой почти неосознанные стереотипы о варварстве и отсталости, которые за годы ожесточенного противостояния прошли далеко не линейную и не всегда внятную эволюцию [см.: 11; 15]. Мощный рост российских городов и вошедшие в массовый обиход за время войны технические новации существенно меняли оценки будущих инвестиций

и шансы на их быструю реализацию и востребованность, особенно в энергетике, средствах связи и транспорта, расчета поставок промышленной продукции и топлива, хотя никаких значительных избытков товаров (кроме жестко контролируемого Ставками и военными министерствами оружия) ни Германская империя, ни Австро-Венгрия к 1918 г. не имели. Зато по итогам блестящих свершений в ходе борьбы с Антантой в столь жестком кольце фронтов в Центральных державах были уверены, что для военных железнодорожников нет почти ничего невозможного [соответствующее исследование было подготовлено еще к началу 1930-х гг., но 2-я его часть, о 1915–1918 гг., опубликована лишь недавно и до сих пор слабо востребована в историографии: 33], а восстановление транспортного сообщения на российских просторах не потребует долгого времени. Реалии информационной блокады и инспирированных Антантой массовых кампаний [30] заставляли многие германские ведомства усматривать в экспансии в России единственный шанс на восстановление доступа к мировой аудитории, восстановив общую телеграфную сеть (а теперь еще и радиосеть), замкнутую на столицы Центральных держав и вобравшую в себя российские линии [16]. Это гарантировало бы радикальное изменение в информационном потоке о России и всех ее народах и регионах, однако из-за быстрого поражения германской коалиции был упущено.

Ценнейшим источником, при условии своевременного сбора данных и подлинно аналитического к ним подхода, могли и должны были бы стать показания об условиях пребывания в плену/интернировании и общей динамике обстановки с началом революционных потрясений от прибывавших с поздней осени 1917 г. на линию фронта, а затем и более официально репатриировавшихся десятков тысяч солдат, офицеров и штатских из числа подданных Центральных держав. Хотя многие детали этого многогранного и зачастую трагического процесса, растянувшегося на долгие годы, слабо известны до сих пор (хотя источниковая база постепенно расширяется [см., напр.: 20], следует констатировать, что информационную ценность от этой категории людских ресурсов использовали в целом незначительно, что отразилось и на последующей историографии проблемы. Масштабного труда отечественного авторства о репатриации из России военнопленных из Центральных держав (за пределами региональных исследований и вне концепции прежнего мифа об «интернационалистов»), по-видимому, не существует. Из зарубежных исследований более чем 20-ти лет лучшим, пусть и в рамках избранных аспектов, остается работа австрийских специалистов [46]. Разумеется, «политический карантин» и опрос о деталях возвращения на родину были организованы, однако эта процедура не всегда вела к систематической обработке поступающих сведений. Ценнейшие кадры из испытавших российский плен в отдаленных губерниях (в т.ч. Вятской, Оренбургской, Пермской и т.д.) лишь в отдельных случаях получали

возможность применить на практике свои вновь обретенные уникальные познания и языковые навыки: получив работу в одном из дипломатических представительств Центральных держав в новых и старых столицах: Москве/Киеве/Гельсингфорсе/Тифлисе/Новочеркасске и т.д. или даже войдя в состав разъехавшихся по губерниям десятков комиссий по репатриации [см. ряд примеров: 13, с. 30–45; 4, с. 139–165]. Для некоторых из таких ходатаев по делам военнопленных именно это стало началом длительной дипломатической или политической карьеры [см., напр.: 27], однако общий уровень аналитики в Берлине и Вене непосредственно в 1918 г. от их задержки в России явно пострадал. Специализированные отделы и аналитические структуры в дипломатических ведомствах пока лишь складывались, в том числе знаменитый впоследствии «русский отдел» [см., подр.: 50], так что зачастую на стол истинным руководителям *Ostpolitik* ложились обширные, но крайне сомнительной ценности материалы.

Это хорошо видно по содержанию обнаруженных докладов и особенно газетных сводок, подготовленных бюро «Восток», ведь в них сочли нужным цитировать даже столь одиозные сообщения, как нашумевший «декрет о социализации женщин», якобы обнародованный Саратовским советом летом 1918 г. [2, 10110/280–282], хотя специалисты стремились пользоваться лишь действительно авторитетными изданиями. В настойчивом поиске любых сведений, имеющих военно-политическое значение, вынуждены были прибегать к газетным заметкам, что и предопределяло уровень достоверности (как и во многих трудах последующей историографии), и теоретические пределы точности прогностики. Огромный мир пробудившихся с началом революции локальных конфликтов до сих пор даже в отечественной историографии изучен далеко не достаточно, в том числе из-за длительной советской традиции искажать суть происходившего, сводя многогранное противостояние непременно к социальному, хотя оно нередко было откровенно этноконфессиональным по логике и расстановке сил. Шансов на более корректные представления было очень немного: даже в советских подборках документов относительно самых «благополучных» в этом отношении регионов с трудом скрывают явные задатки межэтнических конфликтов, между татарами и марийцами, например, а также в связи с высокой долей церковного землевладения в Среднем Поволжье и соответствующего акцента в перераспределении угодий [24, с. 142–143, 146, 158]. Германские дипломаты считали относительно приемлемыми партнерами представителей духовенства, особенно исламского, однако часто не имели надежных сведений об их положении в местной иерархии (как и вообще об устройстве нехристианских конфессиональных организаций). Специалистам приходилось готовить соответствующие обзоры и пояснения [см., напр.: 2, 10090/108–111].

Возможность хотя бы примерно верифицировать данные об обстановке как в «глубинке», так и на окраинах, а особенно за линиями фронтов Советской России была тем насущнее, что у германских, австро-венгерских и даже османских инстанций уже был опыт, и далеко не самый приятный, контактов с различными активистами, в том числе из Лиги Инородцев, которые к началу 1918 г. основательно дискредитировали себя, как неспособностью мобилизовать соплеменников, так и слишком высокими – по мнению имперских покровителей – запросами относительно реальной независимости [см., подр.: 52]. Добиваясь финансирования и начала переговоров на высоком уровне, разнообразные борцы за независимость называли громадные цифры якобы готового завтра же восстать против российских властей воинства или «ненавидящего славян исторически» населения различных (и часто почти неизвестных тем, кто принимает решения в Берлине, Вене и Константинополе) этносов и группировок. Особенно крупное значение это обретало, когда заявлялось о необходимости поставок оружия на ту или иную повстанческую армию в 50, 100 или 200 тысяч бойцов. Армии подобных заведомо сомнительных размеров заявлялись, например, энтузиастами создания Союза горцев Кавказа. Примеры крайне плохо известных, но, по-видимому, вошедших в стадию реализации проектов на основе восстания ингушей и осетин (которым нужно, якобы, лишь достаточное количество германского оружия) пока лишь вводятся в научный оборот [см., напр.: 3]. Даже с учетом довольно большого количества вернувшихся к весне 1918 г. по домам фронтовиков (и при смутных догадках о принесенных ими арсеналах оружия. Хотя достаточно наглядный материал для размышления был получен в ходе наступления австро-германских войск весной 1918 г. и при последующих масштабных обысках в селах и городах, особенно на Украине [14, с. 27, 303–308, 329–331]) возникали крупные сомнения и опасения, что будет или упущен действительно ценный союзник, или крупные средства и оружие уйдут откровенным авантюристам либо далеко не склонным выполнять необходимые для Центральных держав миссии повстанческим отрядам. Крайне слабыми были представления о реалистичности озвучивавшихся энтузиастами (псевдо) конфедеративных проектов (атаманом Д. Тундутовым, например), которые стремились представить как шанс на ослабление «славянского» ядра любой формы российской государственности. Наиболее известным из них (и вызвавшим самое пристальное внимание не только высших военных инстанций, но и лично кайзера) стал Юго-Восточный союз [40].

Оптимистические расчеты на быстрое восстановление довоенных реалий, особенно – выгодного для Центральной Европы индустриально-аграрного товарооборота, и потому на высокую лояльность «освобожденных от царизма народов» не оправдались даже в зоне прямой оккупации, где она получила соответствующее политическое прикрытие,

как на Украине, например [см., подр.: 32]. Крайне тяжелое стратегическое положение Центральных держав на протяжении всей последней кампании Великой войны и особенно острая нехватка людских ресурсов, несмотря на прибытие сотен тысяч репатриантов (главным образом – в Австро-Венгрию), заставляли расценивать сведения о любых военно-политических и этнических группировках в том или ином регионе России через призму готовности заявить о своей независимости от Петрограда/Москвы или хотя бы о стремлении к автономии, под которой часто понималось установление прямых отношений зависимости от стран германской коалиции в обмен на военную помощь (как это было не только с Украинской державой, но и с Доном и Азербайджаном). Возникший в Поволжье благодаря восстанию Чехословацкого корпуса Восточный фронт был – в связи с нарастанием интервенции Антанты – прямой угрозой Германской империи, а не только Советской России, что актуализировало поиск потенциальных партнеров в противостоянии антантовскому влиянию на местах, так что в Берлине активизировали контакты с эмиссарами от казанских татар, о чем сохранились документы: о консультациях в Берлине в августе-октябре 1918 г. и справки о «перспективности» татарских представителей (О. Токумбета, Ю. Музаффара, в меньшей степени – А. Валиди, А. Идриси и т.д.) [2, 11127/2–69]. По-видимому, германские эмиссары были готовы вести переговоры с атаманом А.И. Дутовым, да и вообще отчаянно искали те группы в населении Поволжья и Урала, которые могли бы восстать против чехословаков и Комуча, а затем – Директории. Но информации было критически мало, а возможностей добиться прямого воздействия, с выездом в регион – еще меньше.

Шансы на активное проникновение (про)германских эмиссаров вглубь России, например в составе разъехавшихся по губерниям комиссиям по репатриации или в составе вновь открываемых консульств, также диктовались инфраструктурой. Региональные дисбалансы в ее развитии даже после крупных и качественных перемен накануне и в годы Великой войны по европейским меркам были шокирующими. В условиях резкой деградации железнодорожного сообщения с весны 1917 г. [см., подр.: 22] некоторые регионы должны были показаться бесперспективными для встраивания в экономическое пространство германской гегемонии, хотя бы из-за своей труднодоступности. Достаточно напомнить, что в Йошкар-Олу тупиковая ветка железной дороги пришла лишь в 1935 г. В 1918 г. еще только достраивался прямой ход из Москвы в Казань, как и ветка из Казани в Екатеринбург, открытие которой окончательно превратило будущую столицу Татарстана в критически важный транспортный узел, что повышало шансы всей губернии и прилегающих к ней уездов на более или менее активное противостояние за контроль над ними со стороны не только региональных сил. Даже там, где – как в Среднем Поволжье – слишком многое

подталкивало к резкой активизации усилий и уточнению позиции местных контрагентов (поволжских немцев, например), напрашивающиеся стратегические опции были не замечены ни Германией, ни антибольшевистскими силами, но сыграли в пользу красных, хотя и у них приоритеты в кампании 1918 г. были иные [17]. Недостигаемой для германских агентов и партнеров оставалась и Вятка, хотя интерес к ней как к опорному пункту на кратчайшем пути из Петрограда на Урал и в Сибирь германские эмиссары проявили еще в июне-июле 1918 г. [13, с. 155–158]. Налаженное в начале осени 1918 г. после упорных колебаний конструктивное взаимодействие между Москвой и Берлином совпало с началом решительного перелома кампании в Поволжье в пользу большевиков, однако последовавшее всего 2 недели спустя начало конца Центральных держав привело к резким зигзагам политики Кайзеррейха и скорому крушению германских экспансионистских планов многим в 1919 г. казавшемся необратимым.

Германские архивы хранили (и хранят) немало зачастую фрагментарных сведений о тех едва намеченных или остановленных на стадии перехода от планов к первым этапам реализации проектах укрепления влияния Кайзеррейха в регионах, традиционно считающихся не затронутыми иностранной интервенцией и/или активной фазой Гражданской войны. Свернутые после поражения Центральных держав планы и институции не могли пройти и не прошли бесследно, хотя за следующие 20 лет «перемирия между мировыми войнами» слишком многое изменилось, чтобы в 1939–1942 гг. в Берлине начали бы ровно с того же места, на котором остановились в 1918-м. Для анализа рисков и альтернатив исхода тяжелейшего кризиса российской государственности принципиально важно не только то, что многое из грозившего дальнейшей дезинтеграцией нашей страны не состоялось не только по удачному стечению обстоятельств и из-за дефицита ресурсов у внешних интересантов. Особое значение для продолжающегося осмысления эпохи мировых войн и их воздействия на территории всех регионов России имеет сам факт очевидно беспрецедентных, масштабных усилий, пусть и шокирующе запоздалых, со стороны ряда европейских научных центров по познанию огромного внутреннего мира Евразии, того соседа с Востока, о котором всегда было столько стереотипов и весьма уверенных суждений. Великая война, пусть и на излете, в ходе ее трансформации в многослойный набор конфликтов, известных под названием «Гражданской войны в России», привела к революционным изменениям в представлениях Европы о «русских», хотя бы благодаря сотням тысяч пленным, этой разноязыкой и порой довольно слабо русифицированной массе.

Отдельные примеры очевидной преемственности между проектами, пестуемыми кайзеровскими и нацистскими спецслужбами, соответственно, достаточно хорошо известны, как на материале советизированных лишь

в 1939–1940 гг. республик СССР, так и насчет ряда других национальностей, которых в Третьем рейхе сочли «перспективными» [см., напр.: 42, 43], включая те, представителей которых с помощью заявивших о себе еще в 1918 г. контрагентов отбирали в легион «Идель – Урал». Не менее известны и неудачи германской разведки (как, впрочем, и аналогичные проекты межвоенного периода других стран, направленные против СССР) [см., подр.: 36], вызванные не только стереотипами и недостатком квалификации, но и далеко не оптимальным кадровым составом и промахами в работе с различными кругами эмиграции первой волны, включая националистическую. Многие из этого – прямое следствие истории германской аналитики комплекса тем о России в 1914–1918 гг. Сходство многих составляющих проектов и расчетов в рамках *Ostpolitik* периода Первой и Второй мировой войн трудно не заметить, однако степень преувеличенности как правило недооценивается. Беспристрастное отделение нацистского компонента, включая идеологизированные конструкты, от непеременимых инструментов имперской экспансии в любом ее обличье и под любым прикрытием (включая «национальные акции» в использовании военнопленных [см., напр.: 6]), станет важным шагом к историзации наиболее сложных страниц истории многонациональной российской государственности в XX в., особенно в эпоху мировых войн.

Источники и литература:

1. BA-MA (Bundesarchiv-Militärarchiv) PH 3/356; RM 5/2714, 2759, 2773, 3746
2. PA AA (Politisches Archiv des Auswärtigen Amts) RZ 201/10090, 10110, 10116, 10116A, 11041, 11042, 11053, 11127; RZ 202/22243.
3. Битва за сырье: Великая война в сердце Евразии, 1917–1920 гг. / Пер. с нем., комм., пред. Л.В. Ланника. СПб., 2025.
4. Бонвеч Б. С Россией и без нее / Пер. с нем. Л. Башкиной. М., 2019.
5. Гилязов И.А. Германская Служба информации по Востоку и организация печатной пропаганды среди мусульманских народов России в годы Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2015. № 2 (44). С. 103–115.
6. Гилязов И.А. Легион «Идель – Урал». М., 2009.
7. Гилязов И.А., Гатауллина Л.Р. Российские солдаты-мусульмане в германском плену в годы Первой мировой войны. Казань, 2015.
8. Гурный М. Великая война профессоров. Гуманитарные науки, 1912–1923 гг. / Пер. с пол. Н.С. Поляковой, науч. ред. Б.И. Колоницкий. СПб., 2021.
9. Гуцин Ф.А. Жертвы стальных гроз. Пленные и погибшие генералы Российской императорской армии. М., 2020.
10. Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX в. М., 1998.
11. Кёнен Г. Между страхом и восхищением. «Российский комплекс» в сознании немцев 1900–1945 / Пер. с нем. А.Б. Григорьева. М., 2011.
12. Ланник Л.В. «Национальные акции» в лагерях военнопленных как особый этап в эволюции военного плена Великой войны // Первая мировая война: дискуссионные аспекты конструирования исторической памяти в России и Европе. М., 2025.

13. Ланник Л.В. Непосильная гегемония. Германия на фронтах Гражданской войны в России. СПб., 2023.
14. Ланник Л.В. После Российской империи. Германская оккупация 1918 г. СПб., 2019.
15. Ланник Л.В. Стереотипы германских военных о России: испытание реальностью Великой войны 1914–1918 гг. // Европейские войны Российской империи / Под ред. А.И. Миллера. СПб., 2025. С. 167–188.
16. Ланник Л.В. Структурно-техническое обеспечение евразийской гегемонии: германская политика на Востоке в 1918 г. через призму истории инфраструктуры // Электронный научно-образовательный журнал. 2024. Т. 15. Вып. 9 (143).
17. Ланник Л.В., Посадский А.В. «Саратовский ключ» к кампании 1918 г. // Новая и новейшая история. 2023. № 3. (67). С. 84–100.
18. Мирзеханов В.С., Ланник Л.В. В перекрестье имперских проектов. Рах Ottomanica от первой конституции до Лозаннского мира. М., 2025.
19. Нагорная О.С. Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010.
20. Руперт Ульрих. Дневник моего интернирования в России (1914–1918 гг.) / Пер. с фр. К.В. Рюшти, науч. ред. Н.В. Суржикова. М., 2021.
21. Рынков В.М. «Сибирский бег»: вынужденные миграции на востоке России в годы Гражданской войны // Известия Иркут. гос. ун-та. Сер. «История». 2014. Т. 9. С. 101–115.
22. Сенин А.С. Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914–1922 гг.). М., 2009.
23. Суржикова Н.В., Михалев Н.А., Пьянков С.А. Российское беженство: центры и периферии, процессы и структуры, индивиды и массы (1914–1922 гг.). Екатеринбург, Челябинск, 2021.
24. Установление Советской власти в Марийском крае / Сб. док-тов. Йошкар-Ола, 1970.
25. Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / Перев. с нем., комм. и пред. Л.В. Ланника. М., 2017.
26. Хётч О. Россия. Введение / Перев. с нем., комм. и пред. Л.В. Ланника. М., 2021.
27. Хильгер Г., Мейер А. Россия и Германия. Союзники или враги? / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2008.
28. Щеров И.П. Миграционная политика в России, 1914–1922 гг. Смоленск, 2000.
29. Astamadze G. Deutsch-georgische Zusammenarbeit 1918: Georgiens Unabhängigkeit und das deutsch-georgische Bündnis im Südkaukasus. Paderborn, 2022.
30. Barth V. Wa(h)re Fakten. Wissensproduktionen globaler Nachrichtenagenturen 1835–1939. Göttingen, 2020.
31. Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil I. Ihre Basis in der Orient-Politik und ihre Aktionen 1914–1917; Teil II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917–1918). Wien; Köln; Weimar, 1975, 1992.
32. Borowsky P. Deutsche Ukrainepolitik 1918. Unter besonderer Berücksichtigung der Wirtschaftsfragen. Lübeck; Hamburg, 1970.
33. Das deutsche Feldeisenbahnwesen / hrsg. von H. Rohde. Bd. 2. Hamburg; Berlin; Bonn, 2010.
34. Der Friede von Brest-Litowsk. Ein unveröffentlichter Band aus dem Werk des Untersuchungsausschusses der Deutschen Verfassungsgebenden Nationalversammlung und des Deutschen Reichstages / bearb. von W. Hahlweg. Düsseldorf, 1971.
35. Erster Weltkrieg und Dschihad. Die Deutschen und die Revolutionierung des Orients / hrsg. von W. Loth, M. Hanisch. München, 2014.

36. Gasimov Z. Warschau gegen Moskau. Prometheistische Aktivitäten zwischen Polen, Frankreich und der Türkei, 1918-1939. Stuttgart, 2022.
37. Gatrell P. A whole empire walking. Refugees in Russia during World War I. Bloomington, 1999.
38. Geheimdienst und Propaganda im Ersten Weltkrieg. Die Aufzeichnungen von Oberst Walter Nicolai 1914 bis 1918 / hrsg. von M. Epkenhans, G.P. Groß, M. Pöhlmann, C. Stachelbeck. B., 2019.
39. Gehirne der Armeen? Die Generalstäbe der europäischen Mächte im Vorfeld der Weltkriege / hrsg. von L. Grawe. Paderborn, 2023.
40. Gehrman U. Der „Südostbund“ – Ein Ordnungsversuch im Spannungsfeld zwischen Randstaatenpolitik und Regionalismus zur Zeit des Umbruchs im rußländischen Reich (1917-1920) // Region und Umbruch 1918. Zur Geschichte alternativer Ordnungsversuche / hrsg. von H. Heppner, E. Staudinger. Frankfurt/M u.a., 2001. S. 149-202.
41. Gerwarth R. The Vanquished. Why the First World War failed to end? N.Y., 2016.
42. Hoffmann J. Kaukasien 1942/43: das deutsche Heer und die Orientvölker der Sowjetunion. Freiburg, 1991.
43. Krause W.H. Verschmähte Waffenbrüder: die Tragödie der Ostvölker; aus dem Nachlass des deutschen Militärattachés und General der Ostfreiwilligen General Ernst Köstring. Stegen/A., 2010.
44. Kreutzer M.S. Dschihad für den deutschen Kaiser. Max von Oppenheim und die Neuordnung des Orients (1914-1918). Graz, 2012.
45. Krug S. Die „Nachrichtenstelle für den Orient“ im Kontext globaler Verflechtungen (1914-1921). Strukturen – Akteure – Diskurse. Bielefeld, 2020.
46. Leidinger H., Moritz V. Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920. Wien; Köln; Weimar, 2003.
47. Liebau H. „Unternehmungen und Aufwiegelungen“: Das Berliner Indische Unabhängigkeitskomitee in den Akten des Politischen Archivs des Auswärtigen Amts (1914–1920) // Archival Reflexicon. 2019. P. 1-10.
48. Mark R.A. Krieg an fernen Fronten. Die Deutschen in Russisch-Turkestan und am Hindukusch 1914-1924. Paderborn u.a., 2013.
49. Noack D.X. Das zweite Turnier der Schatten: Turkestan und die Politik der Großmächte 1919–1933. Paderborn, 2025.
50. Sütterlin I. Die „Russische Abteilung“ des Auswärtigen Amts in der Weimarer Republik. B., 1994.
51. Will A. Kein Griff nach der Weltmacht. Geheime Dienste und Propaganda im deutsch-österreichisch-türkischen Bündnis. Köln, 2012.
52. Zetterberg S. Die Liga der Fremdvölker Rußlands 1916-1918. Helsinki, 1978.

Миссия Х.Дж. Маккиндера на Юге России в январе 1920 г.: деятельность и результаты

*С.А. Миронюк, кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры истории
Института экономики и управления АПК
РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева*

Британская политика интервенции в России является одним из важных направлений в историографии Гражданской войны и иностранной интервенции в России. Эта тема изучается в различных аспектах как в отечественных [1–36], так и зарубежных работах [37–47]. Внимание к ней обусловлено важностью определения степени влияния политики вмешательства Соединенного Королевства на динамику и итоги Гражданской войны и иностранной интервенции в России, в том числе и на Юге России.

Интерес к Югу России обусловлен тем, что его благоприятное географическое положение, климат, развитое сельское хозяйство и транспортная инфраструктура, включая порты, были объектами интереса политиков, экономистов и военных разных стран на протяжении длительного времени. Это, в частности, подтверждается тем, что планирование и согласование интервенции на Юге России начались с заключения конвенции «Условия Конвенции, согласованные в Париже 23 декабря 1917 г.», то есть коллективная работа «союзников» по фактическому разделу сфер влияния в этом российском регионе началась раньше, чем был заключен Брестский мирный договор и окончилась Первая мировая война [48]. Франция и Великобритания и в настоящее время проявляют повышенный интерес к этому региону.

Обладание Югом России могло бы дать значительные преимущества в решении проблем продовольственного обеспечения и социальной напряженности, как это было, в частности, во время Гражданской войны в этом регионе. На Юге наиболее остро проявлялись социальные, экономические и политические проблемы, разрешение которых прямо влияло на степень поддержки населением сторон гражданского конфликта. Этот регион находился в центре внимания Великобритании во время Гражданской войны в России, поскольку привлекал не только сельскохозяйственными ресурсами, транспортной инфраструктурой, но и перспективами роста влияния в мире для решения своих политических, экономических и геополитических проблем. Для возможности закрепления региона в своей сфере влияния британская сторона оказывала разностороннюю поддержку южнороссийским белогвардейским силам, настроенным в целом благожелательно к Великобритании и имевшим с ее точки зрения возможности победить РККА.

К числу актуальных направлений изучения британской политики интервенции на Юге России относятся поиск и ведение в научный оборот

государственных документов из Национального архива Соединенного Королевства, которые отражали процессы планирования, согласования, реализации и завершения выбранной Великобританией политической линии по интервенции, в том числе поддержки южнороссийского Белого движения. Одним из таких документов является написанный в январе 1920 г. отчет одного из известных классиков геополитики главы британской миссии на Юге России Хэлфорда Джона Маккиндера. Документ озаглавлен «Ситуация в Южной России».

В этом документе, который впервые в отечественной историографии вводится в научный оборот, представлены деятельность миссии и ее результаты. Автор отчета описал маршрут миссии от Лондона до Новороссийска, а также свои беседы с разными политиками и военными на пути к Южной России и во время нахождения там. Одновременно представлено описание текущей военно-политической ситуации в этом регионе на фоне поражений Вооруженных сил Юга России во главе с А.И. Деникиным. Отчет содержал мнение главы миссии относительно перспектив внутрироссийского конфликта и необходимости изменений в российском направлении внешней политики Соединенного Королевства.

Перед началом основного текста сообщалось о готовности отчета по поручению Кабинета министров Великобритании и об его распространении ввиду отсутствия государственного секретаря по иностранным делам Дж. Н. Керзона. Х.Дж. Маккиндер отметил: «Надеюсь и верю, что сейчас располагаю всеми основными фактами, необходимыми для оценки обстановки. Безусловно, предпочел бы провести еще несколько недель в этой стране (в России – *С.М.*), прежде чем высказывать мнение, но время критично, и полагаю, что правительству Его Величества потребуется мое заключение немедленно, пока я вижу картину целиком, поскольку очевидно, что необходимо выработать политику и принять решения без дальнейших задержек» [49, с. 92].

Далее следует основной текст отчета. Начинался с описания путешествия миссии во главе с Х.Дж. Маккиндером из Лондона в Новороссийск. 4 декабря 1919 г. он покинул столицу Великобритании и отправился в Париж, где встретился, в частности, с С.Д. Сазоновым, В.А. Маклаковым, Б.В. Савинковым. 10 декабря автор отчета покинул Париж и 13 декабря прибыл в Варшаву, где встретился и разговаривал с президентом Польши маршалом Ю. Пилсудским и министром иностранным дел И.Я. Падеревским. 17 декабря покинул польскую столицу и 21 декабря остановился в Бухаресте, где провел встречи с британским поверенным в делах и румынским премьер-министром. 23 декабря покинул Румынию и на следующий день прибыл в Софию, где также провел ряд встреч. 28 декабря добрался до Константинополя, встретился с британскими военными. Было сообщено, «что отступление генерала Деникина продолжается и что Одесса, вероятно, будет оставлена» [49, с. 92].

30 декабря Х.Дж. Маккиндер покинул Константинополь, 1 января 1920 г. прибыл в Новороссийск и там получил телеграмму от главнокомандующего ВСЮР А.И. Деникина. В ней он «приветствовал меня, но сообщил, что из-за положения дел на фронте и перегруженности движения на железных дорогах он пока не может встретиться со мной» [49, р. 92].

8 января Х.Дж. Маккиндер выехал поездом из Новороссийска и прибыл на следующий день в Екатеринодар, откуда отправился в штаб-квартиру А.И. Деникина – в Тихорецкую. Когда он приехал туда, успел с ним обсудить детально общую ситуацию. Автор отчета отметил крайне тяжелое положение на фронте и саботаж движения поездов на участке дороги между Новороссийском и Екатеринодаром из-за действий зеленых. 10 января глава миссии покинул Тихорецкую и через день вернулся в Екатеринодар, где познакомился с П.Н. Врангелем, затем 12 января отправился в Новороссийск, где 13 января переговорил с П.Н. Врангелем.

Главнокомандующий ВСЮР через А.С. Лукомского передал телеграмму главе миссии. Судя по содержанию, до этого времени А.И. Деникин строил свою политику на идее неделимой России. Теперь он отказался от своей первоначальной жесткости, сделав возможным проведение переговоров с Польшей, согласившись с необходимостью определения восточной польской границы по этнографическому признаку. Он признал целесообразность избрания Учредительного собрания русским народом и последующего урегулирования взаимоотношений с пограничными государствами. По мнению Х.Дж. Маккиндера, «открывается реальная перспектива продуктивных переговоров между генералом Деникиным и маршалом Пилсудским, а также совместных усилий против большевистской России» [49, с. 93]. 16 января глава миссии покинул Южную Россию для консультаций с Дж.Н. Керзоном и передачи обещанного им отчета для Кабинета министров Великобритании.

Далее Х.Дж. Маккиндер дал характеристику трем ведущим деятелям Белого Юга России: А.И. Деникину, П.Н. Врангелю и А.И. Кривошеину. А.И. Деникин на фоне тяжелых обстоятельств на фронте, например, потеря Ростова-на-Дону и Новочеркасска, «был совершенно спокоен, временами даже шутил, мог сосредоточиться на политических вопросах, которые нас занимали, и лишь раз или два заглядывал в приносимые ему бумаги» [49, с. 93]. Описывалась внешность А.И. Деникина: средний рост; плотное телосложение, но не толстый; лысый. У него были ясный ум и готовность выслушивать аргументы. А.И. Деникин плохо разбирался в экономике и гражданском управлении. Главнокомандующий ВСЮР был абсолютно честным, его преданность друзьям была настолько велика, что была равносильно провалу. Вместе с другими качествами его ум был проницательным. А.И. Деникин был одновременно упрямым человеком и идеалистом. Для него главным политическим идеалом было сохранение территориального единства России в довоенных границах.

Следующим упоминается П.Н. Врангель. Он производил впечатление яркого и незаурядного человека: «Высокий, стройный и прямой, в штатском он выглядел бы почти изможденным, но ему больше всего идет форма казачьего генерала. У него выбритая голова и прямой взгляд. Он говорит громким голосом и, как говорят, иногда выпивает, и, как мне кажется, может быть бестактным, но он умный человек, с более широким кругозором, чем у Деникина. Однако он тщеславен и амбициозен и позволяет своим амбициям проявляться» [49, с. 93]. Он был лучшим организатором среди генералов А.И. Деникина. П.Н. Врангель поднял дисциплину Кавказской армии до западного уровня, и им восхищались молодые офицеры.

Далее дается характеристика А.И. Кривошеину. Ему, в отличие от А.И. Деникина и П.Н. Врангеля, в тексте уделено меньше внимания, но информация о нем довольно интересна. Автор отчета писал: «При царском режиме господин Кривошеин был министром внутренних дел, который отличается широтой взглядов. В канун революции Николай II предложил ему пост премьер-министра» [49, с. 94]. Он понимал произошедшие изменения, вызванные войной (имелось в виду Гражданской), и мыслил гибко. Для правительства А.И. Деникина он представлял ценность как опытный чиновник.

Далее Х.Дж. Маккиндер привел причины поражения Московского похода ВСЮР летом-осенью 1919 г. Этот поход представлял собой авантюру. Его провал был связан с состоянием дел в армии В.З. Май-Маевского, для которого после Харькова напряжение похода стало невыносимым, и он начал пить. Его следовало бы переместить, но начальник штаба ВСЮР И.П. Романовский настаивал на его сохранении. Дойдя до Орла, генерал пьянствовал, офицеры постепенно деморализовались. Удар РККА по армии В.З. Май-Маевского привел к общему поражению ВСЮР.

Автор отчета дал критику Д. Ллойд Джорджу, особенно за его речи в Гилдхолле и парламенте, которые изменили восприятие британской политики в России. Высказывания премьер-министра были восприняты как свидетельство смены политики и отказа от поддержки антибольшевистского движения. Как отмечено в документе, «Людам в Англии сейчас трудно осознать силу сказанного в России слова – хорошего или плохого – нашего великого британского лидера» [49, с. 94]. Способствовала поражению также невозможность организовать тыловое обеспечение наступающей армии А.И. Деникина.

С точки зрения Х.Дж. Маккиндера, самой главной причиной поражения белогвардейской армии был недостаток финансовых ресурсов, вынуждающих ее существовать за счет грабежа местного населения. Как отмечалось в тексте: «Когда она только начала продвигаться вперед, ее встречали цветами, но постепенно народ возненавидел ее едва ли не менее, чем большевиков, из-за ее крайностей» [49, с. 94]. Казаки были главными

нарушителями, поскольку они не только грабили население, ничего не платя, но и мародерствовали в больших масштабах, так что, хотя, возможно, и с преувеличением, говорили, что после блестящего рейда К.К. Мамонтова в тыл большевиков вереница повозок, наполненных награбленным добром, увеличилась до 80 верст.

В армии А.И. Деникина считалось, что Германия поддерживала политику большевиков, и со стороны белогвардейских офицеров была уверенность, что немцы имеют возможность остановить наступательные действия РККА. По мнению Х.Дж. Маккиндера, невозможно было доказать, что Германия непосредственно контролировала политику большевиков. Однако РККА быстро осваивала методы немецкой военной науки.

Автор отчета считал, что большевизм торжествовал и получал уже с Юга России пшеницу и уголь. Он рассуждал о возможности заключения мира с большевиками. Далее писал: «Летом прошлого года они были близки к разгрому, осенью – к экономическому краху. Спасло их чудо, и они, вероятно, готовы пойти на компромисс» [49, с. 95]. Однако существовала опасность, что переговоры будут использоваться в целях пропаганды и введения в заблуждение мирового общественного мнения. За этим скрывалась задача выиграть время для реорганизации и восстановления сил. Советская пропаганда была эффективной и, по мнению Х.Дж. Маккиндера, представляла мировую угрозу.

Относительно перспектив армии А.И. Деникина она потерпела поражение, и не было уверенности в способности казаков отразить наступление РККА. Автор отчета был убежден в том, что казаки поднимутся вновь при первой возможности, даже если согласятся на временные компромиссы. Он обращал внимание на новое сформированное правительство, куда вошли представители донских, кубанских и терских казаков. Далее автор отчета много уделял внимания тому, какие существовали экономические трудности, в частности административная неэффективность, развал финансовой системы, паралич торговли.

Ближе к концу документа Х.Дж. Маккиндер предложил принять незамедлительные меры для разработки целостной и действенной политики Великобритании в отношении России. По его мнению, Британия должна была однозначно заявить, что она не пойдет на мир с большевиками. Необходимо было оказать своевременную военно-морскую и техническую помощь для удержания Перекопского перешейка и обороняемых районов Одессы и Новороссийска. Полякам следовало бы пообещать помощь в виде займа при условии, что они вступят в союз с А.И. Деникиным на надлежащих условиях в отношении своей восточной границы. Де-факто деникинское правительство должно быть признано при условии расширения своей базы. Балтийские провинции, Грузия и Азербайджан должны были бы войти в состав российско-польского союза. Первые шаги такой политики произвели бы очень сильное

впечатление на Восточную Европу, изменив отношение к происходящему буквально за месяц. По мнению автора отчета «Простые туманные обещания сейчас не возымеют большого эффекта. Их было слишком много, и народ России слишком устал, чтобы его можно было стимулировать чем-либо, кроме первых шагов последовательной и энергичной политики, которую затем следует проводить без колебаний» [49, с. 98].

Таким образом, благодаря отчету Х.Дж. Маккиндера «Ситуация в Южной России» (январь 1920 г.) представляется наглядным и полным деятельностью и результаты его миссии в этом российском регионе. Исходя из содержания документа, основная деятельность заключалась в исследовании текущей военно-политической обстановки на Юге России, где происходило противостояние между РККА и ВСЮР, и предложении рекомендаций для британской внешней политики относительно этого российского региона. Х.Дж. Маккиндер наряду с этим высказывал свое мнение относительно перспектив внутрироссийского гражданского противостояния.

Если обратить внимание на содержание отчета, то Х.Дж. Маккиндер писал с точки зрения британской внешней политики. Некоторые утверждения автора базировались на неполных или недостоверных фактах, что снижает достоверность некоторых аспектов описания. Наиболее ярким тому примером является утверждение автора, что А.И. Кривошеин был министром внутренних дел при царском правительстве, что не соответствовало действительности, что говорит о том, что информация не перепроверялась. Содержание источника было написано торопливо и в некоторых местах неполно (например, в части причин поражения ВСЮР во время их наступления на Москву или движения зеленых в белогвардейском тылу как одного из факторов победы РККА), и требовалось еще немного времени, чтобы оценить обстановку на Юге России более детализировано и получить больше информации. Х.Дж. Маккиндер не поднимал в тексте аграрную проблему, хотя в примечании, после основного текста, признал ее упущение в тексте.

Деятельность и результаты миссии Х.Дж. Маккиндера являются важной частью истории британской политики интервенции на Юге России. Однако их следует рассматривать критически, учитывая исторические условия и обстоятельства подготовленного текста отчета «Ситуация в Южной России». Глава миссии показывал поражение ВСЮР в противостоянии РККА, но, по мнению автора отчета, положение деникинской армии не было безнадежным. Он с некоторым оптимизмом смотрел на изменение ситуации в пользу южнобелогвардейских сил, особенно их возможный союз с Польшей. Однако реальность была таковой, что, когда был подготовлен отчет, неудача Белого движения в России стала очевидной для Кабинета Соединенного Королевства. Наряду с этим свою роль сыграли внутренние социально-экономические

проблемы в Британии, которые повлияли на изменение политики страны относительно России. Соединенное Королевство было настроено теперь на установление и нормализацию торгово-дипломатических отношений с Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой – победительницей в Гражданской войне.

Источники и литература:

1. Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М.: Институт российской истории РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2016. 368 с.
2. Василенкова О.В. Англо-советские отношения в 1918–1924 гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, 2007. 187 с.
3. Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М.: Мысль, 1980. 462 с.
4. Гагкуев Р.Г. Белое движение и интервенция: к вопросу об оказании союзникам по Антанте помощи Восточному фронту. 1918–1919 гг. // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2023. Т. 41. С. 70-84. DOI: 10.24412/2658-5960-2023-41-70-84.
5. Гагкуев Р.Г. Вопрос участия Британской военной миссии в Сибири в перевороте 18 ноября 1918 г. и прихода к власти адмирала А.В. Колчака // Исторический вестник. 2024. Т. 47. С. 44-97. DOI: 10.35549/HR.2024.2024.47.002.
6. Гуковский А. Разгром Германии и подготовка стран Антанты против страны Советов // Историк-марксист. 1937. №3 (061). С. 42-61.
7. Гурко-Княжин В.А. Английская интервенция 1918–1919 г.г. в Закаспии и Закавказье // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 115-139.
8. Голдин В.И. Анатомия интервенции, или Кто и как развязал Гражданскую войну на Севере России. М.: Издательство «Кучково поле», 2024. 336 с.
9. Думова Н.Г., Трухановский В.Г. Черчилль и Миллюков против Советской России. М.: Наука, 1989. 202 с.
10. Зайцов А.А. 1918: Очерки истории русской Гражданской войны. М.: Икс-Хистори, 2015. 368 с.
11. Кузьмин Г.В. Разгром интервентов и белогвардейцев в 1917–1922 гг. М.: Воениздат, 1977. 416 с.
12. Ланцев С.Н. Политические дискуссии в Великобритании об англо-русских отношениях в 1914–1920 годах: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, 2016. 198 с.
13. Левидов М.Ю. К истории союзной интервенции в Россию. Т. 1. Л.: Прибой, 1925. 181 с.
14. Лившиц С.Г. Империалистическая интервенция в Сибири в 1918–1920 гг. Барнаул: Книгоиздат, 1979. 177 с.
15. Минц И.И. Английская интервенция и северная контрреволюция. М.-Л.: Госиздат, 1931. 255 с.
16. Миронюк С.А. Британская политика интервенции в России (ноябрь 1917 г. – декабрь 1919 г.) как фактор Гражданской войны: этапы и особенности // Исторический вестник. 2024. Т. 47. С. 318-381. DOI 10.35549/HR.2024.2024.47.010.
17. Миронюк С.А. Изменения в политике предоставления британской помощи белым силам в Сибири и на Юге России в июле 1919 г. и их причины (на основе протокола заседания Военного Кабинета министров от 25 июля 1919 г.) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 11. С. 1–10. DOI 10.25136/2409-868X.2019.11.31244.

18. Миронюк С.А. Интеллектуальное обеспечение интервенции в Россию в записках британских генералов Г. Вильсона и Ф. Пуля // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 2(29). С. 116–139. DOI 10.24412/2409-1413/2022-2-116-140.

19. Миронюк С.А. Интервенция в Россию в политических дискуссиях правящих кругов Великобритании (1917–1919 гг.): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, 2021. 200 с.

20. Миронюк С.А. Меморандум Генри Вильсона «Наша текущая и будущая военная политика в России» (13 ноября 1918 г.) как фактор британской политики интервенции в России в ноябре – декабре 1918 г. // Genesis: исторические исследования. 2025. № 2. С. 1–12. DOI 10.25136/2409-868X.2025.2.72941.

21. Миронюк С.А. Проблемы ведения предпринимательской деятельности на Белом Юге России в 1919 г. в материалах национального архива Соединенного Королевства // Аграрное предпринимательство: история, тренды, горизонты развития: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 11–12 апреля 2023 года. Москва: Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева, 2023. С. 34–39.

22. Миронюк С.А. Сельское хозяйство белого Юга России в 1919 г. В докладе Г.К. Хольмэна от 8 октября 1919 г. // Международная научная конференция молодых ученых и специалистов, посвященная 180-летию со дня рождения К.А. Тимирязева: Сборник статей, Москва, 05–07 июня 2023 года. Москва: Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева, 2023. С. 643–646.

23. Миронюк С.А. Участие и роль Британии в выработке решений Лондонской межсоюзной конференции по «русскому вопросу» (11–13 декабря 1919 г.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 4. С. 351–360. DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-4-351-360.

24. Мырнин Г.Е. Англо-американская военная интервенция на Севере и ее разгром: (1918–1920 гг.). Архангельск: Арханг. кн. изд-во, 1953. 227 с.

25. Мырнин Г.Е. Разгром англо-американской военной интервенции на Севере (1918–1920 гг.). Архангельск: Арханг. обл. упр. изд-в в полиграфии, 1949 (тип. им. Склепина). 34 с.

26. Новикова Л.Г. Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917–1920. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.

27. Павлович М.П. Советская Россия и капиталистическая Англия (от эпохи царизма до правительства Чемберлена-Болдуина 1925 г.). М.: Госиздат, 1925. 85 с.

28. Рейхберг Г. Подготовка интервенции. Антанта и заговор Локкарта. 1918 год // Исторический журнал. 1938. № 12. С. 76–83.

29. Рейхберг Г. Разложение оккупационных войск Антанты в годы Гражданской войны (1918–1920) // Исторический журнал. 1939. № 9. С. 87–97.

30. Рябов В.В., Нефедов А.Ю. Интервенция в России: бескорыстная помощь или собственные интересы? // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2019. № 4 (36). С. 26–34.

31. Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Новосибирск: Наука, 1983. 336 с.

32. Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане: советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб.: Наука, 2019. 830 с.

33. Соловьев О.Ф. Подготовка и начало интервенции против Советской России // Вопросы истории. 1967. № 7. С. 38–53.

34. Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма. (1918–1939). М.: ИМО, 1962. 411 с.

35. Яковлев Н.Н., Полушин С. Английская интервенция в 1918–1920 гг. М.-Л.: Госиздат, 1928. 104 с.
36. Якушкин Е.Е. Колчаковщина и интервенция в Сибири. М.-Л.: Госиздат, 1928. 96 с.
37. Coates W.P., Coates Z.K. Armed Intervention in Russia, 1918–1922. London: Victor Gollancz Ltd., 1935. 400 p.
38. Bradley J.F.N. Allied Intervention in Russia, 1917–1920. New York: Basic Books, 1968. 251 p.
39. Hudson M. Intervention in Russia, 1918–1920: a Cautionary Tale. Barnsley, South Yorkshire: Pen and Sword, 2004. 224 p.
40. Jackson R. At War with the Bolsheviks: Allied Intervention into Russia, 1917–1920. London: Tom Stacey, 1972. 280 p.
41. Keeble C. Britain and Soviet Union, 1917–89. Basingstoke (Hants.); London: Macmillan, 1990. XIV, 387 p.
42. Moffat I. Allied Intervention in Russia, 1918–1920: the Diplomacy of Chaos. London: Palgrave Macmillan, 2015. 317 p.
43. Sellen R.W. The British Intervention in Russia, 1917–1920: I // *Dalhousie Review*. 1960. Vol. 40. P. 360–371.
44. Sellen R.W. The British Intervention in Russia, 1917–1920: II // *Dalhousie Review*. 1961. Vol. 40. P. 520–531.
45. Ullman R.H. Anglo-Soviet Relations, 1917–1921. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1961. Vol. 1: Intervention and the War. 360 p.
46. Ullman R.H. Anglo-Soviet Relations, 1917–1921. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1968. Vol. 2: Britain and the Russian Civil War. November 1918 – February 1920. 395 p.
47. White J. The Siberian Intervention. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1950. 471 p.
48. G.T. 6274. Russian Situation. Memorandum by P. de B. Radcliffe. 13 November 1918. (B) Terms of the Convention agreed at Paris dated 23rd December, 1917 // The National Archives. CAB 24/69/75. P. 214–219.
49. C.P. 516. Report on the Situation in South Russia by Sir H. Mackinder // The National Archive. CAB 24/97/16. P. 92–103.

Мятеж комполка Логвинова. Страницы из истории антибольшевистского терского повстанчества

*Ю.С. Пыльцын, кандидат исторических наук,
первый заместитель директора
по научно-методической деятельности
Мультимедийного исторического парка
«Россия – Моя история. Свердловская область»*

Гражданская война на Тереке традиционно считается завершённой весной 1920 г., когда всю территорию Терско-Дагестанского края заняли части Красной армии. Однако после сопротивления новой власти не исчезло, а продолжалось ещё как минимум три года в форме повстанчества. В этот период бывали и усиления повстанческой активности (как Сунженское восстание в 1920 г.), так и спады. Советская власть так же пыталась проводить гибкую политику. Диапазон политических решений был разным: от выселения станиц, до амнистии повстанцам.

Прежде чем начать говорить о фигуре главного героя статьи, следует охарактеризовать повстанчество на Тереке до середины 1921 г.

Характерной чертой стихийного повстанчества был территориально-милиционный принцип формирования и функционирования отрядов. Как правило, отряды «бело-зеленых» возникали вблизи населённых пунктов, из жителей которых эти отряды, собственно, и состояли. Станицы и хутора снабжали повстанцев-односельчан продовольствием, оружием, лошадьми. Повстанцы являлись живой составной частью местного населения, что превращало движение в устойчивое, трудноискоренимое явление», отмечает современная исследовательница Кратова [1, с. 42].

Советские авторы подчеркивали, что сам характер партизанской деятельности выучил повстанцев пользоваться местностью, быть прекрасными разведчиками и во всех случаях полагаться только на свою находчивость и смелость. Отсюда, благодаря такой самостоятельности каждого бойца, повстанческие части в бою не требовали за собой постоянного наблюдения командиров. Да, партизаны наступали и отступали по приказанию, но непосредственно во время боя, сами оценивали обстановку и действовали сообразно с ней [2, с. 58–59].

С другой стороны, как отмечает генерал Слащов, бывший в 1918 г. начальником штаба повстанческого отряда Шкуро, «для уличного боя и вообще для обороны местного пункта повстанческий отряд <...> малопригоден, так же как и для всякого упорного боя – отряд способен взять с налета, но если этот налет не удался, то быстро выдыхается. Всякие неудачи разочаровывают повстанцев и сильно понижают их численность» [3, с. 227]. Это было актуально и для 1918 г., и для 1920–1921 гг.

Повстанческие объединения, возникая, как правило, в виде небольших иррегулярных вооружённых групп, по мере увеличения

численности бойцов стремились перейти к организации по образцу регулярных воинских частей. Мелкие повстанческие отряды отличали спонтанность возникновения и относительная непродолжительность существования. Как правило, небольшие отряды собирались для выполнения вполне конкретных и часто утилитарных задач – налета на советские учреждения, коммуны, репрессий против совслужащих, работников милиции, коммунистов, комсомольцев и т.д. После этого повстанцы могли разойтись по домам и долгое время не обнаруживать себя [1, с. 80, 93].

Как отмечает А.В. Ганин, в казачьих областях повстанчеству способствовали казачий корпоративизм, отлаженная веками способность к быстрой военной самоорганизации и мобилизации, сохранение в казачьих регионах некоторого количества оружия со времен Гражданской войны [4, с. 208].

Действия партизанских отрядов по воспоминанию красноармейца Ильи Зейлковича ограничивались тем, что повстанцы «...совершали бандитские налеты на города и села, уничтожая советских и партийных работников, а также семьи красноармейцев, добивались свержения Советской власти» [5, л. 36]. Повстанцы, скрывающиеся в горах Кабардино-Балкарии и в Моздокско-Кизлярских степях, во время набегов грабили крестьян, убивали советских работников, коммунистов, отрезали языки и вырезали звезды на груди и спине [6, л. 16]. В других воспоминаниях фигурируют террористические акты повстанцев – взрывы общественных зданий и домов советских и партийных активистов [7, л. 44]. Летом 1921 г. повстанцы Терской области нападали на поезда при этом истребляя коммунистов, евреев и грабя пассажиров [8, л. 17].

Вслед за Н. Кратовой, можно выделить следующие направления в деятельности повстанческих отрядов – действия по отношению к органам советской власти, советским работникам и коммунистам, политика в отношении населения, взаимоотношения с другими повстанческими отрядами, боевые операции против регулярных частей Красной армии [1, с. 93].

Тактические действия «бандитских» отрядов всегда носили характер активности и внезапности. В случае неудачи повстанцы были трудноуловимы. Они рассыпались поодиночке, выдавали себя за мирных крестьян и постепенно пробивались в свой территориальный округ, где отряд приводил себя в порядок, оправлялся и готовил себя к новым боевым действиям [9, с. 8, 9].

Командирами отрядов на Кавказе чаще всего являлись представители офицерства, старых чиновников, приставов и жандармов, кулаков. Эта категория составляла «мозговой умственный резерв бандитизма, цемент, связующий разного рода бандитизм своими техническими знаниями и военно-организационным навыком» [6, л. 15; 10, с. 364]. В воспоминаниях Елекоева состав партизанских групп

описывается иным образом: белогвардейские офицеры, осетины и казаки, а также и активные сторонники генерала Деникина из буржуазно-националистических элементов [11, л. 57]. Б.И. Степаненко уточняет, что помимо офицеров, чиновников и атаманов в состав отрядов входил и уголовный элемент, а также часть казаков, в прошлом служившая у белых и боявшаяся мести [12, с. 20]. Однако, на наш взгляд, не стоит вслед за советскими исследователями и мемуаристами, уделять такое большое внимание действию офицеров в повстанческих отрядах. Приведенные далее факты подтверждают вывод историка Ганина о том, что офицерский корпус казачьих войск был разгромлен, многие его представители погибли, ушли с белыми, оказавшись в эмиграции, или находились в советских тюрьмах и лагерях и поэтому лидерами повстанческих отрядов становились унтер-офицеры (вахмистры, урядники) и простые казаки, которые не обладали необходимым военным и административным опытом для борьбы с регулярной армией [4, с. 208].

Все «банды» на территории СКВО советская власть подразделяла на две категории. К первой относили все отряды, имеющие четко выраженных лидеров и ядро из более стойких партизан. Указанную категорию, не зависимо от численности, большевики рассматривали, как «кадры белогвардейцев, ожидающих перелом настроения населения в антисоветскую сторону». Ко второй категории относился уголовный бандитизм, который считался благоприятнейшей почвой для пополнения первой категории [13, л. 15].

Советская власть опиралась в крае на армейские части, части ВЧК, милицию и части особого назначения (ЧОН).

Несмотря на то, что Красную армию на Северном Кавказе преобразовали в трудовую, ситуация в регионе продолжала оставаться сложной. Современный исследователь В.В. Цысь так характеризует обстановку: «острые межнациональные, социально-экономические противоречия между казаками, «иногородним» русским населением и горцами, политическая оппозиция части местного населения по отношению к центральной власти создавали крайне напряженную, нервную обстановку в крае. В горах и лесах скрывались разбитые остатки армии Деникина, банды дезертиров, отряды чеченских и дагестанских «полевых командиров». Борьба с ними требовала большого напряжения сил, поглощала значительную часть энергии трудовой армии» [14, с. 115].

Необходимо отметить, что Кавказская трудовая армия во многом и занималась организацией власти на местах и, наряду с ТероблЧК, боролся с контрреволюцией и Особый отдел Кавказской трудовой армии. Он ловил контрреволюционные элементы из станиц, раскрывал заговоры и т.д. [14, с. 120].

ЧОН несли караульную службу у особо важных объектов, оказывали помощь органам ВЧК по борьбе с заговорами, диверсиями, политическим и уголовным бандитизмом (по терминологии того времени) [15, с. 107].

Однако главные задачи борьбы с крупными и активными партизанскими отрядами возлагались именно на части Красной армии. ЧОН должны были играть вспомогательную роль и получать от войскового начальника, ведущего борьбу с бандитизмом, задачу по агентурной и войсковой разведке банд, охранение тыловых пунктов, мостов, гарнизонной службе и т.п. В арсенал методов борьбы с повстанцами у большевиков также входили карательные рейды и взятие заложников из числа местного населения [13, л. 15].

Как правило, в повстанческих отрядах служили местные уроженцы: Терские казаки, бывшие иногородние, иногда встречались и смешанные казачье-горские отряды.

Однако были среди повстанческих командиров и люди, не связанные ни с Терексом, ни с казачеством своим происхождением. О таком случае мы и хотим рассказать в своем докладе.

В середине 1921 г. советская власть от режима жестких репрессий против повстанцев решила перейти к «прянику» – к объявлению амнистии не только рядовым повстанцам, но и «полевым командирам». И действительно, крупные отряды Савенкова, Хмары, Супрунова, Погребняка, Третьякова готовы были пойти на амнистию. Однако в это время произошел переход помощника командира 93-го полка Василия Григорьевича Логвинова на сторону повстанцев. Логвинов убедил повстанцев не верить амнистии и тем сорвал переговоры [1, с. 164], в результате, как отмечал Е.А. Ткачев, за 1921 г. из числа известных повстанческих атаманов в течение 1921 г. не сдался никто [16, с. 151].

В связи с этим эпизодом, на истории Логвинова следует остановиться подробнее.

На сегодняшний момент самая подробная биография В.Г. Логвинова написана Н.В. Катовой [17, с. 298–318]. Ориентируясь на ее статью и другие архивные документы и исследования, мы в общих чертах напишем о жизни Логвинова и подробнее остановимся на его повстанческой борьбе.

Основным источником о жизненном пути Логвинова служат его же автобиографии. Часто противоречивые, написанные по памяти, они скорее задают вопросы, чем проясняют белые пятна. Известно, что В.Г. Логвинов родился в селе Карташовка Елецкого уезда Орловской губернии. Встречаются разные даты рождения, но, скорее всего, точной датой рождения Логвинова является 1 октября 1894 г. Родился герой нашего повествования в крестьянской семье, довольно рано потерял отца. С 16-летнего возраста ушел с дядей на заработки в Донбасс, работал на рудниках и шахтах [17, с. 299]. Участвовал в Первой мировой войне, однако, сами показания Логвинова сильно расходятся с документами. Сам

Логвинов указывал, что служил в кавалерии с 1915 по 1917 г. Был в плену, откуда бежал буквально перед февральской революцией. И был даже представлен к ордену почетного легиона [17, с. 300]. Несмотря на то, что среди офицеров Русской армии (помимо участников экспедиционных сил на Западном и Салоникском фронтах и генералитета) были кавалеры этой награды [18, л. 204], однако, сомнительно, чтобы подобный орден вручили подпрапорщику только лишь за побег из плена.

Документы, однако, свидетельствуют, что Логвинов был награжден Георгиевским крестом и Георгиевской медалью, о чем он не упомянул в автобиографиях [17, с. 300]. Хотя, казалось бы, упоминание о таких фактах следовало не замалчивать, а выдвигать. Однако для первых послереволюционных лет было характерно иное отношение к службе в Русской Императорской армии. Это лишь наше предположение, но, возможно, честное изложение фактов в автобиографии для Логвинова сулило много неудобных вопросов. Георгиевский кавалер, дослужившийся из солдат в подпрапорщики – а не верный ли слуга он «старого режима»? А как он относился к солдатам? А как принял февральскую революцию? А вот история с пленом снимала все вопросы: большую часть войны в плену был, награды – за побег из плена, вернулся незадолго до революции, ее принял. Во всяком случае, встретилась информация, что в 1917 г. Логвинов был принят в партию большевиков [5, л. 37].

В годы Гражданской войны Логвинов успел повоевать в рядах Красной конницы и против колчаковских войск на Южном Урале, и против Деникина и Врангеля на Юге. А в феврале 1921 г., после ликвидации Врангелевского фронта, Логвинов вместе со своей частью был отправлен в Терскую область в район Пятигорска [17, с. 301–302].

В июле 93-й полк 16-й кавалерийской дивизии стоял в станице Бекешевской (станция Кубанских казаков, но с 1920 г. она была включена в Терскую губернию). Командиром полка, (или же заместителем командира [1, с. 187]), был В.Г. Логвинов, комиссаром полка был тов. Жило. Полк оперировал против повстанческих отрядов казаков и карачаевцев.

Уполномоченный особого отдела 16-й кавалерийской дивизии тов. Донцов доложил начальнику особого отдела тов. Иванову, что Логвинов из захваченных трофеев у белых присваивал ценности. С этого и началась цепочка трагических событий, приведших к мятежу.

Иванов об этом доложил в ВЧК г. Ростов тов. Трушину, который дал распоряжение об аресте Логвинова и направлении его в Ростов. Для ареста его Иванов направил часть комендантского эскадрона во главе с Донцовым.

Арест Логвинова не был согласован ни военкомом Зейлковичем, ни с политотделом дивизии, ни с командиром дивизии Я.Ф. Балахоновым.

Логвинов, получив сведения о предстоящем его аресте, выступил со своим полком навстречу эскадрону, окружил и обезоружил его,

а красноармейцев отпустил [5, с. 37]. Согласно другой информации, с Логвиновым был не весь полк, а всего лишь два эскадрона 16-й дивизии. Согласно другим источникам, и того меньше – всего 77 человек [17, с. 302]. Однако вскоре отряд увеличился в несколько раз.

После акта неповиновения властям, Логвинов ограбил милицию Усть-Джегутинской станицы, забрав 6 лошадей, 10 седел, 10 уздечек, 11 гимнастерок, 11 шаровар, 11 бурок и шинелей, 8 папах, 6 пар сапог, 11 винтовок, 11 шашек, 1 револьвер и 6 кожаных сумок. Милиционеры тут же поклялись отомстить [19, с. 136].

Логвинов, считая себя обиженным за недоверие к нему, боясь ответственности за совершенный им незаконный поступок, со своим полком примкнул к повстанцам, оперировавшим в то время в районах станиц Бекешевской, Боргустанской, Ессентукской и г. Кисловодска. Логвинова даже назначили командующим повстанческими частями на Тереке [5, л. 37].

Будучи профессиональным военным, прекрасно зная тактику красных, и имея широкую сеть осведомителей среди жителей станиц и совработников, он был неуловим для красноармейских отрядов, которые посылались для его поимки. Специально для ликвидации отряда Логвинова и других отрядов был сформирован «Сводно-экспедиционный отряд Баталпашинского района» под руководством командира стрелковой бригады П. Блинова. Несмотря на абсолютное превосходство в живой силе и в вооружении (350 логвиновцев против двухтысячного отряда с пушками и пулеметами), устроенные в течение сентября облавы и засады успеха не принесли [5, л. 37].

Его отрядом осуществлялись налеты на поезда, идущие в г. Кисловодск, рынки, санатории, органы власти. Однако в отношении рядовых красноармейцев повстанцы проявляли великодушие [17, с. 303]. Симпатии населения так же зачастую были именно на стороне Логвинова.

Так, в ночь на 15 августа было нападение логвиновцев, которые ранили командира 1-го эскадрона, взводного командира и часового. Повстанцы использовали гранаты. Отряд красных выступил на церковную площадь, где командир отряда отдал приказ бойцам зайти противнику в тыл. ЧОНовцы бросились в рукопашный бой и ранили одного логвиновца, но в это время загремели выстрелы по красным. ЧОНовцы бросились по направлению выстрелов, и оказалось, что стреляли по отряду не повстанцы, а местные жители, которые хотели уничтожить весь отряд. Подобный инцидент так напугал командование, что оно ходатайствовало о переводе отряда в г. Кисловодск, чтобы не погибнуть от рук местных жителей [20, л. 17].

Командование дивизии позвонило самому К. Ворошилову, чтобы спросить совета в такой экстраординарной ситуации. Ворошилов наказал передать Логвинову приказ – начать операцию против белых банд,

ликвидировать их, а главарей этих банд доставить живыми. В этом случае Логвинову обещали амнистию...

На рассвете 5 октября в 12 верстах к юго-западу от станицы Бекешевской возле р. Овечка [1, с. 187] с Логвиновым была организована встреча, на которой опальный комполка согласился на условия Ворошилова [5, л. 37] (следует отметить, что в литературе встретилось упоминание, что в письме к Балахонову Логвинов прямо пишет о том, что амнистия его не соблазняет [21, с. 324]; предположим, что это письмо Логвинов написал почти сразу после ухода на повстанческое положение, а к октябрю Логвинов «остыл» и его взгляды на амнистию изменились), он отдал в качестве залога партбилет и Орден Красного Знамени [22, л. 35] (сам Ворошилов на встрече не присутствовал, также не удалось найти подтверждение информации Е.А. Ткачева, что Логвинов встречался лично с Буденным [16, с. 148]). И за короткий период Логвинов «ликвидировал все банды, находившиеся в пределах Терской области». Трофеи, имущество он сдал дивизии, а многих «полевых командиров» сдал живыми в особый отдел дивизии [5, л. 37]. К этому свидетельству мемуариста следует добавить некоторые комментарии. Во-первых, утверждать, что Логвинов уничтожил «все банды» весьма опрометчиво, повстанчество продолжалось как минимум еще до 1922 г., а во-вторых, говорить о том, что все повстанцы были ликвидированы в короткий период, также представляется неправомерным. Известно, что Логвинов успешно «сдавал» партизан «органам» еще в ноябре 1921 г. [23, л. 3]. Однако с ноября по декабрь 1921 г. он уничтожил 15 казачьих отрядов и их атаманов – Супрунова, Богрова, Юдина, С.Н.(?) Кривоносова, Рыжкова, Конарева, Овчинникова. Наиболее тяжелой потерей для повстанчества Пятигорья была гибель есаула Супрунова – главного идеолога казачьей борьбы в уезде [16, с. 148].

После октябрьских переговоров отряд получил название «Партизанский отряд Логвинова» и приступил к выполнению первого задания – уничтожению отрядов, действовавших в районе Бекешевской. Вскоре Логвинов рапортовал начальнику 16-й кавдивизии Балахонову о том, что в ночь на 6 октября была закончена ликвидация повстанцев в указанном районе. Это убедило Балахонова в искренности намерений Логвинова. В отряд, по предложению последнего, было направлено два представителя штаба 48-й бригады, которые должны были контролировать деятельность отряда и заверять все донесения, направляемые в штаб. Было сформулировано дальнейшее задание – приступить к полной ликвидации отрядов Гречкина и Погребнякова и сообщить информацию о месте группирования и численности отрядов Трубачева и Джентимирова, а также соображения о возможности нанесения по ним «внезапного и ловкого удара». В случае столкновения с крупными силами повстанцев Логвинову было рекомендовано своевременно обращаться за содействием к советским частям [1, с. 188].

8 ноября Логвиновым был ликвидирован отряд сотника Бочарова, сам Бочаров был убит при попытке к бегству. Отряд есаула Амосова, который выслеживал Логвинов, распался на небольшие группы, а сам Амосов с 8 бойцами укрылся в бурунах, вблизи дороги на станицу Суворовскую. Отряд Третьякова перешел в Кизлярский уезд Терской губернии и слился с отрядом Конаря [1, с. 188].

11–17 ноября Логвинов проводил операцию в Кубанской области, после чего его перебросили против отряда Овчинникова, действовавшего в бурунах Кизлярского уезда. Для того, чтобы войти в доверие к местным повстанцам, 10 декабря в хуторе Иваново (северо-восточнее станицы Курская) было инсценировано преследование логвиновцев 93-м полком РККА. Погоня, как пишет Н.В. Кратова, была разыграна правдоподобно: у отряда Логвинова было отбито 30 пудов муки, убита одна лошадь, ранено семь лошадей, ранено было два бойца. Кроме того, в станице Курской одного бойца украли, а троих взяли в плен [1, с. 188–189].

15 декабря Логвинов заключил соглашение с Овчинниковым о вхождении логвиновцев в Бурунский партизанский отряд последнего. Логвиновский отряд был разделен на две сотни, которые составили Второй дивизион, начальником его был снова назначен Логвинов [1, с. 189].

19 декабря в ставке Терекли-Мектеб к отряду Овчинникова должны были присоединиться отряд Конаря (60 сабель) и отряд Сычева (70 сабель), после чего объединенный отряд под руководством Овчинникова должен был выступить на Кизляр и начать громить города и железные дороги. Видя, что взять под свое командование весь отряд или навести его на красные части не удастся, Логвинов решил пойти ва-банк. В ночь дежурства своего отряда (точная дата не известна, но в промежутке между 16 и 18 декабря) Логвинов задушил Овчинникова, вырезал весь штаб отряда (13 офицеров) и, ворвавшись в здание, где спали бойцы Овчинникова, начал расстреливать из пулемета спавших на нарах. 30 повстанцев, укрывшись в одной из комнат, открыли по Логвинову огонь. Выскочив на улицу, Логвинов продолжил стрельбу по окнам здания и лошадям. Из 150 бойцов отряда Овчинникова 50 было убито, остальные во главе с тяжело раненым сотником Третьяковым, бежали в северо-восточную часть Кизлярского уезда [1, с. 189–190].

После этой операции Логвинова мы встречаем только 8 мая 1922 г., когда им был уничтожен отряд Кожевникова [1, с. 189–190].

В 1923 г. отряд Логвинова в 100–150 человек был внедрен к партизанам района станиц Кисловодской-Боргустанской-Суворовской. Чтобы завоевать доверие белоповстанцев, Логвинов со своим отрядом произвел налет на еженедельный базар в г. Кисловодске, ограбил его и ушел в горы. После этого, спустя примерно полтора месяца, будучи уже хорошо знаком всем отрядам повстанцев, в одну из ночей в горах, в войсковом лесу, произвел налет и зарубил партизан. Кое-кому из них удалось спастись. Они сдались и были амнистированы [24, л. 11–12].

Всего на счету Логвинова была ликвидация 15 крупных и мелких повстанческих отрядов [1, с. 190].

Из-за таких стремительных переходов Логвиновцев то на одну, то на другую сторону среди частей Красной армии на Тереке распространились слухи (а может быть эту версию специально поддерживало командование Кавказского военного округа), что Логвинов изначально был внедрен к повстанцам как двойной агент [24, л. 11].

В дальнейшем отряд Логвинова вернулся в состав Красной армии и был переброшен в Среднюю Азию против басмачей [5, л. 37]. В последствии В.Г. Логвинов служил в Средней Азии, вернулся на Кавказ, служил в частях ОГПУ на Кавказе и в Сибири, а в 1934 г., окончательно вышел в отставку [17, с. 311–313].

Однако в 1941 г. в жизнь Логвинова вновь вошла война. Будучи признанным ограниченно годным, Логвинов все равно добровольцем вступил в истребительный батальон. Оборвалась жизнь Василия Григорьевича в 1942 г., политрук Логвинов был убит в бою под станицей Кабардинской [17, с. 314–315].

Так закончилась жизнь Василия Григорьевича Логвинова. Жизнь, выпавшая на эпоху невероятных потрясений, в хаосе которых нужно было часто делать выбор, который мог полностью изменить жизнь. Логвинов делал его не раз. В целом мы можем сказать, что жизнь Василий Григорьевич связал с новой – красной – властью. Кратковременный переход в ряды антибольшевиков явился скорее трагическим стечением обстоятельств, помноженным на особенности характера героя статьи. Проведя исследование, можно даже задаться вопросом – чего было больше для Советской власти в переходе Логвинова – пользы или вреда? Конечно, в начале это был тяжкий удар по боеспособности Красной армии на Тереке, но после – Логвинов уничтожил много партизанских отрядов, которых без его помощи пришлось бы ловить и уничтожать куда дольше. Однако мятеж Логвинова остается яркой страницей антибольшевистской борьбы на Кавказе, показывая, что причины, толкающие людей в стан повстанцев, могли сильно различаться.

Источники и литература:

1. Кратова Н.В. Повстанческое движение на Кубани и в Пятигорье в начале 20-х годов XX века. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2012. 256 с.
2. Буйский А. Красная армия на внутреннем фронте. Борьба с белогвардейскими восстаниями, повстанчеством и бандитизмом. М., Л.: Государственное издательство, 1929. 97 с.
3. Слащов Я.А. О Добрармии в действии в 1918 году. Часть I // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 193–235.
4. Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2018. 864 с.
5. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (Далее – ГАНИСК). Ф. 4655. Коллекция документов о ставропольцах – активных участниках исторических событий советской эпохи. Оп. 1. Д. 150. Зейлкович И.М.
6. ГАНИСК. Ф. 4665. Оп. 1. Д. 74.
7. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (Далее – НА СОИГСИ) Ф. 21. Октябрьская революция

и Гражданская война на Тереке. Оп. 1. Д. 119. Материалы ГССР.

8. Государственный архив Российской Федерации (Далее – ГАРФ). Ф. р5784. Центр действия. Париж. Оп. 1. Д. 27. Сводки и доклады агентов об экономическом и политическом положении Грузии и Северного Кавказа.

9. Тухачевский М. Борьба с контрреволюционными восстаниями // Война и революция. Кн. 7. 1926. С. 3–17.

10. Доклад секретного отдела ВЧК о повстанческом движении на ноябрь 1920 г. // Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД 1918–1929. Документы и материалы. Т. 1. 1918–1922 г. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000. С. 363–379.

11. НА СОИГСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 60. Елекоев Г.С. Из истории борьбы осетинского народа за Советскую власть в 1917–1921 г. (по личным воспоминаниям).

12. Степаненко Б.И. Крушение контрреволюции на Дону, Кубани и Тереке в 1920 г. // Вопросы истории. № 9. 1976. С. 15–33.

13. Государственный архив Ставропольского края (Далее – ГАСК). Ф. 1155. Терский губернский революционный трибунал. Оп. 1. Д. 108. Циркуляры, приказы и инструкции начальников штабов ЧОН Северо-Кавказского военного округа Терской губернии.

14. Цысь В.В. Трудовые армии периода Гражданской войны. Ч 2: Хозяйственная и общественно-политическая деятельность. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. Гуманит. ун-та, 2009. 231 с.

15. Найда С.Ф. Части особого назначения (1917–1925 гг.) // Военно-исторический журнал. № 4. 1969. С. 106–112.

16. Ткачев Е.А. Терское казачество в годы революции и гражданского противостояния (1917–1921): участие, политические приоритеты, итоги: дисс...к. и. н. Пятигорск: Б. и., 2005. 217 с.

17. Кратова Н.В. Зигзаги судьбы красного командира // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. X. Армавир-Отрадная, 2022. С. 298–318.

18. Российский государственный военно-исторический архив (Далее – РГВИА). Ф. 2007. Полевой штаб казачьих войск при Верховном главнокомандующем, г. Могилев. Оп. 1. Д. 76. Списки офицеров и чиновников Оренбургских, сводных Семиреченских, Сибирских, Терских, Уральских и Уссурийских казачьих частей, партизан 8-го Донского казачьего полка и 1-й Кубанской казачьей дивизии.

19. Федоренко С.А. Борьба с экономическими и должностными преступлениями на Северном Кавказе в условиях НЭПа (1921–1928 гг.) // Наука и школа. № 2. 2010. С. 134–138.

20. ГАСК. Ф. 1155. Штаб частей особого назначения Терской губернии (ЧОН). г. Пятигорск. Оп. 1. Д. 36. Рапорты и оперативные сводка командира отряда особого назначения станицы Боргустанской о боевых действиях отряда.

21. Морозова О.М. Антропология Гражданской войны. Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2012. 560 с.

22. Центральный Архив общественно-политической истории Москвы (Далее – ЦАОПИМ). Ф. П-8654. Коллекция документов личного происхождения участников общественно-политических движений и революционных событий в России. Оп. 1. Д. 388. Личные и служебные документы Зейликовича Ильи Макаровича (г.р. 1887), члена партии с 1910 года. Воспоминания о встречах с С.М. Кировым, Г.К. Орджоникидзе и др.

23. ГАСК. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 115. По обвинению Фетисова Ивана, Фетисова Фоки в активном бандитизме.

24. Центр документации Новейшей истории Краснодарского края. Ф. 2830. Коллекция документов по истории Кубани. Оп. 1. Д. 1002. Несвитайло. Воспоминания о событиях в Кисловодске в 1918 г.

Проблема координации боевых усилий антибольшевистских сил России в 1919–1920 гг.

*П.А. Новиков, доктор исторических наук,
заведующий кафедрой истории и философии
Иркутского национального исследовательского
технического университета*

Тема координации, согласования, выбора стратегических приоритетов в условиях Гражданской войны исключительно обширна и фактологически неисчерпаема. Парадоксально, что советская историография одновременно и сетовала на трудности «молодой Советской республики в кольце белых фронтов», и синхронно активно домысливала – читай, выдумывала соперничество и взаимные трения белых вождей, воплощенные в направлении и времени главных ударов крупнейших антибольшевистских военных группировок. В виду обширности темы, требующей системного и рассмотрения множества аспектов и факторов, в данной статье мы решили повторно и более предметно обратить внимание на ряд ранее уже подмеченных закономерностей, которые на наш взгляд, несколько недооцениваются современными исследователями: распределение сил между фронтом и тылом, нехватку вооружения и обмундирования, сложности задействования воинских соединений и людских контингентов из отдаленных территорий [1], расположение железнодорожных линий, влияние времени года.

Боевые столкновения в Сибири 1917–1918 гг. или хронологически непродолжительны, либо более или менее длительно разворачивались на ограниченной территории юго-востока Забайкалья, как действия антибольшевистского отряда Г.М. Семенова в первой половине 1918 г. При этом сражения вовлекали кратно меньшую часть жителей Сибири, чем фронты «внешней» Первой мировой войны в 1914–1917 гг. На пике весной 1918 г. единовременно сражались до 13000 красных и до 9000 белых. Противоборствующие стороны опирались преимущественно на добровольцев, хотя и предпринимали попытки мобилизаций в районах, непосредственно прилегающих к линии боев.

Размах боевых действий резко вырос в конце мая 1918 г. после восстания Чехословацкого корпуса. Вдоль Транссибирской магистрали начала действовать до 4500 бойцов «Сибирской» группы капитана Р.И. Гайды. В то же время из ранее подпольных офицерских организаций Западной Сибири началось формирование антибольшевистской Сибирской армии, которую возглавил генерал-майор А.Н. Гришин-Алмазов, одновременно управлявшим Военным министерством Временного Сибирского правительства. В мае – июле войска армии пополнялась мобилизацией офицеров и военных чиновников, и набором добровольцев.

На 15 июня 1918 г. численность составляла около 4000 бойцов, 10 июля до 23500, к 1 сентября свыше 60000 [2, с. 73].

Летом 1918 г. Сибирская армия наступала из центра Западной Сибири в противоположных направлениях: на восток на Красноярске двинулся Средне-Сибирский корпус подполковника А.Н. Пепеляева; на запад на Тюмень и Екатеринбург – Степной Сибирский корпус полковника П.П. Иванова-Ринова. Продвигаясь на восток, белые последовательно заняли Красноярск (18 июня), Иркутск (11 июля), Верхнеудинск (20 августа), Читу (25 августа) и 31 августа соединились на реке Онон с силами Г.М. Семенова. На этом пути особенно напряженные бои происходили к восток от Нижнеудинска и на южном побережье озера Байкал под станциями Мурино и Посольская. Высвободившиеся части Сибирской армии и чехов с сентября 1918 г. были переброшены из Забайкалья под Екатеринбург. К этому времени вся Сибирь перестала быть ареной боевых действий регулярных войск.

Временное Сибирское правительство 31 июля 1918 г. объявило мобилизацию родившихся в 1898–1899 гг. из числа русских старожилов и переселенцев, прибывших в Сибирь до 1 января 1915 г. Эта мобилизация довела численность Сибирской армии до 200000 чел., сделав ее вчетверо многочисленнее Добровольческой армии генерала А.И. Деникина. Численность одной возрастной когорты, призываемой в 1918 г. в Сибири, практически совпала с показателями 1914–1917 гг. Первым и прямым следствием роста численности белых войск на Востоке России и изменения ими принципов мобилизации стало взятие 24–25 декабря 1918 г. Перми, которая было бы невозможной без пополнения боевых частей мобилизованными.

Формирование в Иркутском военном округе в течении августа–сентября 1918 г. двух дивизий, кадровой и конной бригад происходило на фоне боевых действий, но лишь Иркутская стрелковая дивизия была задействована в них, сначала в Южном Прибайкалье, а с 12 сентября 1918 г. на Центральном Урале [3]. К концу августа в ее рядах состояло 996 офицеров и 414 добровольцев, всего 1410 чел., но более 200 чел. не имели оружия, к 5 сентября добавилось еще 202 чел. [4, с. 85]. По другим данным, на 1 сентября соединение насчитывало 946 офицеров, 98 военных чиновников, 117 юнкеров и 829 добровольцев, всего 1990 чел [5, с. 240]. Пополнение мобилизованными иркутянами 1898–1899 гг. рождения 3-я Иркутская Сибирская стрелковая дивизия получила не ранее ноября 1918 г. Боевой работе этого соединения в 1919 г. ниже посвятим отдельный блок.

Напротив, малополезной для белых в боевом отношении оказалась 8-я Читинская (8-я Сибирская) стрелковая дивизия, формируемая в гарнизонах Забайкалья: в Березовке, Чите и Сретенске. К 16 октября 1918 г. она насчитывала всего 464 человек [6, л. 120], а к 5 ноября 512 офицеров и 2927 солдат [7, л. 23]. Учитывая, что Иркутская дивизия

в начале боевого пути имела сопоставимую численность офицеров, можно констатировать значительность неиспользованных белыми на Урале людских сил Забайкальской области, в т.ч. поступивших в войска 1523 новобранцев из числа русского населения Верхнеудинского уезда.

С 18 ноября 1918 г. стартовал конфликт Верховного правителя А.В. Колчака и командира 5-го Приамурского армейского корпуса полковника Г.М. Семенова, полностью разрешенный только к 25 мая 1919 г. Этот конфликт негативным, а возможно и определяющим образом повлиял на неиспользование белых соединений, имевшихся восточнее Байкала, в боях на Урале в 1919 г. и на общесибирские организационные решения. Обширно представленная в отечественной и зарубежной историографии тема «атаманщины», «семеновщины», на наш взгляд, пока далека от исчерпывающего освещения.

Теперь перенесемся на Урал, где противостояли друг другу регулярные войска красных и белых. Уместно пояснить, что из центра России через Урал в Сибирь в 1919 г. вели три железные дороги (одна – шла через Вятку, Глазов, Пермь в Екатеринбург, вторая – от Казани через Вятские Поляны, Сарапул, Красноуфимск также в Екатеринбург, третья – проходила через Симбирск и Самару, затем две ветки последней соединялись на станции Чишмы, откуда путь продолжался на Уфу и Челябинск). Очертания железнодорожной сети во многом определяли направления действий противников в маневренной и динамичной Гражданской войне. Особо подчеркнем, что белым на Восточном фронте и для наступления и для отражения красных контрударов приходилось разделять свои силы не на две, а именно на три группировки. Недаром и штабы 3-й, 2-й и 5-й красных армий в начале 1919 г. располагались в Глазове, Сарапуле и Уфе.

Выше упоминавшаяся Иркутская дивизия белых к 6 января 1919 г. действовала на участке Оса – Барда между 7-й Уральской и Воткинской дивизиями. Подавив Ижевско-Воткинское восстание, красное командование нанесло удар на Кунгур. В свирепую 40-градусную стужу развернулись тяжелые встречные бои. Красные сбили Иркутскую дивизию с позиций, заняв 17 января деревни Подъельник, Городище, Комарово, Кузничиха, Чекайха и Верхняя Турка. На помощь иркутянам прибыла 4-я Степная Сибирская стрелковая дивизия полковника Г.А. Вержбицкого и 22 января после десятичасового боя взяла д. Андреевка. Адъютант командира 9-го Иркутского полка, прапорщик Н.Н. Первушин писал: «Все время находились под угрозой красных, теперь подошло подкрепление, вчера началось наступление, заняли несколько деревень. Сегодня будем развивать успех» [8, с. 51]. 9 февраля Иркутская дивизия продвинулась к д. Шипа, а с 19 февраля завязала бои на северо-восточных подступах к г. Оса.

В ходе упорных боев 24 февраля 1919 г. иркутские стрелки заняли деревни Горы и Ермаково, с. Богомяково и завязали бои на окраинах Осы.

25 февраля они захватили д. Кочешаево [9, с. 24]. Иркутяне отбили многочисленные контратаки красных, сжимая кольцо вокруг Осы. Белые заняли город 8 марта, после чего Иркутская дивизия была отведена для пополнения в с. Воскресенское. Затем в начале апреля она «предприняла жестокий штурм Бикбардинских позиций, где ее части захватили бронепоезда, конвоировавшие народного комиссара по военным и морским делам Л.Д. Троцкого. Последний ускользнул, несмотря на разобранный путь, который был восстановлен сопровождавшими его саперами» [10, л. 145].

В начале мая белые вышли на рубеж р. Кильмезь и достигли нижнего течения р. Вятки. Части Иркутской дивизии расположились от с. Сосновка (чуть восточнее Вятских Полян) до Мамадыша. Противоположный правый берег на более широком фронте занимала 7-я стрелковая дивизия (начдив А.В. Соболев, бывший генерал-майор) красной армии, севернее оборонялась 21-я (Г.И. Овчинников), южнее 28-я (В.М. Азин), в резерве находилась 5-я (И.Ф. Лепик). Севернее позиций иркутян, у с. Гоньба в ночь 14 мая 15-й Курганский и 16-й Ишимский Сибирские стрелковые полки (бригада А.Г. Метелева) на лодках форсировали Вятку, заняли плацдарм на 20 км в глубину и 25 км по фронту, создав условия для продвижения по тракту на Казань. Моста навести не удалось. Уже 15 мая контрудар частей 21-й дивизии остановил белых, а в последующие дни и отсек их от реки. Метелев 26 мая организовал прорыв на левый берег Вятки у д. Дмитровка (Дмитриевка), который стоил огромных потерь. Соседние белые части к этому времени были уже полностью втянуты в оборонительные бои.

Утром 25 мая красные передовыми подразделениями форсировали Вятку в районе Донаурово и высадили десант из сил 28-й дивизии на правый берег Камы, выше устья Вятки. Так началась Сарапульско-Воткинская операция – наступление Северной группы войск Восточного фронта красных. Если расширение плацдарма у Донаурово белые пресекли, то продвижение красных вдоль Камы остановить не смогли. 26 мая 3-я Иркутская дивизия оставила Елабугу, 1 июня станцию Агрыз, а на следующий день командир 40-го стрелкового полка красных В.И. Чуйков, будущий герой Сталинграда, доложил Азину, что занял Сарапул, потрепав Иркутский и Верхнеудинский полки. 7 июня части корпуса Гривина оставили Ижевск (бои на окраинах продолжались еще двое суток), а 11 июня Воткинск.

Уже упоминавшийся Первушин писал 2 июля – «опять после 6-ти месячного похода до р. Вятки мы пришли в Быково, то есть почти к началу нашей работы на Западном фронте». 6 июля – позиция под Ялымом – «занимаем те же самые окопы, вырытые нами в первое наступление». 13 июля – «Что делается? Мы уходим и уходим без боев? За полтора месяца очистили более тысячи верст. Сегодня в Екатеринбурге переночуем, а рано утром дальше на Тюмень. Говорят, что Челябинск за

красными. Нас кажется, отводят в групповой резерв. За последние бои полк крепко потрепали, за два дня боев выбыло 378 солдат и 16 офицеров... Когда начали отступать в полку было более тысячи штыков, сейчас... 230» [8, с. 52].

Белая Сибирская армия 22 июля была разделена на две армии: 1-ю генерал-лейтенанта Пепеляева и 2-ю генерал-лейтенанта Лохвицкого. 3-я Иркутская дивизия вошла в состав 2-й армии и действовала южнее железной дороги Тюмень – Омск. Сражение в междуречье Тобола и Ишима проходило с 20 августа по 4 ноября. По данным разведки красных к 6 сентября Иркутская дивизия насчитывала до 2000 чел. и находилась в резерве [11, л. 2 об], где подготовилась к участию в последовавшем в октябре контрнаступлении под Тобольском. Иркутяне взаимодействовали с Обь-Иртышской военной флотилией, а части дивизии посетил Верховный правитель А.В. Колчак.

Рассмотрим те же события на фронтовом уровне. В феврале 1919 г. обе стороны крупномасштабных действий не предпринимали, но активно готовились наступать весной. Белая Сибирская армия перешла в наступление 4 марта. Перейдя Каму, белые 7–8 марта заняли уездные города Пермской губернии Оханск и Осу. В районе Уфы 5-я красная армия 5 марта атаковала белых, также уже изготавившихся к наступлению. Опрокинув во встречных боях 6 марта левый фланг красных, белая Западная армия 13 марта заняла Уфу – столицу одноименной губернии, а в первых числах апреля и ее уездные центры Стерлитамак и Белебей. Затем белые вступили в Бугульминский и Бугурусланский уезды Самарской губернии. Всего за март–апрель 1919 г. войска Колчака с боями заняли территорию в 300 тыс. кв. км с 5 млн. жителей, в 1,5 раза увеличив численность населения под властью правительства А.В. Колчака. Это открывало большие потенциальные возможности пополнения личным составом, поскольку Колчак еще 3 февраля разрешил командующим армиям проводить мобилизации на театре военных действий. Однако требовалось удержать занятые территории и наладить мобилизационную работу.

В целом же развитие успехов белых определялось возможностями усилить натиск вводом в бой крупных резервов и способностью отразить вероятный контрудар красных. Однако практически все мобилизованные с августа 1918 г. были уже давно распределены по частям. Изыскивались новые источники для пополнения личным составом. Например, в течение марта 1919 г. в ряды 1-го Волжского армейского корпуса было зачислено до 3500 пленных красноармейцев, сдавшихся в декабре 1918 г. под Пермью.

Отозвав часть сил из-под Уральска и Оренбурга, подтянув резервы из центра России, 28 апреля 1919 г. красные перешли в наступление против белой Западной армии. Белые соединения были разбросаны на фронте в 450 км, а часть личного состава из мобилизованных и бывших

красноармейцев не отличалась лояльностью. Наблюдались переходы подразделений и даже целых полков на сторону красных. 16 мая Западная армия начала отход к Уфе.

На фронте Сибирской армии 25 мая красные передовыми подразделениями форсировали Вятку у Донаурово и высадили десант из сил 28-й дивизии на правый берег Камы, выше устья Вятки, начав Сарапульско-Воткинскую операцию. 26 мая белая 3-я Иркутская дивизия оставила Елабугу, 2 июня – Сарапул. 9 июня белые окончательно покинули Ижевск, а 11 июня – Воткинск.

К концу июля 1919 г. войска белых отступили за Урал, Западная Сибирь снова (спустя год) стала ареной регулярных боевых операций. Отметим, что к географической границе стороны располагали не менее чем 120000 бойцов. Таким образом, белые востока России в середине 1919 г. выставили на линию соприкосновения не менее трети общих сил, и, памятуя о раненых на излечении, дает соотношение бойцов на фронте и едоков в тылу как 1 к 1. Для сравнения осень 1920 г. Красная армия встретила в своем численном максимуме (5,5 млн. чел.) и в соотношении 1 боец на 10 едоков в тылу.

21 июля 1919 г. 30-й Сибирский стрелковый полк (54 офицера, 7 военных чиновников, 3 врача, 1 священник и 1740 солдат) убыл из Ачинска в Челябинск [12, л. 55; 13, л. 14]. К середине августа эта часть действовала севернее Кургана. Командующий 3-й армией белых генерал-лейтенант К.В. Сахаров так вспоминал посещение 30-го Сибирского стрелкового полка, выведенного в конце сентября 1919 г. в резерв: «Пополнили ряды полка, чем могли, что набрали сами из выздоравливающих, из добровольцев, да из армейских офицерских школ. И через три дня полк получил приказ снова идти на позицию, чтобы дать возможность отдыха другой части. 30-й полк выстроен в каре около станции Лебяжья; посередине стоит аналой и священник в потертой ризе служит панихиду по воинам, павшим в сентябрьских боях... После служитя напутственный молебен о даровании успеха и победы. Затем я обхожу ряды полка, разговариваю с офицерами и стрелками. Большинство из них одеты в летнее. Редко, редко сереют пятнами суконные шинели. «Да и те достали от комиссаров, когда гнали большевиков к Тоболу», – докладывает командир полка. А вот стоит стрелок в летней рубахе, с полным походным снаряжением, но на место штанов спускается вниз простой грубый мешок, одетый как юбка. Старые брюки его износились, новых не достал, а прикрыть наготу нужно было... И еще несколько таких же фигур виднелось в рядах славного, геройского полка. Больно было смотреть, – эти люди шли безропотно и охотно на боевую службу, в передовую линию, где приходилось круглые сутки, под дождем и на ветру, при утренних заморозках быть на посту. Омск и весь тыл не хотели верить критическому положению; там все имели одежду, там имелись даже запасы ее, как выяснилось позднее» [14, с. 149–150].

С середины июля 1919 г. по распоряжению начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал-майора Д.А. Лебедева проводилась реорганизация войск, действующих против партизан. Отряд полковника И.Н. Красильникова и батальона Особого официально объединили в отдельную Егерскую бригаду (2500 бойцов), остальные части свели во 2-ю отдельную (Особую) стрелковую бригаду (2000 бойцов) [15, с. 74]. В августе обе бригады отозваны от операций против партизан и отправлены на фронт против регулярной Красной армии, в междуречье Тобола и Ишима [16, с. 228]. Так, например с 15 октября Егерская бригада начала весьма успешно действовать в районе Ялуторовск-Заводоуковское. Особая бригада в начале сентября действовала в районе Колмацкое-Истоминское [17, л. 2].

В свою очередь с фронта в пока глубокий тыл отзываются авиационные подразделения и отдельные тяжелые артиллерийские дивизионы с личным составом, имеющим специализированную военную подготовку. В район Иркутска уже 4 августа прибыл 1-й дивизион батареи «120» из 25 орудий, в тот же день в Красноярск 2-й дивизион батареи «А» из 11 орудий, а 30 августа 6 бронепоездов 1-й армии [18, л. 60–65]. 1 сентября в предместье Иркутска разместился 1-й авиационный парк, в самом Иркутске 2-й авиационный отряд, 3-й воздухоплавательный парк, 33-й корпусный авиационный отряд и т.д. и т.д. Белое командование рассчитывало сохранить эту материальную часть для активной боевой работы весной 1920 г.

Примечателен доклад оперативного отделения Штаба Иркутского военного округа военному министру в ноябре 1919 г. В нем в частности сообщалось: «В Иркутске в русском гарнизоне 3303 штыка, 596 сабель, 30 пулеметов, 302 офицера. Артиллерии нет. Иностранные войска: по частным сведениям за невозможностью получить точные – до 10000 чехов, 200 японцев, неизвестная часть румын. Для несения гарнизонной службы люди достаточно тепло одеты, для выхода в поле все войска одеты недостаточно тепло. Надежны военные училища, Инструкторская школа, Егерский батальон. Суточный наряд 1060 чел. Из других пунктов округа взять войска для усиления Иркутского гарнизона невозможно, части расположены на большом расстоянии в пунктах нуждающихся в охране» [19, л. 69].

В августе-октябре 1919 г. две последовательные Тобольско-Петропавловские операции между реками Тобол и Ишим стали крупнейшими сражениями в истории Сибири и оказали существенное влияние на общий ход Гражданской войны в России. К 18 октября 1919 г. войска Красной армии сломали организованное сопротивление белого Восточного фронта, вынудив его соединения к отступлению. В октябре-ноябре белые последовательно оставили Тобольск, Петропавловск, Ишим. Остатки колчаковских сил стекались к столице «белой» Сибири Омску, а 14 ноября оставили и его. Затем войска белого Восточного фронта начали

Великий Сибирский поход зимы 1919/1920 гг. – одну из наиболее драматичных страниц Гражданской войны в России. Природно-географические условия этого похода могут быть отнесены к числу наиболее суровых зимних боевых операций в мировой военной истории, наряду с Сарыкамшской декабря 1914 г., Карпатской января-марта 1915 г., Эрзерумской января 1916 г., Митавской декабря 1916 г., Пермской декабря 1918 г., контрнаступлением под Москвой и Ржевско-Вяземской операцией с декабря 1941 г. по март 1942 г. [20, с. 251].

Пройти тяжелый путь по заснеженным просторам Томской, Енисейской, Иркутской губерний и Западного Забайкалья смогли лишь наиболее стойкие остатки некогда многочисленной армии. По оценкам Г.А. Семенова окрестностей Читы достигли 11000 боеспособных бойцов и примерно такое же количество раненых и обмороженных, что позволило удвоить численность белых сил. Отметим, что весной-летом 1920 г. удерживаемое силами во главе с атаманом Г.М. Семеновым Восточное Забайкалье сыграло для «восточных» белых роль временного убежища, аналогичное для их «южных» единомышленников значению полуострова Крым, неожиданно для очень многих (и из белого и из красного лагеря) удержанного силами во главе с генералом Я.А. Слащовым.

Противоборство регулярных войск в Восточном Забайкалье в марте-ноябре 1920 г. прерывалось продолжительными оперативными паузами. Красные партизаны предприняли три наступления на занятый белыми Сретенск 31 января–2 февраля, 12–13 марта, 3–5 апреля, но были отбиты. Белые успешно отразили и два (11–13 апреля, 25 апреля–5 мая) весенних наступления красных войск на Читу. В этих условиях и красные и белые широко обращались к политике и дипломатии.

Характерен, например, «Приказ главнокомандующего Всеми вооруженными силами Российской Восточной Окраины. г. Чита. № 394/418. 26 мая 1920 г.:

На Западном и Юго-Западном фронтах Европейской России большевики терпят серьезные неудачи, где польские войска совместно с нашими и украинскими частями, заняли в последнее время такие крупные города, как Могилев, Киев и Одессу, вытянувшиеся по линии течения рек Двины и Днепра.

В следствии этого большевики вынуждены снимать свои силы из Сибири, направляя их в Европейскую Россию для защиты советской Москвы. Не желающие воевать большевистские эшелоны, устраивают по пути вооруженные бунты. В районе Иркутска и станций Батарейная и Иннокентьевская ими произведены взрывы пороховых и других военных складов.

В Западном Забайкалье в последних боях под Читой и за Яблоновым хребтом нашими славными войсками, совместно с героическими войсками доблестной Японии, красным нанесен ряд решительных ударов, от которых они не скоро оправятся.

Теперь наступил черед для ликвидации внутреннего Восточно-Забайкальского фронта Якимова, который мешает мирному населению этого района приняться за полевые работы. Его соратнику Шилову на Амурской железной дороге нанесен серьезнейший урон, вследствие чего он откатывается на 120 верст севернее станции Куэнга, преследуемый нашими и японскими войсками.

С севера против Якимова мною направлены испытанные в боях части доблестных наших корпусов, дружно работающих с японскими частями.

Надеюсь и глубоко верю в то, что славному 1-му Забайкальскому корпусу в предстоящей решительной схватке с повстанческими организациями красных, также неизменно, как и раньше, будет способствовать успех и славное имя героев.

Я приехал к Вам, мои Забайкальцы, для того, чтобы поблагодарить Вас за прежнюю беззаветную службу и лично видеть Вас перед последующими Вашими подвигами. Подписал: генерал-лейтенант, атаман Семенов». [21, л. 149].

В дальнейшем четырехмесячная (с июня по сентябрь) подготовка к удару по войскам Г.М. Семенова, завершилась полным успехом красных в ходе 3-й Читинской операции 1–31 октября 1920 г. Белые войска с боями отходили на юго-восток, а к 21 ноября 1920 г. в полном составе ушли в Китай, в Маньчжурию.

Источники и литература:

1. Новиков П.А. Антибольшевистское военное строительство и боевая работа войск: Иркутский военный округ в 1918–1919 гг. // Исторический вестник. 2024. Т. 47. С. 14–43.
2. Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005. 415 с.
3. Новиков П.А. Боевой путь 3-й Иркутской Сибирской стрелковой дивизии белых войск // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 2. С. 31–38.
4. Каревский А.А. Из истории вооруженных сил Временного Сибирского правительства: 4-й Восточно-Сибирский армейский корпус летом-осенью 1918 г. // Белая гвардия, М.: Посев, 2001, № 5. С. 84–88.
5. Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. 610 с.
6. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 39617. Оп. 1. Д. 164.
7. РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 19.
8. Революционные события и Гражданская война в Сибири глазами очевидцев (Письма Н.И. Первушина) // Краеведческие записки. Иркутск, 1998, Вып. 5. С. 46–61.
9. Ситников М.Г. Полковник Н.Н. Казагранди и боевые колонны // Белая армия. Белое дело. 2009, № 17. С. 5–48.
10. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 5873. Оп. 1. Д. 8.
11. РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 317.
12. РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 25.
13. РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 332.
14. Сахаров К.В. Белая Сибирь: внутренняя война 1918–1920 гг. Мюнхен, 1923. 324 с.

15. Симонов Д.Г. К вопросу о военном строительстве в тыловых округах колчаковской армии в 1919 г. // Гражданская война на востоке России: Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г.; Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Шишкина. Новосибирск, 2001. С. 67–86.

16. Новиков П.А. Организационные мероприятия в вооруженных силах А.В. Колчака (август 1919 – январь 1920 г.) // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.): сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием / редкол.: В.И. Шишкин (отв. ред.), Т.И. Морозова (отв. секр.). Новосибирск, 2019. С. 224–232.

17. РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 317.

18. РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 25.

19. РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 76.

20. Воронцов Д.В. Эволюция советской историографии Гражданской войны (на материалах Востока России) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 245–254.

21. Государственный архив Забайкальского края. Ф. 329. Оп. 1. Д. 50.

Царевококшайск в августе 1918 г. Хроника событий

*А.Н. Кудрявцев, научный сотрудник
направления «История»
Марийского научно-исследовательского
института языка, литературы
и истории им. В.М. Васильева*

В целом события августа 1918 г. в г. Царевококшайске достаточно хорошо изучены. В более ранние годы это работы В.Ф. Пашукова, в более поздние – К.Н. Санукова. Данным материалом автору хотелось бы погрузить читателей в контекст событий, происходивших на периферии ожесточенных боев Гражданской войны.

После падения красной Казани под ударами В.О. Каппеля на рассвете 7 августа остатки 5-го латышского полка во главе с Я. Грегором (220–230 бойцов) и 1-го под командованием Я. Зариня (120 бойцов) двинулись к Царевококшайску. Так же отходил на Царевококшайск татаро-башкирский батальон, который, по воспоминаниям его комиссара Курбанаева, 10 августа пришел в город.

Через несколько дней около Козьмодемьянска красные части вышли к Волге. В Козьмодемьянске остатки 5-го латышского полка были посажены на пароход и переброшены в Свияжск, откуда полк направился в Арзамас. Окончательно красные части покинули город к утру 14 августа.

После ухода частей днем 14 августа в здании женской гимназии состоялось общегородское собрание под председательством бывшего уездного комиссара В. Барановского, на которое были вызваны председатель уездного Совета А.А. Александров и члены исполкома. Александрову было предложено срочно распустить исполком Совета, и передать остатки денег, на что тот согласился.

Собрание избрало городскую думу во главе с купцом Дружининым. Быстров предложил организовать «комитет общественной безопасности» и дружину для обеспечения порядка. Командиром дружины избраны были кадровые царские офицеры: подполковник Лукоянов, а его помощником – штабс-капитан Басов. Активно участвовал в деятельности отряда штабс-капитан Ловейко.

За все время этих и последующих событий были арестованы агитатор уездного военкомата С.К. Удальцов и два красноармейца-латыша, оставшие от своих частей.

К.Н. Сануков отмечает, что в рассмотрении этих событий нет полной ясности в вопросе о власти в городе, апеллируя к тому, что все советские учреждения оставались на своих местах и продолжали работу.

В то время как городская дума отправила в Казань своих посыльных с просьбой о поддержке вооруженным отрядом, в то же время в Свияжск, в ставку штаба 5-й армии Восточного фронта, отправились группа

сочувствующих Советской власти с просьбой о помощи. Приволжской военно-окружной коллегии по делам пленных и беженцев представитель Ф. Карягин, судя по всему, отправился с тем же в Нижний Новгород.

Распоряжением Реввоенсовета республики Нижегородскому губвоенкому было предложено срочно направить отряд в г. Царевококшайск для восстановления Советской власти. 26 августа из Нижнего Новгорода отправился особый отряд под командованием А.А. Вашнева численностью около 500 человек. 27 августа утром пароход доставил отряд к пристани Кокшайск, откуда он двинулся в походном порядке к городу. С учетом привала отряд вступил в город 28 числа примерно в 17–18 часов.

К этому времени в городе уже находился отряд латышских стрелков под командованием А.К. Озолия, вошедших в Царевококшайск за несколько часов до этого. Здесь мы сталкиваемся с недостаточностью и тенденциозностью источниковой базы. Дело в том, что доступная источниковая база сосредоточена в воспоминаниях участников событий, записанных спустя годы. Это юбилеи: 10-летия Октября, 50-летия и др. Представлены они, прежде всего, мемуарами представителей советской стороны и зачастую разнятся.

В целом, следует отметить, что конвенционально никакого боестолкновения не было, желающие покинуть город во главе с царскими офицерами загодя отправились в Казань на присоединение к Каппелю. Единственной жертвой стал студент Чирков, посланный на разведку и опознанный сопровождавшими латышский отряд местными просоветскими. Он был задержан и расстрелян. Из орудий было произведено два выстрела за город для острастки, не приведших ни к каким разрушениям.

В данном контексте дальнейшая работа видится в выявлении новых документов, скрытых еще в архивных фондах и, даже если по крупницам, но прояснять картину событий, произошедших вот уже более чем век назад.

Военно-политические и экономические факторы Гражданской войны в Марийском крае

*А.В. Соколов, историк, археолог,
краевед, автор сайта
«Марийская история в лицах»*

Минуло уж более ста лет, как в нашей стране произошел государственный переворот, в советское время называемый Великой Октябрьской социалистической революцией, и разразилась Гражданская война. Завершилась последняя тоже давно, но до сих пор не дает покоя большинству из нас. Особенно жаркие споры, дискуссии продолжаются в социальных сетях. Но собственно и неудивительно, так как эти события повлекли за собой разруху и хаос, кровавое беззаконие, разрушение традиционного уклада жизни, гибель миллионов людей, массовую эмиграцию.

Наш край, часто называемый «медвежьим углом», был далек от эпицентра событий (единственные за всю войну столкновения между Красными и войсками генерала Каппеля, взявшего вместе с чехами Казань, произошли в Волжском районе у деревни Новые Параты), но ему тоже досталось. Красный террор, продразверстка, голод и прочие «прелести» Гражданской войны отразились на жизни края и их последствия сказываются на Республике даже сейчас. Ведь марийская земля была и остается во многом земледельческим регионом.

Я постараюсь рассказать и показать на примерах, как отразилась революция и Гражданская война на нашем крае. Особенно, думаю, это будет познавательно для гостей – участников конференции.

Итак, как известно, 26 октября 1917 г. (по старому стилю) в Петрограде произошла революция или переворот, которые, пусть и не сразу, привели к крутой смене власти в регионах. О том, что случилось в Питере, у нас долго, вообще-то, не понималось. Ползли самые невероятные слухи, а распространявшая информация порой совершенно не соответствовала действительности.

Вот документ, датированный 31 октября 1917 года и полученный из губернской столицы города Казани:

«Телефонограмма.

Уездному комиссару г. Царевококшайск

Сообщаю копии полученных мною телеграмм:

Первая. Выступление большевиков (в) Петрограде подавлено. Московский гарнизон поддержал Временное правительство. Керенский и Родзянко составляют (в) Москве новое Правительство. (В) Казани власть большевикам не сдавать.

Вторая. Что я Министр-Председатель Временного правительства и Верховный Главнокомандующий всеми вооруженными силами Российской Республики прибыл сегодня во главе войск с фронта

преданного Родине. Приказываю всем частям по недоразумению или заблуждению примкнувшим (к) шайке изменников Родины, предателей Революции вернуться немедленно ни часу (для) исполнения своего долга. Приказ этот прочесть во всех ротах, командах, батареях, эскадронах, сотнях.

Министр-Председатель Временного Правительства

Верховный Главнокомандующий А.Керенский.

Третья. Войсками Комитета Родины и Революции освобождены все Юнкерские училища, и казачьи части заняли Михайловский дворец, захвачены броневые и оружейные автомобили, занята телефонная станция и стягиваются силы для занятия оказавшихся благодаря принятым мерам совершенно изолированными помещения Петропавловской крепости и Смольный институт. (В) последних убежищах большевиков предлагаю сохранять полнейшее спокойствие, оказывая всемерную поддержку комиссарам и офицерам, исполняющим боевые приказы Командующего Армией спасения Родины и Революции полковника Полковникова и его помощника, арестовывая всех комиссаров так называемого Военно-революционного комитета.

Председатель Авксентьев

Председатель Комитета спасения Родины и Революции при Командующем армии спасения, член Военного отдела Комитета спасения Родины и Революции сынами (?) и член Военной комиссии Центрального комитета партии Социалистов Революционеров Браун.

Сообщая эти телеграммы, приказываю именем Временного Российской Республики Правительства распространить их среди населения и принять все меры к недопущению захвата власти, а тем более сдачи кучке безответственных лиц, забывших в тяжелый момент свой долг перед Родиной, предавших Революцию и Свободу, стремящихся сорвать во что бы то ни стало Учредительное собрание.

Подписали Чуком Чернышев, пом. укома Бартольд».

И этот документ получен 1 ноября 1917 г. [1, л. 90].

Для сил, реально захвативших власть в столицах Империи, дело осложнялось еще и тем, что своих, доморожденных большевиков за исключением с. Юрино Нижегородской губернии, практически не было. Были приезжие, такие как уроженец г.Кинешмы А.Г. Смирнов. Но о них и их деяниях позже.

С прибытием в города большевистски настроенных солдат и матросов обстановка в городе изменилась. Председателем Царевококшайского Совета был избран балтийский матрос Виктор Дмитриев, местный уроженец, выходец из городских низов. Под его председательством 22 декабря 1917 г. (4 января 1918 г. по новому стилю) Совет принял решение о взятии власти в городе и уезде в свои руки. На следующий день об этом было выпущено и разослано специальное воззвание. В последующие недели старые органы власти были устранены

или заменены новыми. Так, 2 марта решением Совета была распущена городская дума, а городская управа с новыми работниками стала отделом городского хозяйства. Дома и производственные помещения городских купцов (Булыгиных, Кореповых и др.) и промышленников были конфискованы [2].

Схожая ситуация складывалась и в соседних городах – Козьмодемьянске, Яранске Уржуме, где в январе-феврале 1918 г. были также созданы большевистские организации [3, с. 15]. Но их положение не было твердым, как это порой пытались, да и сейчас пытаются представить сторонники коммунистической идеологии.

Известный в Йошкар-Оле краевед Людмила Петровна Полубарьева так вспоминала это беспокойное революционное время. «Шли тревожные годы 1918–1919. Пришла революция. Простые люди плохо представляли, что это такое. При встречах вполголоса говорили, что делать, куда податься, или ждать? В город пришел полк латышей с духовым оркестром. В доме фабриканта Булыгина по ул. Советской был создан первый Революционный Совет. В те времена моя мама продавала почтовые газеты (Русский вестник, Казанский телеграф, Волжско-Камская речь) из окна своего дома, сюда по утрам приходило много людей. Всем хотелось прочесть что-то новое. В городе у богатых людей, прежде всего, были конфискованы магазины (у купцов Кореповых, Наумовых, Козлихиных и др.). Многие из них незаметно стали исчезать в другие города. Появилась новая власть Советов, старые учреждения, такие, как Городская управа, Полицейское управление, Казначейство, были закрыты, но открывались новые учреждения – Обисполком, Потребительское общество и др. Осенью 1918 г. мы вместе со многими семьями убегали в деревню Княжну и Березняки от подходящих войск, все боялись за свою жизнь ... На другой день после возвращения в 12 часов ночи в дверь раздался громкий стук: к нам пришли чекисты с обыском. Одеты были в кожаные пиджаки, брюки-галифе, военные фуражки, с револьверами. До чего же мы все перепугались, ведь такого никогда не было в нашей жизни. Войдя, один из них произнес: «Вы все арестованы, никто ни с места!». Мы плакали, мама волновалась. Затем они перерыли все наши вещи, сундук, все ящики комода, пересмотрели наши альбомы, книги, гардероб. Увидев письменный стол, сказали, что его они конфискуют завтра утром. Наконец, перерыв все, в два часа ночи они ушли. Утром приехали какие-то люди, увезли стол и сказали, что в одной комнате поселят двух музыкантов из латышей...».

Так мирная неторопливая жизнь Царевококшайска резко изменилась с приходом Советской власти, да и сам город в 1919 г. стал называться Краснококшайском. [4].

16 января 1919 г. произошло переименование улиц города решением уездного исполкома: Вознесенская стала улицей Карла Маркса, Покровская – Советской, Садовая – Красноармейской, Кирпичная –

Коммунистической, Тихвинская – Республиканской (затем еще раз была переименована – стала улицей М. Горького), Рождественская – Чернышевской, Базарная площадь – площадью Революции, Воздвиженская слободка – Красноармейской слободкой, Троицкая площадь – площадью Троцкого (с 1925 года – площадь Фрунзе, затем застроена).

В годы Гражданской войны город несколько раз объявлялся на военном положении. Обычно это делалось в связи с объявлением такого положения в губернии в целом [2]. Вводился комендантский час, по улицам ходили красноармейские патрули, на выездах из города на Кокшайском и Казанском трактах были выставлены заставы. Был налажен жесточайший контроль за всем и вся: чем народ живет, о чем думает, чем владеет.

В городах и крупных селениях начался простой отъем недвижимого имущества, говоря современным языком, рейдерский захват. Вот письмо от 6 июля 1918 г. Царевококшайского уисполкома гражданину г. Царевококшайска П.А. Чулкову с предложением отремонтировать свой дом и передать военному комиссариату:

«Исполнительный комитет уездного Совета предлагает Вам в недельный со дня получения срок отремонтировать принадлежащий Вам дом на Вознесенской улице, каковой имеет быть занят под военный комиссариат или иное какое-либо учреждение.

При уклонении от выполнения настоящего требования ремонт будет произведен за Ваш счет, и Вы же будете преданы суду» [5, л. 406].

Всего в Царевококшайске / Краснококшайске к декабрю 1921 г. было отобрано у жителей 62 дома [6, л. 105–105 об.], на селе конфисковывали маслобойки, ветряные и водяные мельницы, кузницы, кирпичные заводи, сельскохозяйственную технику ... [7, л. 98–99].

Вот еще документ: «Исполнительный комитет уездного Совета в следствие распоряжения местного военного Совета предлагает волостным Советам немедленно же выселить из селений, волостей и наблести за явкою в город Царевококшайск жителей города, покинувших город при приближении Советских войск. При уклонении от выполнения сего виновные в том лица будут преданы военно-революционному суду» [8, л. 128].

Дальше – больше. Начался сбор контрибуции со всех, с кого можно было что взять, затем – чрезвычайного налога, часто налагаемого и на того, у кого за душой ни гроша.

Во время такого набега на деревню Шоя-Кузнецово у крестьянина по фамилии Берендеев, забрали даже офицерские погоны, принадлежавшие его сыну, подпоручику Русской армии участнику 1-й Мировой войны. Что они, эти погоны сами носить собирались?!

Затем пришла так называемая продразверстка. В Марийском крае она сначала касалась марийских волостей в составе Вятской губернии как производящих территорий, но со второй половины 1919 г. она

распространилась на потребляющие Краснококшайский и Козьмодемьянский уезды. Она заключалась в том, что комбеды вместе с продотрядами заставляли крестьян сдавать «излишки» хлеба и деньги государству, разыскивали припрятанный хлеб. Хотя «излишки» советская власть начала изымать практически сразу, взяв власть. 11 сентября 1918 г. Царевококшайский комиссар продовольствия пишет в военно-революционный Совет о необходимости получения сведений о горожанах, получивших луговую землю и объясняет: «...сведения необходимы для реквизиции излишков скошенного ими сена» [8, л. 131]. В общем, реквизировалось все, что можно реквизировать: хлеб, мясо, масло, яйца, мед ... В итоге продразверстка 1920 г. оставит марийских крестьян практически без продовольствия и фуража для скота, лишь с небольшим количеством семенного материала и вызовет невиданный ранее голод, длившийся не один год. Это подтверждает следующий документ. 9 июня 1922 г. Областная комиссия Помгола (помощи голодающим), заслушивая доклад уполномоченного Сернуского кантпомгола тов. Степанова о невозможности в виду транспортных затруднений перебросить по нарядам облпродкома из Козьмодемьянской заготконторы в Сернурский кантон, постановила: «В виду отсутствия средств передвижения и денежных средств, всю наличность желудей в Козьмодемьянской заготконторе предоставить в распоряжение Козьмодемьянского кантпомгола [9, л. 5].

Составлялись специальные списки людей, чей прием на работу был нежелателен. Вот один из них, датированный декабрем 1918 г. В этом списке бывшие офицеры Русской Императорской Армии (Ловейко), чиновники (Гладков, бывший служащий Кассы мелкого кредита), контрреволюционеры. К ним были отнесены все, кто, чем либо не устраивал новую власть. О некоторых кроме фамилии неизвестно ничего! Русанов Николай Александрович – контрреволюционер, Марков – контрреволюционер, Царегородцев Анатолий – контрреволюционер, Шляпины, два брата, один Александр, у второго имя неизвестно, Кирпичников Михаил – бывший секретарь Земельного отдела, Пичугин Михаил – буржуй, Лазовский – выступал против Советской власти, контра [10, л. 11–11 об.].

Большевики никому ничего не прощали, но сами были далеко не на высоте. Отличительной особенностью марийских «товарищей» было повальное пьянство. Представитель Казанского губкома РКП(б) Гордеев весной 1920 г. отправился г. Краснококшайск с ревизией работы советских учреждений и организаций. Позднее он писал: «... Перед отъездом в Краснококшайск мне было дано словесное поручение т. Машкиным определить атмосферу в Краснококшайской организации.

Находясь еще в пути из Казани в Краснококшайск, я уже случайно получил сведения о том, что в Краснококшайской организации не все благополучно. И это «не все благополучно» заключается в том, что

значительная часть ответственных работников города занимается больше пьянством, чем работой. Между прочим мне сообщили, что там среди партийных товарищей имеется группа, возмущающаяся поведением своих старших по положению товарищей, и что она подавала в письменной форме в компарт формальный протест» [11, л. 8].

Далее, в своем отчете Гордеев рассказывает о трех больших пьянках Царевококшайского уездного руководства, о которых он узнал, находясь на месте: в Исполкоме, в милиции и Земельном отделе [11, л. 9–10].

Представитель Казанского губкома побеседовал с людьми и узнал много интересного. Все я не буду пересказывать, это займет много времени. Вот отдельные факты: «... т. Скворцов, как агитатор среди крестьян, заявил, что поступки некоторых ответственных работников, напивающихся до скотского состояния, сильно отражаются на работе в деревне. Мужики в один голос заявляют, что вы, агитаторы, с самогонкой ничего не поделаете, если ваши же комиссары приказывают (варить) ее во всю. Ему лично крест. дер. Березовки Варахсинской вол. заявил, что самогонку варить приказывает комиссар (Тавашев). Свою фамилию этот мужичок не назвал, опасаясь попасть впросак. Затем крестьянин с. Изи Кугунур Себеусадской волости, Иван Яковлевич Яковлев, на мой вопрос, почему он не вступает в партию, ответил, он давно бы вступил, но в вашей организации много пьяниц и хулиганов, причем добавил, что к ним однажды заехал в пьяном виде Иваницкий (председатель исполкома) и отыскивал для себя на закуску луковицу, вытоптал весь огород [11, л. 13].

В то время, когда устроена была вечеринка в помещении милиции, в Краснококшайске находился следователь Особого отдела Запасной армии т. Булычев. Будучи осведомлен о предполагаемом кутеже на этой вечеринке, он намеревался устроить ночью облаву и поймать пьяных товарищей на месте преступления. Но у т. Булычева вышло осложнение с военкомом, который, как говорят, не давал красноармейцев, и поэтому своей цели в полной мере достичь он не смог. Но все же часть участников была задержана при помощи двух красноармейцев и по освидетельствованию врачами, признана в нетрезвом состоянии [11, л. 14].

Тов. Семенов Александр, завкоммунотделом (сам участник попойки, но видимо, не любитель,) ... дал мне материал весьма серьезного характера. Когда об этом узнали Козырев (начальник милиции), Иваницкий, Никифоров (зав. эконо. отделом), Нурминский, (зав. отделом управления) они, угрожая ему револьверами, заставили писать оправдание на показания данные т. Булычеву, что Семенов под диктовку Козырева и делал» [11, л. 15].

4 мая 1920 г. Особый отдел при Реввоенсовете Запасной Армии Республики, рассмотрев дело за № 550 по обвинению Краснококшайских административных лиц в пьянстве, отстранил их от должностей, правда,

применил в отношении их «первую Майскую Амнистию Партейных» [11, л. 132]. Как же, своих не бросаем!

Пьянство, кстати, руководящих работников порой приводило к трагическим последствиям, как это случилось в апреле 1919 г., когда очередная попойка привела к гибели трех солдат Царевококшайской караульной роты и их командира Василия Кортикова. Они задержали пьяных чекистов и за это были расстреляны [11, л. 23–25]. А их собутыльник, не безызвестный Смирнов, выдал это за контрреволюционный мятеж! И все им сошло с рук!

Ничем не лучше развивалась ситуация в соседнем Козьмодемьянске, самом крупном на тот момент городе Марийского края. Местные руководители большевиков, Михаил Красильников [12] и Василий Баринов [13] были коренными козьмодемьянцами, что называется, выходцами из народа, но свой народ они не очень-то щадили. Их биографии, усыпанные традиционными для советского периода клише, ничего не говорят о том, что творили эти «товарищи». Во время июльских беспорядков 1918 г. и Красного террора, организованного местными большевиками после захвата власти, было убито много людей, в том числе совершенно случайных: старики, приезжие из Чувашии, пришедшие на рынок и т.д. Запомнились Красильников и кампания и расстрелами людей на Волге, на Коровьем острове, куда можно было тогда вброд перейти (сегодня он окружен водами водохранилища).

В книге воспоминаний известной ученой, уроженки этих мест Крюковой Н.А. «Догорающий Сад» [14, с. 287] есть запись об одном из расстрелов. Она жила напротив тюрьмы на ул. Чернышевской (современное название). У нее также приводится рассказ о крестьянском съезде в Козьмодемьянске в здании мужской гимназии. Люди были не согласны с налогами и стали кричать, протестуя против продразверстки. Приехавший представитель власти выхватил наган и стал стрелять. Крестьяне стали выпрыгивать из окон второго этажа. Тогда Красильников выставил в окно предусмотрительно заготовленный пулемет и начал строчить по бежавшим. Убитых никто не считал. Это случилось на главной улице, и тела быстро убрали. Многие, жившие на этой улице, видели телегу полную тел, покрытых рогожей [14, с. 283].

А вот еще одно воспоминание, касающееся непосредственно Василия Баринова: «1918 год. Лето. Мимо наших окон бежит бледный от страха Василий Баринов, один из вершителей революции в Козьмодемьянске. За ним с вилами и кольями бежали черемисы и крестьяне правой горной стороны Волги. Другие местные революционные власти разбежались и спрятались кто куда. Васька же побежал не к себе домой, а через склады в улицу, против монастыря, где были строения моего дедушки, уже отобранные у него. Однако, в одном из флигелей еще жил бывший служащий ... Василий Кузьмич Большаков. Баринов кинулся в поленицу и умолил жену Большакова закидать его

дровами. Там он прятался часа четыре. Крестьяне, не догнав никого, ушли по большой дороге в свои деревни и села. Около Болонинских полей их нагнал военизированный отряд во главе с латышом Грассисом. Крестьяне побежали в хлеба, а по ним начали строчить из пулемета. Человек двенадцать было убито. Убитые долго лежали не убранные, все они были из далеких деревень. Болонинские, красногорские, гавренихинские бабы, когда шли на базар в Козьмодемьянск, испуганно-торопливо проходили это место, но не могли не видеть то ноги в лаптях, то откинутую деревянно застывшую руку» [15].

Позже организаторы террора – В.А. Баринов и М.Ф. Красильников были арестованы представителями штаба Восточного фронта за гибель и увечья людей во время июльских событий, за несанкционированные расстрелы и личное в том участие и другие факты превышения власти. По мнению военных комиссаров фронта, козьмодемьянские большевики явно переусердствовали в своих действиях. Но в итоге их освободили, М.Ф. Красильникова из города убрали, а В.А.Баринов был вновь избран председателем исполкома Козьмодемьянского Совета рабочих депутатов [17].

Революционный переворот в Яранске в конце 1917 – начале 1918 гг. был осуществлен небольшим отрядом балтийских матросов во главе с Сергеем Черепановым. Он же сыграл важную роль в организации новой власти, проявив при этом незаурядные управленческие и ораторские способности. Матросы и солдаты-фронтовики заняли руководящие должности в советском аппарате. Их жесткие, порой жестокие методы проведения политики привели к восстанию 3 марта 1918 г. [17], когда недовольство народа выплеснулось на улицы города. Возмущенные граждане устремились к ненавистному Совету. Члены исполкома «бросили все и бежали черным ходом». Не растерялся лишь матрос Чупраков, бывший комиссаром отряда красноармейцев, применивший «самые репрессивные меры для подавления контрреволюционного восстания...», позволяя себе к арестованным лицам «кулачную расправу» [18. л. 74].

Яранск был объявлен на осадном положении. Для восстановления порядка и проведения расследования из Вятки прибыл вооруженный отряд, остававшийся в городе до 14 марта. 26 марта состоялось закрытое заседание исполкома Совета, на котором обсуждалась ситуация, возникшая в ходе восстания. Часть депутатов во главе с П.Ф. Костериным и Д.В. Крупиным осудили его, но страстная речь Сергея Черепанова убедила собравшихся в целесообразности жестокой расправы с восставшими. Позднее Павел Костерин занял более жесткую позицию: «Власть Советов должна вылиться в железную власть, неуклонно проводящую цели и задачи не разрушения, а созидания» [17].

События в Уржуме развивались по царевокошайскому сценарию. В первой половине июля (1917 г.) был организован Уржумский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В июле и августе проходили уездные крестьянские съезды, были организованы уездный

и волостные Советы крестьянских депутатов. Однако большевиков в городе и уезде были лишь единицы. В городе, например, лишь Н.И. Елкин, который прибыл в Уржум по этапу в 1915 г. и работал в Теребиловском волостном правлении.

Когда в Уржуме было получено известие о победе вооруженного восстания в Петрограде, 9–10 ноября состоялось объединенное собрание земской управы и городской думы с участием представителей волостей. На этом собрании было отмечено, что настроение населения в уезде «спокойное», что оно, якобы, деятельно готовится к выборам в Учредительное собрание [19].

Но 2 января 1918 г. здесь создается Уржумская городская организация РСДРП(б), по инициативе которой 7 января в Уржуме созывается 1-й уездный съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На съезде присутствуют делегаты из 20 волостей уезда – 48 человек, от местного гарнизона – 5 человек и от городских рабочих, ремесленников и служащих – 6 человек. Съезд открылся в 2 часа дня и работал 4 дня. Были заслушаны доклады делегатов 2-го Всероссийского крестьянского съезда, представителя Кронштадта Видягина, избран исполком, в состав которого вошли по 1 человеку от каждой волости, 5 человек от рабочих и несколько человек от гарнизона. Избран был и президиум исполкома Совета в составе 5 человек. В период работы съезда в городе на 3 дня было введено военное положение. Съезд признал уволенными начальника уездной милиции, его помощника и начальника городской милиции. Комиссаром охраны в городе и начальником дружины был назначен фронтовик, активный участник революционного движения аркульский рабочий Сормах. «Отныне, – указывалось в резолюции съезда, – все управление в уезде находится в руках Советов ... и весь уезд в лице Совета признает только те высшие органы, которые защищают и стоят на платформе Советской власти» [20].

Самодетельности и инициативы местным большевикам было не занимать. Для начала они национализировали здание уржумского кинематографа, потом кожевенный завод, потом дома известных промышленников и купцов, потом автомобили, потом типографию и, как только типография оказалась в их руках, в Уржуме вышел первый номер газеты «Голос народа». В середине мая уездный исполком организовал дружины для реквизиции хлеба у крестьян и в начале июня принял постановление об отправке в столицу пяти тысяч пудов хлеба [21].

Отмечу одну интересную, на мой взгляд, деталь: власть коммунисты повсюду захватили, но вот когда нужно было идти на фронт защищать эту власть, то далеко не все «товарищи» захотели это сделать. Весной 1919 г., когда в Казанской губернии начал формироваться Коммунистический батальон, то набралась команда с сочувствующими вместе всего в числе 42-х человек [22, л. 5]. В Государственном архиве Республики Марий Эл хранится немало обращений с просьбами

не направлять того или иного коммуниста на фронт: один – «ценный работник», другой – «болен», у третьего – еще что-то. В одних случаях коммунисты просят сами за себя, в других – за них просят важные люди.

Почему так происходило? Мне думается, что значительная часть тех членов РКП(б) – коммунисты, что называется, по случаю. Безусловно, были те, кто искренне верил в светлые идеи коммунизма, кто отдавал за них жизнь. Но было много и таких, кто был просто приспособленцем, делавшим в партийных рядах карьеру. Дальнейшая история мои слова подтверждает. Победила бы в 1917 г. другая партия, эти люди спокойно бы вступили и нее.

Вся власть этих Иваницких, Смирновых Красильниковых и им подобных строилась на штыках и держалась на жесточайшем репрессивном аппарате – ЧК, Революционном трибунале, милиции, всевозможных воинских отрядах Комдезера, Продкома, по борьбе с бандитизмом, частей особого назначения. Неограниченный террор был необходим советской власти, чтобы запугать подвластное ей население страны и по возможности уничтожить больше инакомыслящих.

Уездная чрезвычайная комиссия была создана 29 августа 1918 г. по решению Военно-революционного Совета Царевококшайского уезда. Председателем ЧК назначили коммуниста С.П. Данилова, прибывшего в составе Нижегородского отряда для восстановления Советской власти в городе. После его гибели во время подавления восстания в Княжне, председателем Уездной чрезвычайной комиссии стал латыш член партии с 1912 года Ян Крастынь. В период его работы в Марийском крае все члены уездной ЧК являлись большевиками, а четверо из них – с дореволюционным партийным стажем. В отчете о работе Чрезвычайной комиссии за период с 1 сентября 1918 г. по 1 марта 1919 г. отмечалось, что комиссия взыскала контрибуции и штрафов около 500 тысяч рублей, зарегистрировала и взяла на учет сотни бывших офицеров (некоторых предлагала взять населению на поруки, как это случилось в октябре поручиком 14-го Сибирского стрелкового полка А. Радыгиным и прапорщиком 72-го Сибирского стрелкового полка С. Гордеевым. Они обвинялись в контрреволюционной деятельности в Царевококшайске, были схвачены ЧК, содержались какое-то время в уездной тюрьме [23, л. 504–506], а поскольку против них ничего не было, решили отдать населению. Предлагали гражданам взять их на поруки и отвечать уже своей головой на возможные «проступки» взятых на поруки [22, л. 536–537] полицейских, буржуев и кулаков, а также бежавших с белыми. Конфисковала 22 фунта золота и серебра, 328 рублей золотой монеты, 688 рублей серебряной монеты, организовала 25 комбедов и т.д.

Обращаясь к гражданам уезда, председатель Чрезвычайной комиссии Я.П. Крастынь весной 1918 г. писал: «Кому дорога свобода, дорога власть пролетариата и трудового народа, тот должен взять винтовку и разбить хищников, нападающих на власть Советов и желающих погубить

революцию». Он призывал записаться в летучий отряд комиссии [24, л. 22–24].

Авторы той книги, изданной в советское время, стыдливо умолчали о других «достижениях» Областной ЧК. В виду ликвидации Царевококшайской уездной чрезвычайной комиссии в отчете для Москвы, датированном 15 марта 1919 г. [25, л. 16], сообщалось о расстрелянных, их 21 человек [26, л. 40–41], арестованных – 298 человек [27, л. 28–36] (полагаю, эти цифры реально занижены), награбленном у людей добре, выдаваемом в отчете за свое! Среди «своих» вещей названы женские юбки – 8, женские летние пальто – 2, платья – 4, полог детский – 2, женские кофты – 10, рубашки мужские и женские – 90, туфли дамские – 1 пара, дамские пальто – 3; ружья охотничьи – 110 [25, л. 6–6 об.].

Кроме летучего отряда Обчека, состоявшего из 30 человек [28, л. 37 об.], в который призывал вступать палач, а будущем – латышский академик Крастынь, в помощь чекистам служили: Революционный трибунал, Конвойная рота, милиция, отдельная рота особого назначения (ЧОН) и 37-ой Отдельный марийский дивизион войск (ВЧК/ГПУ), несмотря на название состоявший из немцев и уроженцев Новороссии. Дивизион размещался в Краснококшайске в «Военном городке» на территории Царевококшайского Богородице-Сергиева женского черемисского монастыря.

Кстати, после образования Марийской автономной области ЧК была возрождена и продолжила свою работу.

Кровавую память о себе оставила и Уржумская ЧК. Вот что вспоминал об этом старейший житель г. Уржума Борис Александрович Курочкин: «Сразу скажу, арестованных были не десятки, а сотни. Это и бывшие чиновники, учителя, духовенство, крестьяне. Большинство из них были арестованы по доносу. Тюрьма была переполнена, пришлось использовать для задержанных бывшее арестное помещение (на современной улице Революционной)».

Отрядом ЧК латышей командовал латыш по фамилии Бирзгал. Успевали ли в ЧК разбираться по каждому арестованному, неизвестно. Хотя там и было несколько следователей, как ни странно, русских следователей по фамилии Климов, Сонкин, Епифанов и др. Но расправлялись с подозреваемыми в антиреволюционной деятельности беспощадно. Часто можно было видеть и слышать от людей, что опять группу арестованных отвели на казнь. Казни совершались в нескольких точках. Людей расстреливали в Солдатском лесу, в лесу на Белой речке.

«Осенью 1918 г., – продолжал свой рассказ Курочкин, – я как-то возвращался с Антонкова, нес молоко. Дорога шла через Солдатский лес. Навстречу мне попался отряд конников, который сопровождал осужденных на казнь. Это были люди, одеты не по погоде. До сих пор помню молодую женщину, быть может, учительницу. Истерзанная,

в туфельках, с распущенными волосами, она производила очень жалкое зрелище. И так было нередко» [29, с. 42–43].

Обычные расстрелы были еще счастьем для несчастных жертв. Зачастую над ними перед смертью издевались, заставляя умирать в жестоких мучениях. Так было нередко, т.к. в ЧК служило немало отморозков, прошедших жестокую школу войны, для которых смерть стала давно обычным делом, и даже банальные расстрелы для них уже не представляли интереса. Из чужих смертей зачастую разного рода садисты делали себе развлечение. Так, в соседней с Уржумом Казани приговоренных к смерти сжигали на кострах и распинали на крестах. Князь Н.Д. Жевахов описывал, что нередко несчастных погребали заживо, и, если ямы были неглубоки, оттуда еще долго были слышны стоны страдальцев [30].

У Яранской ЧК была своя «фишка», там очень любили приемы с «переодеваниями». В архивном документе читаем: «Наряжаясь белогвардейскими офицерами и в таком виде выпытывали от богатых крестьян, учителей и бывших слуг царского режима их мнение о Советской власти, прося оказать то или иное содействие и, получив сведения, арестовывали». Нередко отряд внезапно появлялся в той или иной деревне, действуя «под флагом белых, распространяя слухи о своем появлении». Этим способом они проверяли работу волостных исполкомов Советов. Эти методы все-таки не нравились высшему руководству ЧК, несмотря на то, что люди, работавшие там, сами не гнушались никакими методами. В одном из отчетов говорилось: «Все эти реквизиции и безобразия бледнеют перед работой начальника карательного отряда Ларина и агентов 7 пункта Особого отдела. Большинство своем крайне грубые люди, с приемами прежних жандармов, имеющих способность всюду открывать контрреволюцию».

Такие же методы использовались и в уездных ЧК, особенно их любили в Яранской. Так, в апреле 1919 г. Яранская ЧК спровоцировала и организовала в г. Яранске «контрреволюционную организацию», вооружила ее, а за тем устроила ее арест. Кроме ликвидации «контрреволюционной организации», Яранская ЧК провела, по меньшей мере, еще две крупнейшие операции с использованием своих агентов – это ликвидация Пророчицкого монастыря и разгром банды Шушканова [31].

В отличие от «богатой» событиями жизни ЧК достаточно полной картины деятельности Краснококшайского уездного Революционного трибунала Отдела юстиции при исполнительном комитете Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов не имеется. Архивный фонд совсем небольшой. В основном, он рассматривает дела экономической направленности, что наталкивает на мысль: не находятся ли остальные «кровавые» дела в архивах спецведомств. А то вывеска грозная, а результат получается пшик. Известно, что Трибунал выносил смертные приговоры, например в отношении дезертиров Красной армии.

Мне удалось найти несколько расстрельных свидетельств этого, но в других фондах.

Так, выездная сессия Революционного трибунала 26 сентября 1919 г. приговорила жителя деревни Якимовой Варахсинской волости Царевококшайского уезда Николая Захарова к расстрелу. Он обвинялся в «сознательном укрытии от военной службы по трем мобилизациям и ведении им агитации против советской власти среди населения, а также во время заключения его в арестном доме среди дезертиров как опасный элемент для республики ...Таковой приведен в исполнение в 24 часа 45 минут в ночь на 27 сентября сего года. Царевококшайский уездный военный комиссар Товашов» [32, л. 118].

Захаров не являлся уклонистом от армии, подобно многим современным молодым людям. Этот выбор он делал осознанно, ибо не желал принимать участие в братоубийственной Гражданской войне, а в Первую мировую войну Захаров служил в Лейб-гвардии Гродненском гусарском полку, был младшим унтер-офицером, имел ранение [33].

Выездная сессия Казанского военно-революционного трибунала приговорила на своем заседании от 12 Июня 1919 г. дезертира Николая Иванова, красноармейца 2-го Приволжского полка, происходящего из граждан Краснококшайского уезда Кумужьяльской волости села Кютюк-Кинер: «разстрелять как врага народа и Советской Республики». Приговор привести в исполнение было поручено в течение 24 часов со времени постановления коменданту г. Краснококшайска. Приговор приведен в исполнение в 1 час 45 мин. 13 Июня 1919 г. [34, л. 32]. Подписал документ все тот же военный комиссар Михаил Товашов.

Одно из немногих дел политических рассмотренных Революционным трибуналом – дело жительницы Царевококшайска Ольги Черновой. 8 апреля 1918 г., гуляя по центру города с подружками, проходя мимо помещения уездного Совета крестьянских депутатов, она назвала заседавших там «собачьими» депутатами. Об этом случайно услышал председатель судебно-следственной комиссии Бутенин и донес на нее комиссару юстиции [35, л. 5]. Дело передали на рассмотрение Революционного трибунала. Трудно сказать, чем бы все для Черновой закончилось, если бы не очередная годовщина по случаю празднования дня 1-го мая и последовавшая в связи с этим амнистия. Чернова раскаялась в сказанном, ее пожурили и ... отпустили, вынеся общественное порицание без лишения прав и преимуществ ... [35, л. 17] В общем, можно сказать, легко отделалась, ибо Ревтрибунал строго следовал указаниям Марийской областной ЧК. Вот одно из них, датированное 1 июля 1921 г.: «В виду переживаемого военного времени и в целях успешной работы борьбы со всякими ненормальностями, которые служат тормозом Советскому строительству, предлагается своевременно – предварительно ставить в известность секретно-оперативный отдел Маробчека о открытии всякого рода собраний, заседаний и съездов. За неаккуратное извещение

виновные будут привлекаться к ответственности, а собрания и пр. закрываться» [36, л. 4].

А так ведь можно было запросто угодить в Арестный дом или лагерь принудительных работ и сидеть без предъявления обвинения много времени, как это случилось с крестьянином из деревни Медянино Петриковской волости Михаилом Ивановским. Председатель Революционного трибунала Марийской области Легков, придя с инспекцией по жалобе Ивановского в помещение арестованных дезертиров в доме Полубарьева на Набережной улице нашел, что арестант сидит уже много дней, задержан 30 апреля 1921 г., но никакого обвинения до сих пор не предъявлено. Председатель Марревтрибунала потребовал немедленно провести дознание и освободить задержанного из-под стражи [36, л. 5]. Судя по архивным документам этот случай был далеко не единичен. Как и Арестный дом в Царевококшайске. Всего к августу 1921 г. в МАО функционировали: Краснококшайский арестный дом – 80 заключенных (обслуживающий персонал – 6 чел.), Моркинский арестный дом – 25 заключенных (обслуживающий персонал – 4 чел.), Сотнурский арестный дом – 25 заключенных (обслуживающий персонал – 4 чел.), Козьмодемьянский арестный дом – 60 заключенных (обслуживающий персонал – 6 чел.), Новоторъяльский арестный дом, открытый 21 августа 1921 г., и лагерь принудительных работ в Краснококшайске с количеством содержащихся в нем заключенных от 30 до 50 чел. в разные периоды с 1921 по 1922 гг. [37, с. 73]

Но что интересно, тюрьмы на тот момент в Царевококшайске / Краснококшайске не было. А куда она делась, до революции же была? Все объясняется просто. Согласно предложения карательного отдела Комиссариата юстиции от 15 июля 1918 г. за № 27 Народным комиссариатом юстиции было принято решение о сокращении количества тюрем губернии в виду малочисленности заключенных и с целью сбережения народных средств. В свете этого Царевококшайскую тюрьму было решено закрыть, а всех срочных заключенных, как мужчин, так и женщин, немедленно перевести в Казанскую губернскую тюрьму, а следственных – в Козьмодемьянскую тюрьму [38, с. 142] Бутенина, директора тюрьмы, просто поставили перед фактом.

Теперь о лагере. Что известно о нем? Лагерь принудительных работ начал функционировать в Царевококшайске в начале лета 1918 г. На тот момент в лагере содержалось 48 человек, осужденных ОБЧК, Революционным трибуналом и НарСудом, в первую очередь, контрреволюционеры и другие преступники, совершившие тяжкие преступления [39, л. 9–10 об.].

5 июля 1921 г. комендант лагеря Иван Кочетков [40, л. 50] сообщил председателю исполкома И.П. Петрову, что в ближайшие дни лагерь будет переведен на новое место в бывший Арестный дом, но «таковой дом освобожден ... лишь в последние дни июля месяца. К устройству его

делают койки, нары, столы и табуретки, через 2–3 дня произведут ... и в конце этой недели осужденные в него будут переведены» [41, л. 16]. 20 июля 1922 г. лагерь принудительных работ был ликвидирован и заключенные в нем переведены в Нижегородский лагерь, кроме краткосрочных, переданных в ДомЗак [42, л. 45 об.].

Есть предположение, что у лагеря принудительных работ был лагерь-предшественник. В архиве республики имеется документ, который говорит, что на территории бывшего Богородице-Сергиева черемисского женского монастыря – концентрационный лагерь. Комендантом это лагеря называется Легков, известный, как председатель Революционного трибунала. Разгадку этой тайны еще предстоит решить историкам.

В городах создавались также караульные роты выполнявшие те же функции, что и конвойные команды до октября 1917 г.: следить за порядком в городе, охранять задержанных и т.д. Запись в караульную роту была добровольной, принимали туда преимущественно уже ранее служивших в армии. Им тоже приходилось бороться со своим народом. Отряд в 45 человек из караульной роты Царевококшайска с пулеметом и 25 бойцов отряда ВЧК 14 ноября отбыли в Морки для подавления крестьянского восстания [43, л. 555].

Состав караульных рот и их численность нередко менялись. Так, после истории с задержанием пьяного председателя Царевококшайского исполкома А.Г. Смирнова и таких же чекистов, расстрела обвиненных в контрреволюции В.М. Кортикова и трех его солдат, всю роту отправили на Восточный фронт и набрали новый состав. Воевала против колчаковцев и Уржумская караульная рота под командованием Н.Г. Сорокина (Н.Г. Сормах), отличившаяся в боях на Ижевском направлении [44].

Это был тоже не первый состав уржумцев. Предыдущий был разбит отрядами Степанова в ночь на 11 августа, когда он захватил город [45].

В среднем, рота насчитывала около 130 человек. Козьмодемьянская рота, командир И.М. Травин, насколько известно, имела в своем составе несколько коммунистов [45, л. 4].

Коммунисты были и в рядах частей особого назначения (ЧОН). Причем они составляли ядро этих отрядов. На разных этапах своей истории они назывались: «Коммунистические дружины», «военно-партийные отряды», «части особого назначения», созданные большевистской партией, организационно не входившие в Красную армию. В задачи ЧОН входило оказание помощи органам Советской власти по поддержанию революционного порядка, борьбе с контрреволюцией, несении караульной службы у особо важных объектов [46].

Бдительно охранять власть Советов, завоевания Великого Октября, пресекать любые вылазки врага на местах, таково их основное предназначение ...» [47, с. 34.] писали в недавние времена об отрядах ЧОНа. Но сегодня мы знаем, что эта история не такая уж славная и героическая, что чоновцы запятнали себя массовыми зверствами

и расправами над мирным, прежде всего, крестьянским, населением России: на Тамбовщине, в Башкирии, в Симбирской и Пензенской губерниях. Только довольно трудно сегодня найти документальные свидетельства этих преступлений, ибо они до сих пор спрятаны в закрытых для доступа исследователей архивах. Во-вторых, даже в те времена о «грязной» стороне «работы» отрядов ЧОН не любили говорить или писать. Обычно, когда речь заходила о чоновцах, вспоминали их участие и заслуги в войсковых операциях Красной армии против белогвардейцев. При упоминании же подавления народных волнений все сводилось к общим фразам о ликвидации кулацких банд и т.д. и т.п., без указания конкретных мест и подробностей. Видимо и тогда понимали, что делают что-то не то, что потомки не вспомнят их с благодарностью.

Впрочем, когда наступили перестроечные времена и о «подвигах» ЧОНа попытались говорить открыто, оказалось, что и говорить то не о чем: фактов то, по большому счету, нет. Документов вне зоны доступа, а живых свидетелей, очевидцев преступлений «коммунистических дружин» давно уже нет. Да и, вообще, о настоящей, реальной жизни ЧОНа мало что известно. Ну, а если говорить про марийский ЧОН (такой тоже существовал), то и подавно.

Что ж, попытаемся восполнить этот пробел. Строительство частей особого назначения (ЧОН), как известно, развернулось весной 1919 г. в период наступления армии Колчака. У нас впервые этот вопрос был поднят в мае 1919 г. на очередном (протокол № 8) заседании Исполнительного комитета Краснококшайской организации РКП(б). На нем было принято решение организовать роту особого назначения из местных коммунистов и сочувствующих. Ответственным организатором был назначен Алексей Герасимович Смирнов. И работа, видимо, закипела. Об этом свидетельствует тот факт, что на другом заседании коммунистов – 12 мая (протокол № 9), речь шла уже об отправке 20 мая роты особого назначения в прифронтовую полосу, предположительно, в Симбирскую губернию. (Что они там делали, нам остается только догадываться). А ведь 8-го числа еще не было ничего – ни людей, ни программы обучения коммунаров, многие из которых до этого никогда не держали в руках оружия ... Зато была вера в «светлое будущее», ради которого они не пощадили бы и мать родную. Впрочем, очевидно и то, что 20-го мая они еще никуда не уехали. Потому что в аналогичном протоколе за номером 15 (пункт 3-й) от 29-го мая 1919 г. записано: «Заслушали отношение пом-ка увоенкома (помощника уездного военкома – *прим. авт.*) № 295 о том, что им сорганизована рота особого назначения, отправляющаяся на фронт ...» [48, л. 16–16 об.]. Но организацией ее, судя по всему (это предложил А.Г. Смирнов), занимались все-таки член Краснококшайского исполкома РКП(б) Иван Каскевич (бывший балтийский матрос, член партии с 1917 г.) и уездный военком Михаил Товашов.

Сегодня об этой роте особого назначения сказать особо пока нечего: неизвестна ее численность и состав, судьбы чоновцев, командир, правда, известен – член РКП(б) Николай Сяврис [49, л. 55 об.].

Следующий отряд особого назначения, уже настоящий во всех смыслах ЧОН, стал создаваться у нас только летом 1921 г. У истоков его создания стоял Николай Иванович Бутенин (один из видных деятелей Советской власти – имя, сегодня полностью забытое), назначенный на должность Областного начальника 30 июня 1921 г. командованием Приволжского военного округа. Создавался он по единой армейской организационной структуре (взвод, рота, батальон) с соответствующими штатами личного состава (в том числе и штабом), количеством оружия и военного снаряжения. Тогда же эти части и получили свое официальное название – «части особого назначения».

Позднее подразделения ЧОНа были созданы по всему Марийскому краю: в Козьмодемьянске (сначала взвод – в апреле 1921 г., переформированный затем в роту), в Сернуре (рота), в Морках. Возможно, где-то еще. Все они подчинялись областному командованию в Краснококшайске.

«Центральный комитет РКП(б) рекомендовал включать в ЧОН прежде всего членов партии с дореволюционным стажем, чтобы каждое подразделение имело надежный, прочный костяк. В части особого назначения зачисляли также комсомольцев и беспартийных передовых, сознательных рабочих. Но основная часть бойцов, и все без исключения командиры ЧОН, были коммунистами» [47, с. 35.]. Но, поскольку и с рабочими, и с коммунистами в Марийском крае в то время была напряженка, в части особого назначения брали всех желающих. Так, отряды ЧОН 63 и 62 (соответственно Краснококшайский и Козьмодемьянский) состояли вначале в основном из молодых людей и девушек, членов РКСМ, которые часто еще не служили в армии, пройдя лишь военную подготовку в самом отряде. Они работали в различных, чаще всего, советских, организациях (много было, кстати, и безработных), и по первому зову должны были явиться к месту сбора. Вероятно, с оружием в руках. Хотя в имеющихся документах практически не говорится о наличии его у бойцов ЧОНа, есть лишь графы в учетных карточках: «Винтовка системы», «Револьвер», «Патроны (шт.)».

Те, кто оружия не имел по месту основной службы (как, например, сотрудники военкомата и милиции), видимо, получали его на время учебы. Обычно пистолеты системы «Наган». (Но в первый год существования Козьмодемьянского ЧОНа в учетных карточках бойцов нет отметок, выдавалось оружие, или нет). Потому что его практически не было. Лишь в феврале 1921 г. отрядовцы получили из Казани с артсклада 150 французских винтовок системы «Гра» образца 1874 г. и 7500 патронов к ним и 96 револьверных патронов системы «Лефо-ше» [50, л. 3]. В ГА РМЭ сохранилось лишь небольшое количество этих карточек, а также один-

единственный билет члена Коммунистического отряда особого назначения, датированный 26 апреля 1921 г. и оформленный на имя Алексея Петровича Бабушкина. В билете сообщается, что «на основании приказа Нижегородского губвоенкомата за № 52913 от 1 ноября 1920 года тов. Бабушкин ... имеет право на хранение и ношение при себе в пределах г. Козьмодемьянска одной винтовки системы – Гра № 47684, к ней 20 патронов» [51]. Но эта книжечка не имеет ни печатей, ни подписей командиров, и, вероятно, на руки вышеназванному товарищу не выдавалась. Почему – пока не известно.

Периодически «коммунары», а именно так называют в документах чоновцев, должны были проходить сборы. На них проводились строевые занятия, стрельбы, а также изучалось оружие, отрабатывались оперативность оповещения и скорость сбора бойцов. Но молодежь посещала их не охотно, об этом свидетельствует запись в журнале деятельности Козьмодемьянского отряда ЧОН: «3.12.1921 – 30 нояб., 1 и 2 дек. Производились строевые занятия и чистка оружия. Посещаемость 10%» [52, л. 6].

Судя по документам, немало козьмодемьянских чоновцев не имело своего жилья и жило на съемных квартирах. Почему, тоже остается пока загадкой. Наряду с жителями Козьмодемьянска здесь служили жители сел и деревень Горной стороны: Отары, Арды, Емешево, Сарапаево, Пайгусово, Еласы, Алешкино, Пертнуры и других. По условному сигналу они должны были добираться до уездной столицы самостоятельно. Вообще в ЧОНе существовало 3 очереди призыва. В первую входили самые подготовленные бойцы.

Для большинства коммунаров первого призыва ЧОН стал стартовой площадкой для будущей карьеры. Их посылали на учебу в Нижний Новгород, Казань, и даже в Москву. Многие из первых чоновцев впоследствии стали курсантами Марийской областной Совпартшколы, сотрудниками милиции, и даже крупными руководителями Марийской республики. Например, областной начальник ЧОНа Н.И. Бутенин был первым руководителем Новоторьяльского кантона. А его коллега по Козьмодемьянскому ЧОНу С.А. Еропов стал впоследствии тоже первым секретарем Новоторьяльского канткома (кантонного комитета) РКП(б).

В каких землях и весях трудилась эта хорошо организованная, оснащенная и обученная боевая сила? Не зря же, в конце концов, она хлеб ела! Козьмодемьянские чоновцы участвовали в проведении гужетрудовой повинности в Отарской, Ахмыловской и Козьмодемьянской волостях [53, л. 27], охраняли склады с семенным материалом, ездили в разведку на Казанский и Кокшайский тракты отслеживать неизвестные ранее банды, в Моркинскую волость в район Б. и М. Кушни, где действовал известный бандит «Ромашка» [52, л. 55 об.]. Часть отряда ездила «по работе» в Самару [52, л. 67]. А первый командир этого ЧОНа Иван Горбунцов

2-го августа 1918 г. был убит на 8-й версте от Мадар при перестрелке с бандитами [52, л. 3 об.].

Что касается тогдашней советской милиции, то она была в те годы откровенно слаба. Вопрос об организации «народной милиции» был рассмотрен в феврале 1918 г. на седьмом общем собрании Царевококшайского уездного Совета, а волостным земским управам было поручено в десятидневный срок выбрать волостных начальников милиции и милиционеров. По данным статистического отчета за 1918 г., в Краснококшайском уезде Казанской губернии насчитывалось 5 человек командного состава, 73 милиционера, 15 из них были конные, на вооружении находилось 86 винтовок и 6 револьверов. Несколько больше сотрудников милиции было в Козьмодемьянском уезде: 5 человек командного состава, 80 милиционеров, 15 из которых конные, на вооружении 101 винтовка. [54, л. 14]. Сотрудников старой формации в ней не осталось, да и остаться не могло по политическим соображениям. Люди, пришедшие им на смену, не имели никакого опыта борьбы с преступностью и, зачастую были людьми случайными, попадавшими в органы из меркантильных интересов. Вот будущий милиционер из деревни Вараксина Царевококшайского уезда Петр Тихонов Дружинин рассказывает о себе 7 января 1918 г. в прошении: «Сим имею честь покорнейше просить волостную земскую управу назначить меня в число кандидатов к предстоящим выборам милиционеров. При чем присовокупляю: на фронте находился 3 года и фронтовой комиссией врачей признан к службе вовсе не годным» [55]. Дескать, возьмите меня, я делать все равно больше ничего не умею! Отсюда и многочисленные ошибки в проведении дознания и следствия, а приговоры, вынесенные народным судом, также порой не соответствовали тяжести совершенных преступлений. На фоне всеобщего беззакония, ожесточения и оскотинивания людей, начались самосуды, расправы над теми, кто совершил или только подозревается в совершении преступления. Об этом с горечью докладывал судебный следователь 2-го участка И. Родин комиссару юстиции по Царевококшайскому уезду 28 июля 1918 г. [56, л. 139]. «... Такое ненормальное явление ставит иногда нас при исполнении обязанностей в самое безвыходное и порой отчаянное положение, затрудняющее следствия, а потому просим установить законный порядок принятия мер пресечения обвиняемым способов уклонения от следствия и суда, дабы никто, кроме следственных и судебных властей не могли ни отменять, ни изменять этих мер ... В противном же случае в силу необходимости и создавшегося ужасного положения как мы, так и другие служащие по аналогичным делам принуждены будем оставить должности и предоставить все или анархии или случаю ...» [56, л. 139 об.]. Добавьте к этому неискоренимую коррупцию и пьянство.

Вот дело из фонда [56, л. 139] «по обвинению начальника Царевококшайской уездной милиции Н.Н. Раскатова в появлении его в пьяном виде на Базарной площади г. Царевококшайска и беспричинно поднятой им тревоги 6 мая 1918 года». Проще говоря, он ходил пьяным по вечернему городу и свистел в свисток, да еще скандалил с постовыми милиционерами, которые пытались его урезонить. В итоге, уволен, несмотря на сопротивление и защиту покровителей. В прочем, покровительство последних позволило Раскатову перекочевать в Земельный отдел (Не пропадать же хорошему человеку!). Затем, с начала 20-х гг. он – уполномоченный Марийского областного ЧК(!), секретарь Областного совнархоза ... инспектор областного уголовного розыска, следователь Ревтрибунала. В феврале 1923 г. уволен с должности старшего следователя Ревтрибунала в ходе проверки личного состава за картежную игру и недоверие со стороны населения [57].

Зато по приговору Революционного трибунала в 1920 г. был осужден бывший член РКП(б) начальник милиции 2-го района Краснококшайского кантона Михаил Строкин. Осужден за мародерство и присвоение чужого имущества и приговорен к 3-м годам лагеря принудительных работ [58, л. 20–21]. В декабре 1921 г. был осужден также бывший член РКП(б) начальник милиции 3-го района Краснококшайского кантона Алексей Огнев. В 1920 г. он со своими подручными милиционерами занимался грабежом и вымогательством у граждан. Трибуналом Огнев был признан застрельщиком всех этих преступлений и приговорен к расстрелу, который, правда, был заменен из-за амнистии в честь 4-й годовщины Октябрьской революции, тюремным заключением сроком на 5 лет [58, л. 37–40]. При этом немалая часть личного состава была командирована в Красную армию. Козьмодемьянская кантонная милиция, например, отправила на Западный фронт в 1921 г. 15 милиционеров с конным отрядом. [54, с. 16].

В целом же отношение населения к работникам милиции было негативным, не придавало авторитета сотрудникам милиции их пристрастие к спиртному, корыстолюбие, недисциплинированность. Значительно дискредитировал милицию низкий общий уровень образования, культуры и грамотности. Не редкостью было «заимствование» изъятых при обыске и аресте вещей, ценностей и денег, незаконные аресты, грубости и непристойное отношение к арестованным [59]. Тем более, милиция также наряду с ЧК и военными принимала участие в реквизиции хлеба в деревне. Тот же Н. Раскатов 15 апреля 1918 г. получил благодарность от властей г. Лыскова Нижегородской губернии за помощь голодающим за то, что реквизирует хлеб дер. Шеклянур Арбанской волости [60, л. 73].

Придя к власти, большевики установили продовольственную диктатуру, направили в деревни вооруженные отряды для изъятия у крестьян хлеба (продотряды). Говорилось, что они берут «излишки»,

а на самом деле изымалось самое необходимое, даже семенной материал. Считалось, что хлеб прячут «кулаки»; для его поиска было приказано создавать в деревнях комитеты бедноты (комбеды). Но такого резкого деления на кулаков и бедняков у марийских крестьян не было. Вот и получилось, что деревенские лодыри и пьяницы, охочие до чужого добра (а таких в любой деревне можно было найти по нескольку человек), объединялись, получали власть и оружие и разоряли состоятельные хозяйства самых работающих, рачительных хозяев (ведь им власти отдавали часть награбленного у «кулаков» хлеба).

Летом и осенью 1918 г. возмущенные крестьяне во многих местах поднимали восстания против действий Советов, расправлялись с продотрядами, отказывались сдавать хлеб государству. В ответ власти направляли в такие деревни войска, которые жестоко расправлялись с местным населением. Особенно много марийских крестьян было расстреляно (и виновных, и безвинных) в селе Емангаши Васильсурского уезда, в селе Оршанка Кадамской волости Яранского уезда, равно как и русских крестьян деревни Княжна рядом с Царевококшайском (в этом отношении чекисты не делали различий по национальному признаку). Но и после этого, в 1919–1921 гг., не прекращались крестьянские восстания [61]. В немалой степени этому способствовали комбеды.

В Марийском крае основное формирование комитетов бедноты пришлось на сентябрь – ноябрь 1918 г. Такая медлительность в их создании связана с нарушением связей с органами управления Вятской и Казанской губерний ввиду дестабилизации обстановки на фоне многочисленных мятежей, занятия отдельных территорий «белыми», сопротивлением населения. Отказывались образовывать комитеты Шиньшинская, Кшкловская и Куллекиминская волости Царевококшайского уезда, Тойдаковская волость Козьмодемьянского уезда [62, с. 67].

Необходимо отметить, что еще до принятия аграрных декретов население стало активно реализовывать основную функцию комитетов – оказывать содействие продорганам в изъятии хлебных излишков «из рук кулаков и богатеев» [63, с. 416]. С их принятием интерес бедняков стал подогреваться материальным стимулированием в виде выплаты половины стоимости сокрытых излишков лицу, указавшему на них [63, с. 265]. В деревне подняли головы вся голытьба, деклассированные и бесхозяйственные элементы, всякие «перекати-поле». Эта «теплая компания», ничего за душой не имевшая, кроме осознания полноты власти, отправилась в поход на хозяйственные элементы деревни. Расхищался скот, инвентарь, ничтожные запасы продуктов. Растаскивалось и проматывалось абсолютно все. Происходило не созидание ценностей, а их уничтожение [64, с. 72.]. Новая сельская элита «относилась к имуществу граждан, как к имуществу завоеванных врагов» [62, с. 67–68].

После ухода «белых» из г. Казани встал вопрос финансирования государственных учреждений и советских мероприятий, так как кассы пустовали.

Для удовлетворения крайне необходимых нужд 17 октября 1918 г. Исполком решил, а волостные советы стали изыскать средства на местах путем наложения и «взимания с буржуазного класса и кулачества контрибуции». При этом список буржуазии, на коих бы было возможно наложить контрибуцию по требованию Президиума Исполкома, волостными советами уезда по некоторым волостям был уже составлен, с указанием суммы, подлежащей взиманию. Предлагалось, «во что бы то ни стало в несколько дней собрать сумму для содержания совдепа и комбедов» [65, л. 25.]. Обложенным контрибуцией лицам нужно было внести деньги в семидневный срок со дня им объявления в кассу волостных городских советов. В случае же неуплаты Исполком требовал конфисковывать у них движимое и недвижимое имущество при содействии комитетов волостной и деревенской бедноты, предоставив в исполком списки плательщиков и тех, кто не платит для передачи их в Чрезвычайно-следственную комиссию [66, л. 31 об.]. Так, в Петриковской волости Царевококшайского уезда: Василий Кузьмин, Ефрем Лукин, Степан Савватеев и Семен Яковлев отказались выплачивать контрибуцию по 2500 рублей, Прокопий Никитин, Федор Прокопьев – по 4000 рублей, Иван Михайлов – 5000. В результате у них было изъято имущество на эту сумму [66, л. 35–35 об.]. Другая часть жителей волости требования по выплате исполнила, правда суммы контрибуции у них были значительно ниже, в среднем 400–500 рублей [66, л. 37].

А 30 октября 1918 года ВЦИК и СНК приняли декрет «О единовременном чрезвычайном десятимиллиардном революционном налоге на имущие группы городского и сельского населения». Деньги предполагалось направить на создание мощной Красной армии, которая бы встала на защиту не только российской, но и мировой революции. На Вятскую губернию налагалось 300 млн руб., Казанскую губернию – 200 млн руб., Нижегородскую губернию – 220 млн руб. Налог предписывалось взимать только с лиц, принадлежавших к имущим группам городского и сельского населения. Его взыскание следовало завершить к 15 декабря 1918 г. Совдепы совместно с комбедами составляли списки лиц, подлежащих обложению, и распределяли между ними сумму налога. За его неуплату предусматривались личная и имущественная ответственность [67, с. 465–468].

Так, например, Комбед Козьмодемьянской волости того же уезда 21 декабря 1918 г. арестовал и посадил в тюрьму местного крестьянина Кобылина с формулировкой «будет освобожден из под ареста лишь по уплате суммы Чрезвычайного налога» [68, л. 5]. Спустя несколько дней, лишь осознав, что с Кобылина таким образом все равно не взять, было решено его выпустить [68, л. 6 об.].

Население Царевококшайского уезда должно было заплатить 7 млн руб. [69, л. 27], Козьмодемьянского уезда – 9 млн руб., Уржумского уезда – 50 млн руб. Чрезвычайный налог собирался плохо, а размеры налога часто не учитывали реалии.

«Серьезной работой комитетов бедноты Кузнецкой волости следует считать обложение кулаков чрезвычайным налогом. Не помню уже сейчас, какая сумма была наложена на нашу волость. Знаю, что раскладка этого налога пала в первую очередь на кулаков, что в известной мере подорвало их экономическую мощь. Так, кулаки из дер. Лаптево Д.И. и Ф.К. Мошкины были обложены по 50 тыс. руб. каждый. Оба они внесли всю сумму полностью без особого сопротивления, а кулак А.Я. Лежнин из дер. Обронино, обложенный тоже на сумму 50 тыс. рублей отказался от уплаты чрезвычайного налога. По приговору волостного комитета бедноты он был арестован, посажен в волостную тюрьму, где и умер от разрыва сердца» [70, с. 122].

Тем не менее, уездные Комиссии по раскладке чрезвычайного налога пытались его собрать силой. Бывало, что кому-то и скидывали размер выплаты, но другим увеличивали. Царевококшайская комиссия по чрезвычайному налогу на заседании 25 января 1919 г., рассмотрев поселенную раскладку чрезвычайного налога по Петриковской волости, постановила: таковую утвердить с тем лишь изменением, что сумма чрезвычайного налога по дер. Негодяевой должна быть увеличена до 100000 руб., и дер. Пахомовой – до 10.000 руб., т.к. в этих селениях имеется много состоятельных лиц, а селения Крутой Овраг, Рождественское, Новотроицкое и Новино как не имеющие лиц, подлежащих обложению, от чрезвычайного налога освободить.

На момент нормативного завершения сбора налога, 15 декабря, по Уржумскому уезду собрали лишь 2804831 руб. 31 коп. Семь волостей еще не приступали к оплате, среди них четыре марийские волости: Сернурская, Марисолинская, Конганурская, Мари-Турекская [71, л. 1]. Причин этому было несколько. Во-первых, население сильно обнищало за период Первой мировой войны, революции и год Гражданской войны. Крестьянин жил в жестких рамках реквизиций и отсутствия свободного рынка, практически не имея никаких доходов. Во-вторых, деньги должны были пойти на нужды армии. Однако, если учесть, что крестьянство не понимало сути Гражданской войны, в связи с чем мобилизации проходили строго в директивном порядке с активной силовой поддержкой, можно сделать вывод, что население намеренно не хотело поддерживать армию еще и финансово. Тем не менее, налог необходимо было собрать, поэтому в ход шли различные способы, в том числе расширение категорий облагаемых налогом крестьян [62, с. 77]. К примеру, Комбед Козьмодемьянской волости обложил Чрезвычайным налогом 44 домохозяина, причем больше половины (33 домохозяина) из них были бедняками [72, л. 7 об.–10], а Иван Михайлович Иванов, на которого был возложен налог в 3000 руб.

был назван в документе «Самый бедный»! Некоторым из них, чтобы заплатить, пришлось продать единственную лошадь. Всего же от рук комбедовцев пострадало 254 человека, членов семей этих крестьян [72, л. 9–10]. В Кшкловской волости Царевококшайского уезда было обложено контрибуциями и налогами 63 семьи из деревень Югуп, Новые и Малые Шаши, Старый и Новый Узюм, Ахметкозино, Дюсум и др. Учитывая, что татарские семьи тоже весьма многочисленны, можно не сомневаться, жизнь 300 человек заметно ухудшилась [73, л. 52–53].

Кроме середняков и бедняков (зажиточных осталось мало) стали облагаться Чрезвычайным налогом и крестьяне, чьи сыновья служили в Красной армии и защищали ту власть, которая провозглашала себя народной, но в тоже время обирала этот народ. Житель дер. Сосновка Козьмодемьянского уезда Иван Андреевич Мешков, в семье которого было 8 человек, получил налог в 550 руб. При этом его сыновья Василий и Петр с сентября 1918 г. служили в Красной армии. Средняки Мешковы пытались оспорить налог, ссылаясь на то, что сыновья служат в армии. Чтобы заплатить, они заняли деньги у знакомых. Мать солдат, Надежда Ивановна, 3 июля 1919 г. просила Комиссию вернуть заплаченные деньги, но безрезультатно [72, л. 36–36 об., 43–44]. Крестьянин из села Покровское Михаил Ермошин имел большую семью – 9 человек. Сын Михаил – в Красной армии, другие дети: Антонида 16 лет, Николай 13 лет, Александр 11 лет, Иван 10 лет, Степан 8 лет, Петр 6 лет, Анна 3 года. Налог составил 500 руб. Ермошин заплатил их беспрекословно, но пытался их вернуть по причине военного сына. Результат тот же [72, л. 41–42].

Представитель Козьмодемьянской чрезвычайной комиссии Криворотов на Первой губернской конференции уездных чрезвычайных комиссий отмечал, что вся тяжесть чрезвычайного налога легла на средний класс крестьянства, притом, что в уезде не хватало собственного хлеба. В те местности, где чрезвычайный налог не платился добровольно, высылались отряды для участия в деле его взыскания [74, л. 50].

В то же время Совдепы пытались бороться с многочисленными нарушениями в этом вопросе. Приказывалось упорядочить работу отрядов, действовавших по взысканию чрезвычайного налога. Грабителей, шкурников, творивших беззаконие и наносивших обиду середнякам, надлежало отстранять, предавать Ревтрибуналу, заключать в тюрьму [75, л. 383–383 об.].

Так, 18 декабря 1918 г. было расстреляно чекистами трое красноармейцев – Миназутдин Галев, Вастулла Сафиуллин, Киямутдин Якунов за самовольное наложение контрибуции 60000 рублей [76, л. 41–41 об.]. 25 мая 1921 г. Революционный трибунал Марийской автономной области рассмотрел уголовное дело по обвинению уполномоченного Продовольственного комитета Марийской области Ивана Кондратьевича Кузнецова в преступлении по должности, выразившемся в том, что в декабре 1920 г. по мандату Краснококшайского

райпродкома за № 3985 вышеозначенной Кузнецов как партийный работник был командирован для проведения продовольственного двухнедельника в Кумужьяльскую волость, для агитации среди населения и с правом контроля над сельскими Советами без права производства обысков и конфискации, вместо законно предоставленных ему Упродсовещанием прав, превысил свою власть и совершил целый ряд преступных деяний преступного характера, выразившихся в самочинных обысках у крестьян деревень Шереганово и Кожлоер, изъятии вещей, продуктов питания и вымогательстве денег. Трибунал приговорил 21-летнего Уполномоченного к 5 годам лишения свободы в лагере принудительных работ, но принимая во внимание его чистосердечное признание, срок наказания сократил до трех лет [77, л. 20–21 об.].

Крестьяне этих деревень, пытавшиеся откупить от назойливого уполномоченного и давшие «взятки», были также привлечены к ответственности Народного суда 4-го участка.

Сами власти признавали факт неподобающего обращения с крестьянством, но это мало что меняло: реквизиции и наказания тех, кто их проводил, продолжались.

На деле фактически любой советский орган управления при желании мог наложить контрибуцию, изъять денежные средства и материальные ценности. Делалось это практически в ежедневном режиме. Обложения проводились бессистемно, чаще всего это напоминало сведение счетов с зажиточными или просто отдельными лицами, что приводило к серьезным конфликтам [62, с. 78].

Понадобились деньги, список составили на «лиц состоятельного класса», к примеру, по Кшкловской волости, и все! И это не чрезвычайный налог! В списке 24 человека, сумма взыскания от 40 до 300 рублей. Итого чекисты собрали 4370 рублей [78, л. 54]. Чтобы чекистам было легче «работать», переписывалось все движимое недвижимое имущество! В Моркинской волости Царевококшайского уезда у представителей «буржуазно-кулацкого класса» переписали все подробно, вплоть до последней курицы, утки и т.п.! Причем, к кулакам отнесены люди, имеющие лишь лошадь, корову и несколько овец. Так случилось в деревнях Кучко-Памаш, Старый Юледур, Кинер, Малый Кулеял и самом селе Морки [78, л. 47–49 об.]. Житель Морков, некто А. Попов имел: 1 лошадь, 1 корову, утку 1, кур – 10; Н.П. Пичугин – 1 корову (лошади – нет!), 10 кур, 2 утки [78, л. 49 об.]. Вероятно, родня А.В. Пичугину – начальнику контрразведки 3-й Уральской бригады армий Колчака.

Для нужд армии у крестьян фактически бесплатно (на выданные бумажки ничего не купишь) изымались лошади. Вот яркий пример – приказ Царевококшайского уездного военного комиссара Бурова 26 сентября 1918 г., где объявляется принудительная поставка лошадей, в 1-ю приемную комиссию на ярмарочную площадь. Аналогичная комиссия работала в с. Морки. «Все лица, имеющие 2-х и более лошадей

и уклонившиеся от поставки таковых, будут считаться изменниками Родины и Революции и будут предаваться Военно-Революционному суду, а лошади будут конфисковываться» [79, л. 171].

Помимо всего перечисленного крестьян принуждали участвовать во всевозможных «трудовых повинностях», бесплатных работах: заготавливать лес и дрова, ремонтировать мосты и дороги, тушить пожары, на что у крестьян не было ни сил, ни сил, ни времени. Вот суровая правда жизни из 1919 года!

«С возвращением сего Лапшинский сельский Совет сообщает, что требуемого количества людей и лошадей для рубки и возки дров и бревен выслано быть не может, потому что в деревне Лапшиной 37 семейств красноармейцев и 9 домохозяев с лошадми в трудовой артели и 9 домохозяев советских служащих, а оставшиеся 15 домохозяев бедного состояния, как сами, а равно и лошади неспособны к лесным работам, а некоторые из них не имеют лошадей. Председатель Лапшинского сельсовета В.К...» [80, л. 47].

От такой «светлой» жизни возмущенные крестьяне повсеместно поднимали восстания против действий Советов, расправлялись с продотрядами, отказывались сдавать хлеб государству. В ответ власти направляли в такие деревни войска, которые жестоко расправлялись с местным населением. Восстания начались еще летом и осенью 1918 г. Особенно много крестьян было расстреляно (и виновных, и безвинных) в селе Емангаши Васильсурского уезда, в селе Оршанка Кадамской волости Яранского уезда, деревни Княжна рядом с Царевококшайском, в селе Морки и его окрестностях Моркинской волости. «В Емангашах Васильсурского уезда 19 ноября 1918 года в ходе учета хлеба произошел инцидент с гибелью двух коммунистов. В ответ местные чекисты решили, как сообщил наверх председатель ЧК Ф.С. Фадеев «провести массовый террор, отплатить за пролитую кровь наших лучших борцов за социализм». «Прибытие наше в Емангаши, – докладывал чекист, – заключалось в следующем: расстреляно в Емангашах в разных обществах 16 человек, в Верхнем Шалтыкове – 4 человека, в Нижнем Шалтыкове – 3 человека, и несколько человек было расстреляно егорьевскими коммунистами, количество которых выяснить пока не удалось ... Арестовано кроме убитых 32 человека, из которых больше половины скоро будет подвергнуты той же участи, какой подверглись те негодяи, которые валялись на улице, как собаки». Доклад Фадеева заканчивался словами: «Прочь с дороги, не мешайте трудящемуся пролетариату ковать новое светлое царство социализма ...» [81].

Ну, как же, Советская власть – это не Николай «Кровавый», как называли его большевики. Своя, народная, крестьянская и рабочая власть, но все восстания подавила самым жесточайшим образом, местные каратели не останавливались перед стрельбой по безоружной толпе

и пролитию крови. Куда до нее по эффективности «кровавому» царскому режиму [82].

Но и после этого, в 1919–1921 гг., не прекращались крестьянские восстания: в Кшкловской волости в марте 1919 г., весной-летом того же года в с. Параньга и д. Читово, в Сотнурской волости – в октябре 1919 г., в Кадамской волости – в январе 1920 г., в Козьмодемьянском кантоне – в 1921 г., Косолаповской волости – в мае 1921 г. [83, л. 30, 35, 36]. Советская власть называла их контрреволюционерами, кулаками, бандитами. Настоящие бандиты, безусловно, тоже были. Но, в первую очередь, это следствие того бардака и беззакония, что творились в стране с 1917 г. Далеко не все, взявшиеся за оружие, были до революции преступниками. Лишившись привычного образа жизни, дома, имущества, кто-то брался за оружие, чтобы просто отомстить. Ничего другого у них не оставалось! А, кстати, еще 18 июня 1996 г. Указом тогдашнего Президента России Б.Н. Ельцина все участники крестьянских волнений 1918–1921 гг. на территории России были реабилитированы. Но многие в нашей стране об этом либо не знают, либо знать не хотят [84, с. 61].

В череде большого количества восстаний, нельзя не упомянуть и так называемый «Степановский» мятеж летом 1918 г., охвативший немалую территорию Вятской губернии (т.е. Кировской области и Марий Эл).

Уржумский большевик Мачехин вспоминал о времени «красного террора» в Уржуме (1918 г.):

«В сентябре месяце 1918 г. в Уржум прибывает Московская Чрезвычайная прифронтовая комиссия во главе с Путте в составе не менее 20 человек конного отряда латышей.

Работа по борьбе с контрреволюцией разворачивается во всю, весь подозрительный элемент вылавливается, при выявлении их участия в Степановском восстании и выносятся меры наказания вплоть до расстрела. Расстреляно было, если память не изменяет, не менее 100 человек, без сомнения, тот элемент, который активно принял участие в Степановском восстании, был вредным и опасным того времени для советской власти ...».

Из истории Уржумской ЧК: «...Расстреляно было, если память не изменяет, не менее 100 человек» [85].

Хотя Степановский мятеж и не был чисто крестьянским выступлением, но крестьяне, одетые в шинели, были основной движущей силой его участников с обеих противоборствующих сторон. В этой связи, вероятно, настало время поговорить и об армиях, Красной и Белой. А точнее, о тех, кто являлся уроженцем этих мест.

Начнем с армии Красной. После своего «рождения» 23 февраля 1918 г. армией она еще долго не была, особенно в Марийском крае, находящемся в составе 3-х губерний и 8 уездов с разномастной властью.

Уже в конце 1917 г. при демобилизации старой армии и увольнении в запас старших возрастов советские власти распорядились «приступить

тотчас же к созданию красной революционной армии», которую должны были сформировать люди, готовые «идти на борьбу с контрреволюционной буржуазией, откуда бы она ни повела наступление – изнутри или извне России». 14 января 1918 г. председатель СНК заявил о необходимости создания новой социалистической армии, в которую «вольются пролетарские силы других стран». 28 января был издан Декрет о создании «новой армии, которая явится оплотом Советской власти в настоящем, фундаментом для замены постоянной армии всенародным вооружением в ближайшем будущем и послужит поддержкой для грядущей социалистической революции в Европе». Армия поначалу строилась на добровольческой основе, вступить в нее мог любой гражданин страны, готовый отдать жизнь «для защиты завоеваний Октябрьской революции, власти Советов и социализма», но при условии рекомендации партийных или советских органов. 11 февраля на схожих началах было декларировано создание нового, рабоче-крестьянского флота [86].

В каких условиях они создавались сегодня трудно даже представить! Даже спустя полтора года со времени начала возникновения первых частей, красноармейцы оставались, что называется, голы и босы. В приказе № 234 Ронгинского волостного Военного Комиссара 17 сентября 1919 г. говорилось: «... Предписываю всем районным исполкомам объявить гражданам, что все, кто имеет запас готовых лаптей, то половину количества таковых обязаны сдать за плату в волвоенкомат. Все, кто изготавливает лапти для продажи, то должен продавать также лапти только в волвоенкомат. В принятии лаптей будет выдаваться квинтация, по которой потом будет высланы деньги. В связи с этим приказываю спекулянтов, задержанных едущими с лаптями, препровождать в волвоенкомат» [87, л. 33 об.]. Даже и комментировать здесь нечего.

Тем не менее, уже с мая 1918 г. принцип добровольности был заменен на принцип обязательности службы.

Всего с сентября 1918 г. по июнь 1920-го советским правительством было осуществлено 27 обязательных призывов [88].

Почему же ранее большевики от массовых мобилизаций в РККА «рабочих и крестьян» первоначально воздерживались. Не потому, что красноармейцев одеть и обуть было не в чего. Во-первых, потому что сначала надо было договориться на тему того, какая армия нужна Советской России и нужна ли она вообще? (а то ведь сторонников «всенародной милиции» и «партизанских отрядов» среди красного руководства было достаточно). Во-вторых, следовало создать органы управления, план будущей армии (численность, военные округа, устав и т.д.), мобилизационный аппарат, в конце концов.

Но самое главное: настроения масс. Ведь только что всем обещали мир, только что распускали и «демократизировали» старую армию, только что миллионы дезертиров просто уходили с фронта «в частном порядке»

(причем процесс начался еще с начала 1917 г.). «После почти четырех лет войны солдаты должны были вернуться домой, отдохнуть. Без этого вводить новый принцип комплектования армии было даже опасно ...» [89].

Предшественницей Красной армии у нас в крае стала армия Социалистическая, создателем которой стал заместитель коменданта Царевококшайска Александр Васильевич Казаринов – выходец из крестьян. Ранее участвовал в Первой мировой войне, будучи подпрапорщиком пулеметной команды одного из стрелковых полков 1-го Сибирского армейского корпуса. Был трижды ранен. Вернувшись с войны на родину, перешел на сторону Советской власти. Георгиевский кавалер, двадцатидвухлетний подпрапорщик, он одним из первых в старом Царевококшайске вступил в Красную армию и, будучи членом исполкома уездного Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, возглавил уездную Социалистическую армию (так в ту пору иногда называли первые отряды Красной армии). Прием на службу в Социалистическую армию был добровольным, а целью ее создания провозглашались защита Советской власти от всех врагов ее и борьба за социализм.

Поступающие на службу давали клятву-присягу, называвшуюся «Подписной лист». В ней говорилось:

«Принятые солдаты в Социалистическую армию зачисляются на все виды казенного довольствия с окладом жалования 120 руб. в месяц, самовольно не имеют права покидать ряды армии, лишь по истечении три месячного срока, а увольняемые быть могут лишь только по усмотрению начальства, неся службу должны точно и беспрекословно исполнять все приказания, исходящие от Советов народных комиссаров и всех подчиненных им организациям и штабов. Нарушившие свой революционный долг и не исполнение приказаний советских организаций предаются суду Революционного трибунала.

Вместе с тем солдаты Красной армии обязаны точно и неуклонно нести все наряды и обязанности, которые будут возложены на них во время службы.

За самовольное оставление поста и караульного помещения без разрешения старших, а также за самовольные обыски и пользование оружием виновные подлежат суду Революционного трибунала.

Всякий солдат Красной армии обязан хранить свято врученную ему часть народного достояния, как то: оружие, обмундирование, снаряжение и тому подобное. За потерянные вещи уплачивается их стоимость и виновные подлежат суду отряда, за утерю или продажу боевого снаряжения предаются суду Революционного трибунала.

В рядах Красной армии должна царить революционная дисциплина, и каждые сутки четверть всего состава армии исполняет наряды, четверть занимается обучением, остальная половина является свободной от служебных обязанностей».

Особенностью Социалистической армии было то, что солдаты этой армии соединяются в десятки, десять десятков образуют сотню, сотня образует отряд, два отряда составляют легион. Первоначально в нее записалось 16 человек, 9 из которых были беженцами с Украины и Белоруссии. Затем численность заметно выросла, к армии присоединились десятки молодых местный парней, вернувшихся с фронтов мировой войны и привлеченных обещанием казенного довольствия. Максимальная численность Социалистической армии достигала 133 человека [90, л. 432].

Как и караульная рота Социалистическая армия начала принимать участие в подавлении крестьянского недовольства. В 1918 г. участвовали в подавлении крестьянских восстаний в Царевококшайском уезде, реквизиции хлеба в Морках, Петриково и Ронге [91, л. 19–20], боролись с незаконными порубками леса в Яранском уезде [91, л. 30].

В июле месяце 1918 г. Казаринов повздорил с уездным военным комиссаром, бывшим штабс-капитаном А.П. Кожиним, был арестован и посажен в тюрьму. После ареста и расстрела самого Кожина в начале сентября 1918 г. выпущен на свободу, но развитие идеи Социалистической армии сошло на нет [92].

Тем временем, Брестский мир был уже подписан, а практика отлично показала одно: «партизанская» армия с выборными командирами и добровольческим составом не способна на равных сражаться с регулярной армией европейского государства. Так что принудительные наборы в Красную Армию начались лишь 29 мая 1918 г. И «... уже первые мобилизации крестьян показали, что здесь придется преодолевать большие трудности... Мятежи крестьян против мобилизации произошли во многих уездах...». События в Княжне – яркий тому пример! Часто восстания эти были вооруженными, так как многие «демобилизовавшиеся» прихватили с собой винтовки. И они не желали опять отправляться на войну, считая это нарушением «договора» с большевиками. В общем, мобилизации доставили Красным немало проблем в период Гражданской, но они же позволили создать армию, сумевшую подавить очаги сопротивления и вооруженные силы «альтернативных правительств»... [93].

Для этого, как говорится, все средства были хороши. Вот приказ № 1 Уржумского уездного комиссара по военным делам Н.Одинцова, датированный 23 Августа 1918 г. в 12 час. 25 мин.: «Уржумский уездный Комиссариат по военным делам приказывает всем красноармейцам, служившим в Уржумской Красной армии (служившим как в Царевококшайской Социалистической) немедленно явиться в комиссариат. За неисполнение сего приказа, виновные будут расстреливаться» [94, л. 23].

Из воспоминаний А.Г. Захарова «Марийская рота». В середине июля (1918 г. – прим. мое), когда чехословаки стали двигаться вверх по Волге, «положение» во всей Республике было тревожное, поэтому Советская

власть решила мобилизовать в армию трудящихся. В назначенный день на Царевококшайский мобилизационный пункт явилось всего несколько человек. Кулаки, попы, всевозможные контрреволюционные агенты вели усиленную агитацию против явки по мобилизации. В частности, об этом сообщали из д. Медведево, где некоторые из кулаков имели даже оружие. Туда была срочно послана марийская рота. Пока мы организовывали митинг, где разъясняли крестьянам о положении на фронтах, деревня была кругом оцеплена. Нашли враждебных агитаторов, которые открыто говорили против Советской власти, возбуждали крестьян против нее. В домах у подозрительных лиц произвели обыск и нашли несколько винтовок с патронами, бомбы и револьверы. Подлежащие мобилизации в тот же день прибыли в г. Царевококшайск. Слух об этом быстро разнесся по другим деревням, и мобилизованные стали толпой являться на пункт [95, с. 188].

За 27 обязательных призывов Военные Комиссариаты на местах (они были созданы в каждой волости и уезде, в Царевококшайске например, 24 мая 1918 г.) выгребли огромное количество народа не поддающееся подсчету. В первые призывы попали солдаты молодого возраста, вернувшиеся с фронтов Первой Мировой. Чтобы их всех выявить, изъяли из архивов бывших Управлений воинских начальников и Воинских Присутствий все списки о призыве на военную службу. Когда эти солдаты закончились стали призывать молодежь 1898–1903 гг., в силу юного возраста еще не успевших понюхать порошу. Для таких новобранцев была создана система Всеобуча (всеобщее военное обучение), которое было введено декретом ВЦИК от 22 апреля 1918 г., где ими занимались многоопытные унтер-офицеры старой армии, в силу здоровья и возраста не годящиеся для фронта. А также бывшие младшие офицеры, которым после проверки можно было доверить будущих красноармейцев. Одновременно военные искали бывших солдат-специалистов: артиллеристов, саперов, мотоциклистов, телеграфистов, служивших в авиации и железнодорожных частях, а не просто пехоту. Порой случались и удивительные запросы. Так, командованию зачем-то понадобились хорошие лыжники, таковые были найдены и отправлены по запросу в Казань.

Затем настал черед сотен солдат, вернувшихся из германского и австрийского плена. В 1918 г. их в Красную армию не призывали. Например, в июле 1919 г. был призыв вернувшихся из плена 1890, 1891, 1892 годов рождения, вернувшихся из плена [96, л. 12]. А в конце войны, вначале 1921 г. стали призывать людей старших возрастов, которые служили от 3-х месяцев до полугода, причем не все из них до этого служили в армии. Как пример, Петриковская волость [97, л. 1–124]. Зачем так было сделано, я не могу объяснить.

Очень нуждалась Красная армия в военных специалистах, то есть в бывших офицерах. Сразу после большевистского переворота новые хозяева России осознали, что без привлечения на свою сторону

квалифицированных командных кадров из офицеров им новой армии не создать, равно как и не обеспечить защиту своего режима от многочисленных врагов. Между тем вопрос привлечения офицерства на сторону красных был непростым, так как большевики и их союзники, левые эсеры, взяли власть на волне разложения старой армии, солдатской вседозволенности, невиданного унижения и массовых убийств офицеров [98].

1 октября 1918 г. вышел «Декрет о призыве в Красную Армию офицеров и воен, чиновников императорской армии, признавших Власть Советов»:

«Призвать на действительную военную службу во всех местностях Республики: бывших офицеров и военных чиновников. От явки по призыву никто не освобождается. Нарком Троцкий».

Документ содержал оговорку: в случае перехода указанных лиц на сторону белых их семьи будут подвергаться заключению в концлагерь или расстрелу.

Через год после принятия указанного декрета, то есть по состоянию на 1 октября 1919 г., в Красной армии служили 35,5 тысяч офицеров и генералов, а также около 4 тысяч военных чиновников, что называется, «из бывших» [98].

У нас их розыскивали, составляли списки и призывали, желания не спрашивая (по одной только Вараксинской волости Царевококшайского уезда существует несколько списков [99]. Но даже в условиях репрессий три десятка офицеров у нас на сговор с совестью не пошли и данную когда-то присягу не нарушили. Позже, по окончании Гражданской войны, для всех они стали белогвардейцами (даже если ими не были) и изгоями общества, которых лишали избирательных прав, не брали на работу, не давали спокойно жить [100, л. 89–109, 95–96, 120]. Все они сгинули в лихую годину репрессий 30-х годов. Но это уже другая история...

Те офицеры, что пошли служить советской власти, в основном являлись офицерами военного времени – прапорщики, подпоручики, бывшие ранее учителями, приказчиками, грамотными крестьянами. Да и то, пошли они по мобилизации, от которой было уклониться сложно. Но офицерское прошлое все равно им не прощалось и это подтверждает история офицера, уроженца Ирмучашской волости Уржумского уезда Аркадия Вихарева, который скрывал свое офицерское прошлое. «В августе месяце 1918 г. был мобилизован отрядом белых (Степановское восстание). У белых прослужил до 24 мая 1919 г. Во время боя перебежал на сторону красных в крестьянский полк, номер которого не помнит, откуда, как военнопленный был выслан на принудительные работы на ст. Бирюлево Казанско-Уральской железной дороги. В ноябре месяце 1919 г. добровольно вступив в ряды Красной Армии в 5-й Московский полк в образцовую роту как рядовой, в январе месяце заболел тифом и после перенесенного тифа был уволен домой для поправления здоровья. После окончания отпуска явился в Уржумский уездный Военкомат

и 12 мая 1920 г. на основании приказа Реввоенсовета за № 529 как рядовой и школьный работник был освобожден от поступления в ряды Красной армии и препровожден в уездный отдел Народного образования при отношении от 12 мая 1920 г., где и служил школьным работником до ноября месяца 1921 г.» [101, л. 36 об.]. Но правда открылась, когда он сам явился с повинной в Сернурский кантонный военкомат в ноябре 1921 г. и Ревтрибунал приговорил к 1 году и 6 месяцам тюремного заключения. В честь 4-й годовщины Октябрьской революции амнистирован: срок наказания уменьшен вдвое [101, л. 36 об.].

Известные же офицеры добровольцы – М.М. Товашов, А.Г. Захаров, В.А. Мухин, Н.А. Алексеев, А.М. Ивайков, и др. – были марийцами по национальности, и в целом, их было немного. С другой стороны, например, башкирские мари – П. Исанбаев, Г.Н. Гаряев стали офицерами Колчаковской армии [3, л. 20].

Говоря об армии, нельзя не сказать и про Марийские роты. С началом Гражданской войны в Поволжье и Приуралье наряду с регулярными общевойсковыми частями стали создаваться красноармейские национальные формирования. Еще зимой 1918 г. было принято решение организовать интернациональный полк из представителей национальных меньшинств Казанской губернии. Предполагалось, что в состав 2-го Казанского советского полка, который стал называться Интернациональным имени Ф. Энгельса, должны были войти роты татар, чувашей, марийцев и удмуртов, укомплектованные в уездных центрах. Формирование «марийского воинского подразделения» поручили М. Товашову, который 13 марта 1918 г. выступил на страницах газеты «Ўжара» с письмом-воззванием добровольно вступить в ряды красных солдат Интернационального полка.

В начале июня 1918 г. в связи с чехословацким мятежом и возникновением угрозы взятия Казани формирование марийского подразделения ускорилось. Командиром будущей марийской роты губвоенкомат назначил бывшего офицера, марийца А.Г. Захарова, участника Первой мировой войны. Политработа среди солдат роты была доверена М. Товашову.

11 июня, получив в губвоенкомате документы, командир и комиссар выехали в Царевококшайск – пункт формирования марийской роты. В течение месяца, с руководством уездного военкомата им удалось организовать роту. 29 июля по приказу Казанского губернского военкомата через пристань Кокшайск она была отправлена в Казань и 5 августа 1918 г. приняла участие в боях за Казань в составе 2-го Казанского советского полка, значительная часть бойцов погибла или попала в плен. Был взят в плен и командир роты А.Г. Захаров. Потеряв большинство бойцов, Марийская рота перестала существовать как отдельное формирование. После захвата 6 августа 1918 г. чехословаками

Казани бойцы Марийской роты влились в состав 52-й дивизии Красной Армии [102, с. 88–97].

После этого М. Товашов пытался собрать Марийскую роту № 2, но с этой затеей ничего не вышло. Удалось собрать примерно половину необходимого состава роты и от этой идеи отказались.

Огромной проблемой большевиков стал не только призыв в свою армию, но и проблема дезертиров – солдат, бегущих из нее (Очень напоминает современную Украину!). Много архивных фондов, множество списков, содержащих информацию о дезертирах. К примеру, [103, л. 1–26]. Оказывается дезертировали даже коммунисты, так поступил Николай Устинович Мясников из Царевококшайского уезда, сбежавший из 6-й Стрелковой дивизии [104, л. 195]. Каких только историй не описано. Приведу две из них.

21.11.1921 г. состоялась выездная сессия Краснококшайского трибунала, на скамье подсудимых Александр Дубровин и его жена Варвара Николаева. Оба малограмотные. Он – злостный дезертир.

«Призван в Красную Армию в сентябре 1918 г. В 1919 г. был зачислен в 65-й запасной батальон г. Казани, из которого в августе 1920 г. дезертировал, скрывался по деревням и в лесу, во время облавы на дезертиров 8 ноября 1920 г. был выстрелом ранен в левую руку и положен в Моркинскую больницу. По ампутации левой руки и полувлечения был направлен Вятского губревтрибунала, с дороги бежал и снова скрывался в лесу. В это время к нему присоединилась его жена, которая для пропитания собирала по деревням милостыню. В марте 1921 г. он был опять задержан и снова бежал из под ареста в деревне Большое Шигаково. В июле месяце 1921 г. они с женой были снова задержаны и до сего времени находились под стражей в Краснококшайске в Ардоме.

Амнистированы оба по случаю 4-й годовщины Октябрьской революции» [105, л. 35–35 об.].

В другом документе Ронгинский волостной военкомат сообщает о поимке ночь на 30-е июля 1919 г. дезертира происходящего из «дер. Ошманэнер Григория Федорова, самовольно покинувшего часть войск /2-й Приволжский полк, 8 рота, в Казани/. Означенный дезертир находился в бегах по сведения Волвоенкомата около 3-х недель и был пойман произведенной облавой, у него на дому, в ночное время. При этом Григорий Федоров пытался убежать: когда участники облавы – 5 чел. служащих Ронгинского Волисполкома и Волвоенкомата зашли к нему в помещение, то Федоров спустился в подполье, а когда полезли туда за ним, то он в бокову дверку побежал, но нарвался на заставу. По задержании же не сопротивлялся» [106, л. 22–21].

На другой день, он «был направлен в числе 5 человек под охраной милиционера в Комдезер. На дороге между деревнями Чкарино и Токпай - Энер означенный Федоров бежал. Сопровождающий милиционер Вохминцев не имел возможности преследовать убегающего, т.к. у него под

охраной еще оставалась партия арестованных в 5 человек, тем не менее тов. Вохминцев дал знать обратно в Волостной комиссариат о побеге, а посему Волвоенком, в составе 3-х членов Ронгинского Волисполкома не медля ни минуты произвели снова облаву в доме Федорова, где он и был вновь арестован – Между прочим Федоров – бывший Председатель Сельского Совета. Особого сопротивления не оказывал, но делал попытку удрать» [106, л. 24–24 об.].

Для борьбы с дезертирством использовались разные меры, как предупредительно – профилактические, так и карательные. [107].

Вот выписка из приказа № 157 по войсковым частям и учреждениям Краснококшайского уездного Комиссариата по военным делам 4 июня 1919 г. Краснококшайск:

«п.2. Немедленно с получением сего сделать митинг в каждой деревне и селе волости что если дезертир, не явившийся в указанный срок будет считаться, как укrywшийся и потому на него будет налагаться чрезвычайный налог, отобрание земли, живой и мертвый инвентарь и все они будут передаваться другим лицам, а также за укrywательство дезертира в деревне будут арестовываться Председатели волостных и сельских Советов и предаваться Суду по всей строгости закона.

п.3. На сельском собрании граждане обязаны вынести постановление, что впредь они обязуются бороться с дезертирством, не останавливаясь ни перед кем и в своем селе не иметь ни одного дезертира» [108, л. 28].

Когда уговоры не помогали, в ход шло оружие. Вот текст телеграммы, направленной из Казани в Краснококшайск в уездный военкомат от 18 Октября 1919 г. за № 48241:

«Сообщаю для широкого оповещения что отрядами Губдезиртира все дезертиры обнаруженные в лесах скрывающимися будут расстреливаться на месте Точка» [109, л. 21].

Но население все равно как могло поддерживало своих дезертиров, крестьяне Токтай-Беляжской, Новоторьяльской, Ирмучашской, Сернурской волостей Уржумского уезда помогали прятаться в местных лесах [110, л. 39 об., 40, 104, 121, 149]. За укrywательство виновные подлежали штрафу. В фонде [111, л. 38 об., 40, 104, 121, 149] имеется список граждан укрывающих в 1920 г., дезертиров д. Толмань Вятчино Новоторьяльской волости Уржумского уезда. «Тарифы» разные – от 200 рублей до 3 тысяч, а также предусматривались «общие работы» (видимо, для неимущих). Интересно знать, от чего зависели расценки? Возможно, от срока укrywательства от службы в РККА. Судьба самих дезертиров неясна. Было и такое наказание в РККА – децимация (расстрел не только дезертира, но и еще 10 человек из строя).

Наглядно видно, как «любил» народ советскую власть. Это лишь одна страница из многих списков, приложенных в деле...[112].

В отличие от Красной армии об армии Белой мы знаем немного. Кроме группы офицеров, проживавшей в первые годы существования МАО на ее территории и нескольких солдат, постоянно подвергавшихся гонениям, имеются отдельные факты об уроженцах нашего края, живших на просторах России. В архиве республики удалось найти список офицеров русской армии, вчерашних крестьян, ушедших из Конганурской волости к Колчаку. В списке 9 человек, прапорщики и подпоручики из деревень Конганур, Нурумбал, Тимофеево, Колянур, Старой Оришуты, Захарят и села Старый Торъял [113]. Поскольку поймать их не удалось, дальнейшая судьба неизвестна. Как неизвестна и судьба полка Красной армии, сформированного преимущественно из марийцев, почти в полном составе, который перешел на сторону Колчака на Восточном фронте. Мотивом измены стало недовольство полковыми комиссарами, которых перебежчики и сдали в плен. Думается что наших земляков, которых где-то за кого-то было много, потому после окончания Первой Мировой войны не все солдаты вернулись домой, они остались в Бессарабии, Белоруссии, Прибалтике и на Украине, в общем где их застало окончание боевых действий. И на чью сторону они потом встали, мы сегодня не знаем.

Представителей «буржуазно-кулацкого класса», как правило, в Красную армию не брали, разве только по недосмотру. Но для них было предусмотрено другое – мобилизация в трудовую армию на тяжелые физические работы, где людей не жалели от слова совсем, плохо кормили и за несколько месяцев выжимали из них все соки [114, л. 28].

С результатом такой работы я познакомился в республиканском архиве, когда обнаружил документы о натуральном концлагере в горномарийской деревне Мумариха, где три десятка доходяг остались умирать на берегу замерзающей Волги.

Поздней осенью 1919 г. к берегу причалила баржа с изможденными людьми, хорошо потрудившимися на благо революции. Работать больше они не могли и охрана не знала что с ними делать дальше. Интересно, что среди заключенных не было явных врагов советской власти, всего двое записаны как белогвардейцы (без подробностей). Остальные – рабочие, крестьяне, мелкие чиновники из разных уголков России. Толку от них уже нет, а охранять приходится. По инструкции. И решила охрана испросить у московского руководства, нельзя ли людей амнистировать в честь 2-й годовщины Великого Октября и отпустить. Ответ из Москвы поражает: амнистировать и отпустить доходяг нельзя, ибо неизвестно, за что они задержаны!!!

Какой же можно сделать вывод из всего сказанного выше: гражданская война – величайшее зло, которое можно только придумать и мы, граждане России, должны сделать всё, чтобы это никогда больше не повторилось!

Источники и литература:

1. Государственный архив Республики Марий Эл (Далее – ГА РМЭ). Ф. 243. Оп. 1. Д. 3. Л. 90.
2. <https://pereklichka.livejournal.com/549.html> LIVEJOURNAL
3. Пашуков В.Ф. Участники Великой революции. Сборник воспоминаний участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны 1918–1920 гг. // За власть Советов. Йошкар-Ола, 1978. С. 15, 20.
4. Полубарьева Л.П. Воспоминания о старом г. Царевококшайске и людях того времени (1918–1929 гг. Фонды музея истории города Йошкар-Олы).
5. ГА РМЭ. Ф. Р-275. Оп. 1. Д. 35. Л. 406.
6. ГА РМЭ. Ф. Р-250. Оп. 4. Д. 1. Л. 105–105 об.
7. ГА РМЭ. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 58. Л. 98–99.
8. ГА РМЭ. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 161. Л. 128. Л. 131.
9. ГА РМЭ. Ф. П-20. Оп. 1. Д. 103. Л. 5.
10. ГА РМЭ. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 18. Л. 11–11 об.
11. ГА РМЭ. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 28. Л. 8–10, 13–15, 49, 132, Д. 9. Л. 23–25.
12. https://vk.com/wall-114360762_1780?ysclid=mf69a37oxl358950975
13. <https://marihistory.ru/2011-01-01-19-55-37-115/-1904-1905/22734-barinov-vasilij-anisimovich>
14. Крюкова Н.А. «Догорающий Сад». Йошкар-Ола: Татьянин день, 2018. С. 283, 287.
15. Ерошкин Ю.В. «Василий Баринов» // «История марийского края в лицах 1917–1940 гг.». Йошкар-Ола, 2017. Т. 2. С. 50.
16. <https://marihistory.ru/2011-01-01-19-55-37-115/2011-01-01-20-19-33/31096-alekseev-sidor-alekseevich>
17. Тимкин Ю.Н. Революционный переворот в Яранском уезде Вятской губернии осенью 1917 – весной 1918 гг. и начало складывания местной большевистской организации <https://www.permgaspi.ru/deyatelnost/november-readings/noyabrskie-istoriko-arhivnye-chteniya-v-permskom-partarhive-v-2017-godu/materialy-nauchnoj-konferentsii-noyabrskie-istoriko-arhivnye-chteniya-2017-g/revolyutsionnyj-perovorot-v-yaranskom-uezde-vyatskoj-gubernii-osenyu-1917-vesnoj-1918-gg-i-nachalo-skladyvaniya-mestnoj-bolshevistskoj-organizatsii.html?ysclid=mej04v5ghc457568181>
18. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (далее – ГАСПИКО). Ф-45. Оп. 1. Д. 125. Л. 74.
19. Уржумская центральная библиотека В. Карпова. Уржум, 1917 г. <http://urzhumlib.ru/kraevedenie/trudy-kraevedov/vladimir-borisovich-karpov/v-karpov-urzhum-1917-god/?ysclid=mf8nbj2yz910975574>
20. Иконников А.И. История сельских Советов Уржумского района. Часть III. Уржум, 2018.
21. <https://synthesizer.livejournal.com/1869923.html?ysclid=mf8ovfcd7j803669429>
22. ГА РМЭ. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 28. Л. 5.
23. ГА РМЭ. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 65. Л. 504–506, Л. 536–537.
24. Сергеев М.Т., Степанов А.Ф. Когда оживает прошлое // Историко-революционные памятники Марийской АССР. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1980. С. 22–24.
25. ГА РМЭ. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 18. Л. 16.
26. ГА РМЭ. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 7. Л. 6–6 об., Л. 40–41.
27. ГА РМЭ. Ф. Р-35. Оп. 5. Д. 7. Л. 28–36.
28. ГА РМЭ. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 65. Л. 37 об.
29. Курочкин Б. Так было... // «Уржумская старина». Уржум, 1991. №3. С. 42–43.

30. <https://nabludatel.online/2015/05/25/v-urzhumskom-uezde/?ysclid=meiykru838492894069>
31. Дмитрий Козак. Комбинаторы из Яранской «чрезвычайки» <https://nabludatel.online/2015/09/10/iz-yaranskoj-chrezvychajki/?ysclid=mf9ue18en1215394178>
32. ГА РМЭ. Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 9. Л. 118.
33. https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital1696980/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3D3АХАРОВ%26first_name%3DНиколай%26middle_name%3DМихайлович%26groups%3Dawd%3Aptr%3Afr%3Acmd%3Aprs%26types%3Dawd_nagrady%3Aawd_kart%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_spiski_zahorone%3Apotery_voennoplen%3Afr%3Acmd_commander%3Aprs_person%26page%3D1%26birth_place_gubernia%3DКазанская
34. ГА РМЭ. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 18. Л. 32.
35. ГА РМЭ. Ф. Р-388. Оп. 1. Д. 9. Л. 5, 17.
36. ГА РМЭ. Ф. Р-263. Оп. 1. Д. 16 Л. 4–5.
37. Ашин А.А. Воспитательная колония: история и современность. Владимир, 2008. С. 73. ГА РМЭ. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 2. Л. 6, 11; Д. 46. Л. 44.
38. ГА РМЭ. Ф. Р-275. Оп. 1. Д. 48 А, Л. 142.
39. ГА РМЭ. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 7. Л. 9–10 об.
40. ГА РМЭ. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 4. Л. 50.
41. ГА РМЭ. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 7. Л. 16.
42. ГА РМЭ. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 46. Л. 45 об.
43. ГА РМЭ. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 65. Л. 555.
44. Калужских С. «Уржумский полк на защите завоеваний Октября» https://sudba.ucoz.net/publ/soldaty-revoljucii/urzhumskij_polk_na_zashhite_zavoevanij_oktjabrja/45-1-0-2323?ysclid=mf9sty3gkj390900664
45. Уржумская центральная библиотека. «К 50-летию Советской власти» <http://urzhumlib.ru/2019/02/18/k-50-letiyu-sovetskoj-vlasti/?ysclid=mf9tfan3lm557191188>
46. ГА РМЭ. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.
47. «Советские Вооруженные Силы. Вопросы и ответы. Страницы истории». Бобылев П.Н., Бокарев В.П., Липицкий С.В., Мониин М.Е. М.: Политиздат, 1987. С. 34.
48. ГА РМЭ. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 19. Л. 16–16 об.
49. ГА РМЭ. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 8. Л. 55 об.
50. ГА РМЭ. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.
51. http://marihistory.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=382:chon&catid=70:2011-01-01-19-43-12&Itemid=193
52. ГА РМЭ. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 8. Л. 3 об., 6, 55 об., 67.
53. ГА РМЭ. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 2. Л. 27.
54. Милица В.Г. 85 лет марийской милиции (страницы истории МВД Республики Марий Эл) // Марийский юридический вестник. 2005. № 4. С.14.
55. <https://marihistory.ru/publikacii/2011-03-24-20-11-47/8901-marijskij-kraj-v-gody-grazhdanskoj-vojny-sbornik-dokumentov>
56. ГА РМЭ. Ф. Р-275, Оп. 1. Д. 48а. Л. 139–139 об.
57. <https://marihistory.ru/2011-01-01-20-09-57/7670-raskatov-nikolaj-nikolaevich.html?ysclid=mevlskdpj7414614219>
58. ГА РМЭ. Ф. Р-263. Оп. 1. Д. 9. Л. 20–21, 37–40.
59. <https://zarev-grad.livejournal.com/26823.html?ysclid=mf5qb1aeet927931145>
В статье использованы материалы из книги «История марийской милиции». Йошкар-Ола, 2010.
60. ГА РМЭ. Ф. Р-388. Оп. 1. Д. 14. Л. 73.
61. https://vk.com/wall493180921_2304?ysclid=mdjvs8c3ty477418862

62. Федяева Т.П. Крестьянское движение в Марийском крае в 1917–1921 годах: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Йошкар-Ола, 2022. С. 67–68, 77–78.
 63. Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 265, 416.
 64. Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: Русское книгоиздательское товарищество – История, 1997. С. 72.
 65. Государственный архив Республики Татарстан (далее – ГА РТ). Ф. Р-151. Оп. 1. Д. 2. Л. 25.
 66. ГА РМЭ. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 41. Л. 31 об., 35–35 об., 37.
 67. Декреты Советской власти. Т. III. 11 июля–9 ноября 1918 г. М., 1964. С. 465–468.
 68. ГА РМЭ. Ф. Р-664. Оп. 1. Д. 8. Л. 5, 6 об.
 69. ГА РМЭ. Ф. Р-275. Оп. 1. Д. 125. Л. 27.
 70. Из воспоминаний Дм. Орая «Первые шаги Советской власти в Кузнецовской волости». С. 116–124. В кн.: За власть Советов // Сборник воспоминаний участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны 1918–1920 гг. Под ред. д.и.н., проф. Пашукова В.Ф. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1978. С. 122.
 71. ГА РМЭ. Ф. П-95. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.
 72. ГА РМЭ. Ф. Р-664. Оп. 1. Д. 8. Л. 7 об.–10, 36–36 об., 41–44.
 73. ГА РМЭ. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 7. Л. 52–53.
 74. ГА РТ. Ф. Р-98. Оп. 2. Д. 2. Л. 50.
 75. ГА РМЭ. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 8. Л. 383–383 об.
 76. ГА РМЭ. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 7. Л. 41–41 об.
 77. ГА РМЭ. Ф. Р-263. Оп. 1. Д. 9. Л. 20–21 об.
 78. ГА РМЭ. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 7. Л. 47–49 об., 54.
 79. ГА РМЭ. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 161. Л. 171.
 80. ГА РМЭ. Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 85. Л. 47.
 81. [по данным Станислава Смирнова, нижегородского историка].
 82. <https://zarev-grad.livejournal.com/26823.html?ysclid=mf5qb1aeet927931145>
- В статье использованы материалы из книги «История марийской милиции». Йошкар-Ола, 2010.
83. ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 35. Л. 30, 35–36.
 84. Ерошкин Ю.В. Восстание 1918 года в Княжне: мифы и реальность (к постановке проблемы) // Великая Российская революция и Марийский край. Материалы региональной научно-практической конференции. Йошкар-Ола, 2017. С. 61.
 85. Из истории Уржумской ЧК: «...Расстреляно было, если память не изменяет, не менее 100 человек» [latvjustrelnieki.lv/ru/statji/...](http://latvjustrelnieki.lv/ru/statji/)
 86. <https://regnum.ru/article/3147193?ysclid=mex3sbih2c637003556>
 87. ГА РМЭ. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 6. Л. 33 об.
 88. Российский Государственный архив новейшей истории https://ргани.пф/?page_id=7492&ysclid=mexz4jhj8v489419977
 89. «От тайги до британских морей...»: почему Красная Армия победила в Гражданской войне // Саул Кляцкин: Родина; Москва https://militera.org/books/pdf/research/klyatskin_sm01.pdf?ysclid=mf950aeepu933994838
 90. ГА РМЭ. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 148. Л. 432.
 91. ГА РМЭ. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 65. Л. 19–20, 30.
 92. <https://marihistory.ru/2011-01-01-19-55-37-115/1-/6175-kazarinov-aleksandr-vasilevich.html?ysclid=mf7r7zuj1n768209562>
 93. https://dzen.ru/a/YZ_PGAApTRO3orwP?ysclid=mexzh5ynl7266591852
 94. ГА РМЭ. Ф. Р-326. Оп. 1. Д. 59. Л. 23.
 95. Из воспоминаний Захарова А.Г. «Марийская рота». С. 186–193. В кн.: За власть Советов // Сборник воспоминаний участников Великой Октябрьской

социалистической революции и гражданской войны 1918–1920 гг. Под ред. д.и.н., проф. Пашукова В.Ф. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1978. С. 188.

96. ГА РМЭ. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 6. Л. 12.

97. ГА РМЭ. Ф. Р-1192. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–124.

98. Белое на красном. Коммерсантъ (kommersant.ru). Фрагм. книги А. Ганина.

99. ГА РМЭ. Ф. Р-4. Оп. 1.

100. ГА РМЭ. Ф. Р-250. Оп. 6. Д. 5. Л. 89–109, 95–96, 120.

101. ГА РМЭ. Ф. Р-263. Оп. 1. Д. 9. Л. 36 об.

102. Кириллов Г.И. Формирование марийской роты (лето 1918 года) /Г.И. Кириллов // Марийский археографический вестник, 2000. № 10. С. 88–97.

103. ГА РМЭ. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 247. Л. 1–26.

104. ГА РМЭ. Ф. П.-3. Оп. 1. Д. 49. Л. 195.

105. ГА РМЭ. Ф. Р-263. Оп. 1. Д. 9. Л. 35–35 об.

106. ГА РМЭ. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 7 А. Л. 21–22, 24–24 об.

107. РГАНИ: https://prgani.pf/?page_id=7492&ysclid=mexz4jhj8v489419977

108. ГА РМЭ. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 18. Л. 28.

109. ГА РМЭ. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 7 А. Л. 21.

110. ЦГАКО. Р-876. Оп. 2 Д. 29 Л. 39 об., 40, 104, 121, 149.

111. ГА РМЭ. Ф. П-356. Оп. 1. Д. 5. Л. 38.

112. Вятка: Наследие... https://vk.com/wall-77057653_13082?ysclid=mebrw4j36x811312429

113. <https://www.marihistory.ru/publikacii/2011-03-24-20-11-47/8901-marijskij-kraj-v-gody-grazhdanskoj-vojny-sbornik-dokumentov>

114. ГА РМЭ. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 17. Л. 28.

Историософские заметки о Гражданской войне в Советской России (1918–1920)

*А.В. Маслихин, доктор философских наук,
профессор, секретарь Марийского
республиканского отделения КПРФ*

Гражданскую войну в Советской России невозможно подвергнуть осмыслению и тем более, извлечь из нее уроки, без обращения к феномену войны как таковой. Историософия изучает войны, в том числе и гражданские, раскрывая с разных сторон их закономерности, в связи с другими явлениями общественной жизни – с политикой классов и государств, исторической эпохой. Кроме того, нынешние либералы из всех сил пытаются внушить нашим соотечественникам, будто не было в той войне ни правых, ни виноватых. В любой войне, и прежде всего гражданской, страдает все общество, от детей до престарелых и кроме того, идет противостояние соотечественников, даже родных и близких. При раскрытии данной темы на весах исторической правды находятся миллионы трудящихся, которые строили новый мир без царя, капиталистов и фабрикантов, следовательно, без эксплуатации и угнетения народов, проживающих на национальных окраинах и с другой стороны, им противостояли остатки помещиков и капиталистов, накопившие несметные богатства на многовековом угнетении, даже крепостной зависимости миллионов своих сограждан, в одночасье потерявшие свои привилегии, собственность и доходы. Свергнутые классы путем войны решили вернуть свои богатства и власть. Историософское осмысление этой борьбы и составляет предмет данной статьи.

Сущностной чертой любой войны является насилие. В данном аспекте войны выступают как вооруженные насильственные действия в самой жестокой и разрушительной форме. Социальное насилие как особое общественное явление складывается вполне закономерно, – когда общество раскалывается на антагонистические классы, и когда возникает государство. Насилие является непременной функцией антагонистического государства, в его отношениях со своим народом и другими государствами, выступает прежде всего как военная функция – функция подготовки и ведения войны.

Социальное насилие проявляет себя в разных формах: экономической, политической и духовной (идеологической). Экономическое насилие имеет место тогда, когда экономическая мощь используется для принуждения определенных классов к действиям, вопреки их интересам. Но оно не всегда бывает достаточным, тогда к несогласным людям применяют средства внеэкономического принуждения. К таким средствам относятся средства государственного принуждения, т. е. политического насилия. Общее понятие насилия обычно используется именно в смысле политического насилия,

концентрирующего в себе и экономическое насилие, и насилие духовное (идеологическое). Политическое насилие есть главная и решающая форма насилия. Самым мощным видом политического насилия выступает организованное насилие с применением оружия (армия), как крайняя форма политического воздействия.

Из истории войн, в том числе и гражданских, можно извлечь ряд уроков:

« – все крупные социально-политические противоречия в классовом обществе разрешаются насилием. Война как политическое насилие, осуществляемое с помощью армии и оружия, становится главной формой социального насилия, постоянным атрибутом классово-антагонистического общества;

– без насилия по отношению к насильникам, имеющим в руках оружие и органы власти, нельзя избавить народ от насильников;

– в справедливом обществе не может быть места насилию над человеком и народами» [1, с. 390].

Сущность войны проявляется не только через насилие. Она имеет другую сущностную черту. Существует внутренняя закономерная связь между войной и политикой, – она улавливалась многими мыслителями прошлого. Очень глубокие мысли о политической сущности войны высказал военный теоретик К. Клаузевиц. Главным его утверждением является: «война есть не что иное, как продолжение политических отношений при вмешательстве иных средств» [2, с. 374]. Поэтому ключ к пониманию политического содержания войны следует искать во внутренней политике, в политических отношениях между классами (внутри общества) и политических отношениях между государствами (во вне).

Существует две стороны в осмыслении связи войны и политики. Первая – требует знаний о войне, раскрытия ее сущности как продолжение политики. Вторая – считает важным раскрытие политики, которая может привести к войне. Подобно тому, как сущность войны заключена не в вооруженной борьбе самой по себе, а в политике, которую война продолжает, так и сущность политики коренится в причинной связи с ее коренными, экономическими интересами определенных классов.

Особый тип войны связан с отношениями между классами внутри государств. Эти отношения могут порождать гражданские войны, возникающие между господствующими и угнетенными классами, богатыми и бедными, в периоды революционных переворотов или резкого обострения социальных противоречий. «Гражданская война характеризуется исключительным ожесточением и напряжением. В нее вовлекаются, как правило, не только армии, но и огромные слои населения» [3, с. 81]. Гражданские войны часто сопровождаются интервенциями, организуемыми реакционными классами других государств в поддержку реакционных классов страны, где идет

гражданская война. Так было в дни Парижской Коммуны, когда на помощь версальцам пришли прусские войска; в Испании (1936–1939 гг.); в Советской России (1918–1920 гг.). История изобилует подобными примерами.

Историософский подход к изучению истории гражданской войны в Советской России означает выделение наиболее ярких закономерностей, которые способствовали победе Советской власти над белогвардейцами и армиями интервентов 14 империалистических государств. Источниковедческой основой для написания статьи явились труды В.И. Ленина, И.В. Сталина, руководителей страны в первые годы советской власти. Большую роль для историософских обобщений сыграли фундаментальные труды по истории гражданской войны, изданные в СССР; философские работы по историческому материализму и научному коммунизму, посвященные проблемам войны и мира.

Первой формой вооруженных сил Советского государства была Красная гвардия, созданная накануне Октябрьской революции. В первые месяцы своего существования вооруженные отряды рабочих, солдат и матросов обеспечивали защиту молодой советской республики. Но по мере нарастания сопротивления контрреволюции, этих сил стало недостаточно. Поэтому 15 (28) января 1918 г. был принят декрет об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Первым Главнокомандующим вооруженных сил Советской России был И.И. Вацетис. Председателем высшего военного органа страны – Совета обороны был В.И. Ленин. До июля 1918 г. РККА комплектовалась на добровольных началах. Численность Красной Армии к лету 1918 г. составляла 450 тыс. добровольцев. Но этими силами невозможно было разгромить армии белогвардейцев и интервентов. Переход к обязательной военной службе путем мобилизации призывных возрастов позволил увеличить численность вооруженных сил. «Весной 1919 г. численность Красной Армии достигла 1500 тыс. человек, а к осени 1920 г. – 5500 тыс.» [4, с. 243]. Гражданская война в России продолжалась три года. В военные действия были вовлечены миллионы людей на огромных пространствах бывшей царской империи.

В годы гражданской войны из числа трудового народа выросли такие военачальники, как В.М. Азин, В.К. Блюхер, С.М. Буденный, К.К. Ворошилов, О.И. Городовиков, П.Е. Дыбенко, Г.И. Котовский, С.Г. Лазо, А.Я. Пархоменко, В.И. Чапаев, Н.А. Щорс и многие другие.

На фронтах гражданской войны большую роль играли комиссары, в том числе видные деятели Коммунистической партии. В их числе: А.С. Бубнов, А.А. Жданов, Р.С. Землячка, М.И. Калинин, С.М. Киров, В.В. Куйбышев, А.И. Микоян, Г.К. Орджоникидзе, Н.И. Подвойский, Я.М. Свердлов, И.В. Сталин, Н.М. Шверник, Е.М. Ярославский и другие.

В рядах Красной Армии преданно служили делу социализма тысячи генералов и офицеров старой армии. На фронтах гражданской войны

сражались М.Д. Бонч-Бруевич, И.И. Вацетис, А.И. Егоров, А.А. Игнатъев, С.С. Каменев, Д.М. Карбышев, М.Н. Тухачевский, Б.М. Шапошников и многие другие.

Вооружение РККА качественно ничем не отличалось от вооружения войск царской армии периода первой мировой войны. Войска пополнялись оружием и снаряжением за счет запасов старой армии, организации производства в тылу, использования трофеев.

Основными видами боевых действий РККА в годы гражданской войны были наступление, контрнаступление, оборона, отступление, партизанские действия.

Победы Красной Армии были результатами как героизма солдат и командиров, организации помощи фронту в тылу, так и руководства Коммунистической партии большевиков. Каждая победа означала провал попыток сил контрреволюции и мирового империализма свергнуть советскую власть и вернуть к власти помещиков и капиталистов.

Социальной основой участников гражданской войны на стороне советской власти были трудящиеся, в первую очередь рабочий класс и беднейшее крестьянство. Они сумели отстоять завоевания Великой Октябрьской социалистической революции и спасли свою Родину от угрозы потери независимости и колониального порабощения.

Гражданская война происходила в условиях страшного голода, всеобщей разрухи. С другой стороны, возможностей со стороны врагов Советской власти были неизмеримо больше: у них был хлеб, уголь, железо, пути сообщения, на их стороне находился весь капиталистический мир со всеми своими материальными ресурсами.

Со стороны народных масс гражданская война была войной справедливой, стала продолжением политики ликвидации власти буржуазии и помещиков. Трудящиеся вели борьбу за создание социалистического общества, против эксплуатации человека человеком. «Диктатура слово большое, жесткое, кровавое, слово, выражающее беспощадную борьбу не на жизнь, а на смерть двух классов, двух миров, двух всемирно-исторических эпох» [5, с. 132].

Однако гражданская война не являлась неизбежным следствием Октябрьской революции. В первые же дни социалистической революции против нее выступили контрреволюционные элементы – свергнутые эксплуататорские классы, ряд ведущих империалистических государств. На путь контрреволюционных действий встали буржуазные, мелкобуржуазные, монархические партии (эсеры, меньшевики, анархисты, кадеты, монархисты и пр.), а также буржуазные националисты. Как говорил В.И. Ленин, капиталисты «бросились за помощью к другим капиталистам» [6, с. 303]. В ходе триумфального шествия советской власти трудящиеся сумели в короткие сроки подавить внутреннюю контрреволюцию. Заключение кабального Брестского договора с Германией также позволило вести подготовку мирного строительства

социализма. Социалистические преобразования в стране были связаны с организацией управления, национализацией предприятий, банковских учреждений. «Советское государство вынуждено было ускорить национализацию банков, ибо русская и иностранная буржуазия начала широко использовать банки для финансирования внутренней контрреволюции. Из Петрограда, Москвы и других городов банкиры переводили деньги на окраины страны, где создавались наиболее сильные очаги контрреволюции, а также в иностранные банки. Банковские дельцы подвергали финансовой блокаде те предприятия, на которых был установлен рабочий контроль, саботировали все важные мероприятия Советского государства. Они спешили изъять из банков денежные вклады и другие ценности, чтобы передать десятки миллионов рублей контрреволюционным генералам» [7, с. 78].

Летом 1918 года мирный этап преобразований был сорван, контрреволюция начала против Советской России гражданскую войну. Советское государство столкнулось с единым блоком внешней и внутренней контрреволюции. Инициаторами создания этого блока являлись империалисты США, Англии, Франции, Японии. Когда основные капиталистические державы, обладавшие хорошо оснащенными армиями, колоссальными средствами и передовой техникой, без объявления войны напали на Советскую страну, вооруженное противостояние приобрело затяжной и ожесточенный характер. «Только тогда в международном масштабе сопротивление капиталистов достигло той силы, которую оно имело. Только тогда в России развернулась гражданская война, и все победившие страны (в первой мировой войне – А.М.) целиком пошли на то, чтобы помочь в этой гражданской войне русским капиталистам и помещикам» [6, с. 303].

Вооруженная иностранная интервенция явилась актом величайшего насилия над революционными трудящимися России, проявлением массового контрреволюционного террора. Всемирный империализм, «вызвал у нас, в сущности говоря, гражданскую войну и виновен в ее затягивании...» [8, с. 343].

В ходе войны международный империализм предпринял попытку сломить советскую власть силами своих армий. «Именно те страны, которые больше всего считались и считаются демократическими, цивилизованными и культурными, именно они вели войну против России самыми зверскими средствами, без малейшей тени законности» [8, с. 345]. Но действия захватчиков оказались неэффективными в ходе войны против трудящихся. В результате вторжения войск Антанты на юге и севере Советской России, а также германских оккупантов на Украине произошло проникновение социалистических идей в солдатскую массу интервентов, что в немалой степени способствовало росту революционных идей в Германии и грозило быстрым перенесением идей пролетарской революции в страны Антанты. Солдаты войск интервентов заражались

идеями социалистической революции и превращались в сторонников создания нового общества, «поднимающих английских и французских рабочих против своих правительств» [8, с. 348]. Антанта вынуждена была отозвать своих солдат из России.

Против советской власти, с подачи стран Антанты, выступили буржуазные государства, которые возникли на окраинах бывшей Российской империи, – Польша, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва. Кроме того, в этих государствах буржуазно-националистические правительства вели борьбу против трудящихся своих стран. Вскоре правительствам малых государств поумерили свой агрессивный пыл. Только войска панской Польши приняли активное участие в интервенции против Советской России. Напротив, вся внешняя политика Республики Советов была направлена на установление мирных и деловых отношений с ними.

Главной формой борьбы контрреволюции стала организация крупных белогвардейских армий, использование их в целях интервенции и расширения гражданской войны. Белой армии была передана значительная часть оружия и боевой техники Антанты, вплоть до новейших танков и самолетов. Из военнопленных вербовались солдаты и офицеры в белую армию. В войсках белогвардейцев появились западные советники, которые занимались не только обучением и снабжением белогвардейских войск, но и принимали непосредственное участие в боевых действиях. Общее руководство осуществлялось по планам, разработанным в Париже, Лондоне, Вашингтоне. Хорошо вооруженные и оснащенные армии Колчака, Деникина, Врангеля, Юденича, ядро которых составляли кадровые офицеры, были, в немалой степени, армиями Антанты. Армии белогвардейцев пополнялись кулачеством, выступавшие против продовольственной политики большевиков. Обманом в армию белогвардейцев вовлекались середняки. Без всесторонней поддержки ни одна из этих армий не смогла бы стать серьезным противником рабоче-крестьянской Красной Армии, вести продолжительную и упорную борьбу против Советской власти. В.И. Ленин отмечал: «... Все знают, что против нас пошли белогвардейцы на западе, на юге, на востоке только благодаря помощи Антанты...» [9, с. 51].

В 1919 г., самом тяжелом для Советской республики, армии Колчака и Деникина нанесли ряд стратегических ударов, вся территория Советской России оказалась в огненном кольце фронтов. Армии белогвардейцев были сильны добровольцами – представителями свергнутых эксплуататорских классов. Но с течением времени белогвардейцы стали прибегать к насильственной мобилизации крестьян. А это приводило к разложению белых войск, ибо крестьяне отказывались воевать за чуждые им интересы. С 1919 г. среди белых стали происходить массовые переходы солдат на сторону Красной Армии, дезертирство, неподчинение приказам, восстания. В результате белогвардейские войска утрачивали боеспособность.

По воспоминаниям Врангеля, крупного генерала белой армии, войска не столько занимались военными действиями, сколько принимали участие в грабежах, насилии над местным населением, безудержной спекуляцией: «Война обратилась в средство наживы, а довольствие местными средствами – в грабеж и спекуляцию.

Каждая часть спешила захватить побольше. Бралось все; что не могло быть использовано на месте – отправлялось в тыл для товарообмена и обращения в денежные знаки. Подвижные запасы войск достигли гомерических размеров – некоторые части имели до двухсот вагонов под своими полковыми запасами. Огромное число чинов обслуживало тылы...

Армия развращалась, обращаясь в торгашей и спекулянтов» [10, с. 265].

Международный империализм оказался не в состоянии сломить народ, поднявший знамя социалистической революции. «Старые волки Антанты, вынуждены были объявить во всеуслышание: «большевизм нельзя победить силой оружия». А растерянность факиров империализма дошла до того, что они, потеряв способность открыть действительные причины поражения контрреволюции, стали сравнивать Россию то с «сыпучими песками», где неминуемо должен провалиться «самый лучший полководец», то с «необъятной пустыней», где обязательно уготована смерть любым «лучшим войскам»» [11, с. 236].

Важным вопросом историософского знания является периодизация гражданской войны в СССР. Советская историография выделяет четыре периода [12]. Обобщая основные этапы развертывания гражданской войны, можно выделить как отличия, так и общие черты. Так, на каждом из последующих периодов гражданской войны происходило, во-первых, сплочение революционных сил внутри страны, росла поддержка Советской России со стороны трудящихся капиталистических стран; во-вторых, менялся состав участников интервенции, росли внутренние противоречия между империалистическими державами; в-третьих, войска Красной Армии подвергали разгрому одну за другой армии белогвардейцев.

Первый период (весна – поздняя осень 1918 г.): высадка военных соединений Антанты на Севере, Дальнем Востоке, а затем в Туркестане и Закавказье. Происходит рост контрреволюционных выступлений на Волге, Дону и Северном Кавказе. В этот период Красная Армия переходит от добровольного принципа формирования к обязательной воинской повинности. Внутреннее положение Советской России характеризуется сплочением пролетариата и беднейшего крестьянства, колебаниями середняков.

За рубежом в это время продолжалась первая мировая война, что несколько облегчало положение Советской России. Красная Армия одерживает первые серьезные победы над силами внешней и внутренней контрреволюции. В Поволжье были разгромлены белочехи и белогвардейцы, их части были отеснены к Уралу. На юге советские

войска отразили наступление войск Краснова и сковали армию Деникина. На севере Красная Армия сорвала попытки интервентов продвинуться к Петрограду и Москве.

Второй период (зима 1918 – зима 1919 г.): усиление иностранной военной интервенции. Внутри страны среднее крестьянство во все большей степени начинает переходить на сторону Советской власти, под руководством партии большевиков начинается создание массовой Красной Армии. Так, с целью привлечения на сторону советской власти середняков, государство отказалось от взыскания с них чрезвычайного революционного налога и налога с урожая 1918 г. Были повышены закупочные цены на хлеб, введены льготы на снабжение крестьян лесом. Несмотря на трудности в работе промышленности в условиях военного времени, государство в массовых масштабах снабжало село сельскохозяйственными орудиями труда и техникой. Семьи тех, кто был призван в Красную Армию, стали получать денежные ежемесячные пособия, а кроме того, продовольственный паек, состоящий из хлеба, сахара и соли [3, с. 307].

Международное положение Советской России в этот период было противоречивым. С одной стороны, страна Советов получила реальную поддержку пролетариев западноевропейских стран. С другой стороны, после поражения Германии, Австрии, Турции в первой мировой войне, империалисты Антанты получили возможность усилить военную интервенцию. Однако Советское государство не только устояло под ударами вражеских сил, но и нанесло им серьезное поражение. Красная Армия нанесла ощутимые удары по интервентам Антанты и белогвардейским войскам на Дону, Украине и на Восточном фронте.

Третий период (март 1919 г. – февраль 1920 г.): период решающих побед Красной Армии над объединенными силами интервентов и внутренней контрреволюции. Советской России пришлось бороться на шести фронтах против белогвардейских войск Колчака, Деникина, Юденича, Миллера. Наступление этих армий неоднократно создавали смертельную угрозу Советскому государству. «В войне вообще, в Гражданской войне в особенности, успех, решительная победа зависит нередко от удачного выбора того района, откуда вы намерены нанести противнику и развить дальше главный удар» [13, с. 177]. Для поддержки фронта, в тылу, сначала в Москве, а затем по всей стране, начинаются коммунистические субботники. Одержав ряд побед, Советская Россия завоевала передышку, прорвала блокаду и вышла из состояния дипломатической изоляции. План Антанты использовать в борьбе против Советской России Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, Румынию провалился. В этот период широко развернулось движение рабочих ведущих капиталистических стран в защиту Советской страны под лозунгом: «Руки прочь от Советской России!»

Четвертый период (апрель – конец 1920 г.): война с буржуазно-помещичьей Польшей и армией Врангеля в Крыму. К этому времени окрепло внутреннее положение Советской страны, упрочился военно-политический союз рабочих и крестьян, закалилась дружба и боевое сотрудничество народов. Так, И.В. Сталин приказывал: «Относитесь бережно к военнопленным-украинцам из Галиции (русины), не только к крестьянам, но и к интеллигентам...» [14, с. 53].

В условиях противостояния империалистам Запада, Красная Армия нанесла ряд серьёзных поражений войскам панской Польши и ликвидировала армию Врангеля в Крыму. Этими событиями заканчивается период иностранной военной интервенции и гражданской войны в Советской России.

В 1921–1922 гг. была продолжена борьба с остатками внутренней контрреволюции и интервентов в Средней Азии, в Закавказье и на Дальнем Востоке.

Гражданская война не обошла стороной Марийский край. В Юринской волости, где имелась большевистская организация, советская власть была установлена осенью 1917 г. В Царевококшайске – 23 декабря 1917 г. (5 января 1918 г.), в Козьмодемьянске – 31 декабря 1917 г. (13 января 1918 г.). Ряд контрреволюционных выступлений имели место в Марийском крае. Идейными вдохновителями ряда мятежей были эсеры, кадеты и буржуазные националисты. «Антисоветский переворот в Царевококшайске был (бескровно – А.М.) ликвидирован Латышским и Нижегородским отрядами... Козьмодемьянские коммунисты смогли подавить заговорщиков своими силами» [15, с. 72]. В годы гражданской войны население края в подавляющем большинстве поддержало советскую власть, особенно потому, что обеспечило начало коренных преобразований в жизни марийского народа. Так, в июле 1918 г. при Народном комиссариате по делам национальностей (руководитель – И.В. Сталин) был образован Центральный отдел мари. Отдел мари возглавляли Н.А. Алексеев и С.А. Черняков. При губернских и уездных советах и партийных (большевистских) организациях стали создаваться марийские отделы, подотделы, секции. Они проводили большую работу среди населения по пропаганде идей советской власти. «В 1919 г. при Исполкоме Казанского губернского Совета был организован Комиссариат по делам мари во главе с В.А. Мухиным» [16, с. 88]. Эпохальным событием в жизни марийского народа стало создание своей государственности. Инициатива образования марийской автономии принадлежала известным государственным деятелям марийского народа – С.А. Чернякову, Н.А. Алексееву, В.А. Мухину, И.П. Петрову, А.К. Эшкинину и др. «4 ноября 1920 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совнарком издали декрет об образовании Марийской автономной области в составе РСФСР. Декрет подписали В.И. Ленин и М.И. Калинин» [15, с. 84].

Военные действия обошли стороной Марийский край. Население оказывало посильную помощь в деле укрепления и поддержки Красной Армии и Советского государства. Как и во всей стране, последствия гражданской войны для марийского края были тяжелыми: народное хозяйство испытывало большие трудности из-за недостатка сырья, износа оборудования и нехватки продовольствия для рабочих и служащих.

Иностранная интервенция и гражданская война причинили народам Советской страны неслыханные страдания и бедствия. Зажатая в тисках блокады, отрезанная фронтами в течение длительного времени от хлебных, сырьевых и топливных районов, Республика Советов переживала неисчислимые трудности. Многие тысячи человеческих жертв, разрушение народного хозяйства, голод, грабежи, кровавый террор – вот что принесли с собой в Россию интервенты. В результате интервенции и гражданской войны Советская страна оказалась отброшенной в своем экономическом развитии на много лет назад. Потребовались огромные усилия на протяжении последующих лет всего многомиллионного советского народа, чтобы восстановить хозяйство страны, залечить раны, нанесенные иностранными захватчиками и белогвардейцами.

Таким образом, с позиций историософского знания, победа Советской России в годы гражданской войны подтвердила закон общественного прогресса: самоорганизации социальных субъектов во имя высших гуманистических перспектив. Первая в мире республика рабочих и крестьян в 1918–1920 гг. отстояла государственную независимость, свободное развитие Советской России. Попытки белогвардейцев и иностранных интервентов реализовать закон социального регресса – дезорганизации социальных субъектов, превращение их в объекты действия внешних сил, оказались безуспешными.

Источники и литература:

1. Маслихин А.В., Маслихин В.Д. Человек и картины мира. Йошкар-Ола: МарГУ, 2002. 478 с.
2. Клаузевиц. О войне. Т. 2. М.: Гос. воен. изд-во, 1937. 560 с.
3. История Коммунистической Партии Советского Союза. В 6-ти т. Т. 3. Книга 2. М.: Политиздат, 1968. 607 с.
4. История военного искусства. М.: Военное издательство МО СССР, 1966. 655 с.
5. Ленин В.И. Заметки публициста // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. М.: ИПЛ, 1974. Т. 40. С. 129–139.
6. Ленин В.И. Речь на III Всероссийском съезде профсоюзов // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. М.: ИПЛ, 1974. Т. 40. С. 299–313.
7. История гражданской войны в СССР. Т. 3. М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1957. 402 с.
8. Ленин В.И. Политический доклад Центрального Комитета 2 декабря // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. М.: ИПЛ, 1974. Т. 39. С. 342–363.
9. Ленин В.И. Успехи и трудности Советской власти // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. М.: ИПЛ, 1974. Т. 38. С. 39–73.

10. История гражданской войны в СССР. Т. 4. М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1959. 443 с.
11. Сталин И.В. К военному положению на Юге // И.В. Сталин. Труды. М.: Прометей инфо, 2018. Т. 13. С. 235–243.
12. История Гражданской войны в СССР в 5 томах. Под ред. М. Горького, В. Молотова, К. Ворошилова, С. Кирова, А. Жданова, А. Бубнова, Я. Гамарника, И. Сталина и др. М.: ОГИЗ-Гос. изд-во политич. лит-ры, 1935–1960.
13. Сталин И.В. Новый поход Антанты на Россию // И.В. Сталин. Труды. М.: Прометей инфо, 2019. Т. 14. С. 172–180.
14. Сталин И.В. Телеграмма К.Е. Ворошилову и С.М. Буденному с текстом директивы 1-й Конной Армии «О поведении в занятых селениях и городах бойцов конноармии» // И.В. Сталин. Труды. М.: Прометей инфо, 2019. Т. 15. С. 52–53.
15. Документы и материалы по истории Йошкар-Олинской (Краснококшайской) организации РКП(б) – ВКП(б) – КПСС / сост. А.А. Белякова; науч. ред. А.В. Маслихин. Йошкар-Ола: ООО ИПФ «Стринг», 2018. 780 с.
16. Маслихин А.В., Гаврилов Н.Н., Маслихин В.Д. Диалектика общего и особенного развития марийского народа в условиях многонационального общества. Йошкар-Ола: МарГУ, 2002. 200 с.

Военная и политическая деятельность И.В. Сталина в 1917–1920 гг.

*Ю.Г. Никифоров, кандидат экономических наук,
профессор, старший научный сотрудник
Чебоксарского института (филиала)
Московского гуманитарно-экономического университета*

Иосиф Виссарионович Сталин был одним из самых ярких и харизматичных вождей народной революции и социалистической модернизации в России, оказавший огромное влияние на ход истории других стран и народов могучей силой примера. Справедливую характеристику и оценку роли Сталина в истории дал его биограф – видный современный отечественный историк, автор уникальной энциклопедии Владимир Васильевич Суходеев: «Сталин был несравненным политическим, государственным деятелем, победоносным полководцем, выдающимся мыслителем обширных знаний и высокой культуры» [21, с. 28].

Здесь же энциклопедист В.В. Суходеев подчеркивает особенность сталинской кадровой политики, проявившуюся ещё задолго до революции: «Сталин любил, растил и приближал талантливых людей, умелых организаторов людей, смелые организаторов, людей смелой мысли и преданных великому ленинскому делу» [21, с. 28]. За 11 лет до Октябрьской революции он знакомится на IV съезде РСДРП в Стокгольме с В.И. Лениным, ближайшим соратником которого с того времени навсегда остается, и там же знакомится с такими замечательными людьми, как М.И. Калинин, М.В. Фрунзе, К.Е. Ворошилов, несколько позже – с Г.К. Орджоникидзе, С.Г. Шаумяном, в январе 1912 г. был заочно избран VI конференцией РСДРП в состав ЦК и Русского бюро ЦК партии вместе с тем же М.И. Калининым и Еленой Стасовой. В том же году вместе с В.М. Молотовым участвует в создании газеты «Правда», выступает в первом номере этой газеты с программной статьей «Наши цели». Все эти и подобные им люди – друзья и товарищи И.В. Сталина, составляли его ближайшее окружение, дружную и сплоченную красную гвардию единомышленников, формировать которую он начал за много лет до революции.

VI съезд РСДРП(б) в обстановке острейшего политического кризиса, принимающий подготовленный Сталиным проект революции «О политическом положении» (то есть о вооруженном восстании), избирает его в новый состав полуполилегалного ЦК, в котором был 21 член и 10 кандидатов, и дает ему чрезвычайно ответственное поручение – редактирование газет «Рабочий и солдат», «Пролетарий», «Рабочий путь» – под такими названиями в августе-октябре 1917 г. выходила в Петрограде запрещенная контрреволюцией возрожденная «Правда». Он не только редактирует эти газеты, но и сам выступает в них почти каждый

день. Пригодился редакторский опыт, приобретенный в юности на Кавказе. Выступает Сталин на рабочих сходах, собраниях, митингах и устно.

И вот в последний день перед революцией 24 октября (6 ноября) 1917 г. член ЦК партии ее подпольного Военно-революционного комитета, главный редактор центральной партийной газеты Иосиф Виссарионович Сталин по поручению ленинского ЦК выступает с докладом о политическом положении на заседании большевистской фракции открывшегося в этот день II Всероссийского съезда Советов. А в зале и на улице большевики распространяют одновременно только что вышедший свежий номер редактируемый им газеты «Рабочий путь». В нем – Сталинская статья «Что нам нужно» с таким призывом: «В правительстве сидят ставленники англо-французских банкиров, которым невыгодно окончание войны, которые грабительно наживаются на войне... Нужно правительство Кишкина-Коновалова заменить правительством Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. То, что не было сделано в феврале, должно быть сделано теперь. Таким и только таким путем могут быть завоеваны мир, хлеб, земля, свобода» [18, с. 388–389].

Временное правительство было сброшено. В тот же день II Съезд Советов избрал Сталина членом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (эту должность он занимал до учреждения Верховного Совета СССР в соответствии с новой Советской Конституцией, в которой также был избран народом) и он был назначен на пост народного комиссара по делам национальности бессменно до упразднения этой должности в 1923 г. после образования СССР и XII съезда РКП(б), решившего национальный вопрос в Советском государстве. Но ни в одном из составов всех царских и временных правительств никогда не было аналогичного министерства или ведомства, поскольку они вовсе не желали и отнюдь не собирались решать проблему, угрожавшую самому дальнейшему существованию российского государства. А Сталин требовал скорейшего решения проблемы и предлагал конкретные пути. Уже 25 марта 1917 г., то есть еще до знаменитых ленинских апрельских тезисов, когда перспективы революции были неясны, он выступил в газете «Правда» с предложением, не имевшим по сути разумной альтернативы: «Необходимо провозгласить: 1) политическую автономию (не федерацию) областей, представляющих целостную хозяйственную территорию с особым бытом и национальным составом населения, с «делопроизводством» и «преподаванием» на своем языке; 2) право на самоопределение для тех наций, которые по тем или иным причинам не могут оставаться в рамках государственного целого» [11, с. 29].

Начало реализации этого мегапроекта было положено под руководством Сталина и руководимого им народного комиссариата с создания национально-государственных автономий России (Туркестан,

трудовая коммуна немцев Поволжья, Татария, Башкирия, Чувашия, Марий Эл, Удмуртия, Мордовия, Калмыкия, Бурятия, Якутия, Дагестан и др., все они обрели новую историческую судьбу), а увенчалось созданием союзного государства.

Однако первоочередная задача заключалась в необходимости защиты республики от множества вооруженных, чинивших злодеяния врагов. Военная проблема, таким образом, становилась политической. Гражданская война принимала очертания самой настоящей гражданской, народной войны. Ведь иностранные империалисты добивались не только восстановления дореволюционного эксплуататорского режима, но и куда большего – расчленения, уничтожения, разграбления Советской России, уже был готов тайный договор о разделе ее на так называемые «сферы влияния». При этом они опирались на националистических отщепенцев всех мастей, поэтому освобождение трудящихся от влияния злобных обманщиков-национал-паразитов, национал-предателей приобретало жизненно важное значение. Ленин издал 21 февраля 1918 г. знаменитый декрет «Социалистическое Отечество в опасности!» с призывом: «Все силы и средства страны целиком предоставляются на дело революционной обороны. Всем Советам и революционным организациям вменяется в обязанность защищать каждую позицию до последней капли крови. Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы, расстреливаются на месте преступления. Социалистическое Отечество в опасности. Да здравствует социалистическое Отечество!» [9, с. 357–358].

Одной из главнейших забот и одним из важнейших практических дел Ленина и Сталина немедленно после Октябрьской революции стала защита молодой республики. Уже в ночь на 28 октября (10 ноября) 1917 г. они выезжают в штаб Петроградского военного округа для разработки совместно с военными специалистами плана разгрома вооруженных банд Керенского-Краснова, пытавшихся снова захватить Петроград и удушить революцию. В тот же день они нанесли удар по подстрекателям антинародного путча – подписали постановление СНК о запрещении выхода контрреволюционных газет. Это было абсолютно необходимой мерой. И.В. Сталин 31 октября доложил Военно-революционному комитету о положении на фронте [1, с. 441].

Положение в республике обострялось с каждым днем. Пришлось принимать экстренные меры для борьбы с антисоветскими мятежами Краснова, Каледина, Дутова на казачьих окраинах страны, на соединение с которыми шли контрреволюционные части бывшей царской армии под командованием генерала Кутепова. Ленин и Сталин возглавляют мобилизацию отрядов Красной Гвардии, частей, занявших революционную позицию, трудового казачества на борьбу против этих врагов. 27–28 декабря Сталин, исполнявший обязанности председателя СНК РСФСР во время кратковременного отпуска Ленина, встретился

с представителями трудового казачества незадолго до их решающего наступления на Дону и в направлении Оренбурга [1, с. 444]. При этом главным объектом их внимания было формирование Красной Гвардии, отряды которой играли выдающуюся роль в установлении и защите Советской власти на местах, а их общая численность к концу 1917 г. достигла 250000 человек, и Красной Армии.

В.И. Ленин не раз подчеркивал военное и политическое значение вооружения и сплочения рабочих и крестьян для защиты революции и власти народа. Так на III Всероссийском Съезде Советов в январе 1918 г. он сказал: «В первый раз в истории всемирной борьбы в армию вступили элементы, которые несут с собой не казенные знания, но которыми руководят идеи борьбы за освобождение эксплуатируемых. И когда начатая нами работа будет окончена, Российская Советская республика будет непобедима» [6, с. 270]. Еще более ярко прозвучала эта мысль примерно в те же дни в обращении к едущим на фронт первым красноармейцам: «Приветствую в вашем лице тех первых героев-добровольцев социалистической армии, которые создадут сильную революционную армию. И эта армия призывается оберегать завоевания революции, нашу народную власть, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, весь новый, истинно демократический строй от всех врагов народа, которые ныне употребляют все средства, чтобы погубить революцию. Эти враги – капиталисты всего мира, организующие в настоящее время поход против русской революции, которая несет избавление всем трудящимся. Нам надо показать, что мы – сила, способная победить все преграды» [8, с. 216].

Сталин полностью поддерживал позицию Ленина по проблеме Брестского мира и делал все, чтобы всемерно использовать открывшиеся возможности для укрепления Красной Армии. Вместе с К.Е. Ворошиловым и другими товарищами он с 5 июня по 19 октября 1918 г. руководит обороной Царицына, имевшей в то время решающее значение. Царицын, губернский центр с 200-тысячным населением, был крупным речным портом и железнодорожным узлом, откуда в центральные и северные губернии России с юга поступали зерно, другие виды продовольствия, а также бакинская нефть. Войска Деникина и Краснова (вскоре к ним примкнул и самозванный «гетман» Скоропадский), поддерживаемые интервентами, шли на соединение, чтобы перерезать эту транспортную артерию, вызвать голод и спровоцировать связанное с ним массовое недовольство и удушить революцию «костлявой рукой голода».

Серьезное положение в стране было охарактеризовано в циркуляре ЦК РКП(б) от 22 мая 1918 г.: «Голод и безработица, жестокая хозяйственная разруха... Империалисты всех стран полны ненависти к Советской России. С запада и востока хищники готовы ринуться на нас» [4, с. 63]. Циркуляр называл момент критическим, требовавшим огромнейшего напряжения всех сил.

В этот критический момент СНК РСФСР 29 мая 1918 г. назначает И.В. Сталина общим руководителем продовольственного дела на юге России с чрезвычайными полномочиями. По прибытии в Царицын 6 июня он сразу объявляет город на военном, а с 13 августа город и губернию на осадном положении. Спекулянты и прочие аферисты были подвергнуты аресту. О положении города в этот период и его стратегическом значении он сказал несколько позже во время одной из своих кратковременных поездок в Москву в докладе пленуму Моссовета: «Никогда еще враги Советской России не пытались так упорно сломить нас, как теперь. План врагов Советской России – оторвать от нее наиболее богатые хлебные районы и заставить ее сдаться без боя. Юг представляет большую притягательную силу. Там лежит не менее 150 миллионов пудов свободного хлеба. Угля там сотни тысяч пудов. Еще большее значение представляет юг России в стратегическом отношении. Он представляет область, где завязывается новый международный узел» [15, с. 146].

Сталин, кроме наведения порядка в городе и дисциплины в частях самой Красной Армии, в качестве чрезвычайного комиссара по продовольствию в первую очередь занялся решением хлебной проблемы, не только гуманитарное, но и политическое значение которой было очевидно. Эшелоны с продовольствием двинулись в северном направлении. Когда железнодорожная линия на севере была на несколько дней перерезана противником, хлеб и скот на барже отправляли в Саратов, где снова перегружали в железнодорожные составы. В июне из Царицына только на север было отправлено 2379 вагонов и 2,5 млн пудов продовольственных грузов. Кроме того, продовольствие оттуда направлялось на юг и восток – в Астрахань, Баку, Туркестан [3, с. 117]. Так тысячи людей были спасены от голодной смерти.

Решающие бои развернулись позже, когда противники перерезали доступ к крупным железнодорожным узлам Поворино и Тихорецкая. В июле Краснов начал наступление на Царицын и Камышин, 19 июля был создан Военный Совет Северо-Кавказского военного округа во главе с И.В. Сталиным. Непосредственно командовал войсками, оборонявшими город, К.Е. Ворошилов, под командованием которого были 42 тыс. красноармейцев. Дополнительно были сформированы коммунистические дивизии, построены бронепоезда. Город обороняла также Волжско-Каспийская военная флотилия (командующий Ф.Ф. Раскольников, комиссар Л.М. Рейснер). После оборонительных боев части Красной Армии в начале сентября отбросили понесшего большие потери врага далеко от города [2, с. 406–407]. Сталин 6 сентября направил Совнаркому телеграмму: «Наступление советских войск Царицынского района увенчалось успехом: на севере взята станция Иловля; на западе – Калач, Ляпичев, мост на Дону; на юге – Лашки, Немковский, Демкин. Противник разбит наголову. Положение Царицына – прочное. Наступление продолжается» [16, с. 129].

В ответ на эту победу 19 сентября 1918 г. В.И. Ленин и И.В. Сталин отправили командующему фронтом К.Е. Ворошилову телеграмму, опубликованную в газете «Известия»: «Передайте наш братский привет героической команде и всем революционным войскам Царицынского фронта, самоотверженно борющимся за утверждение власти рабочих и крестьян. Передайте им, что Советская Россия с восхищением отмечает героические подвиги коммунистических и рабочих полков Харченко, Колпакова, кавалерия Булаткина, броневых поездов Алабьева, Военно-Волжской флотилии.

Держите Красные знамена высоко, несите их вперед бесстрашно, искореняйте помещичье-генеральскую и кулацкую контрреволюцию беспощадно и покажите всему миру, что Социалистическая Россия непобедима» [17, с. 130].

Одновременно в газете было опубликовано интервью Сталина о победе в районе Царицына, а сам он немедленно вернулся туда, чтобы добить Краснова, пытавшегося затеять новое наступление. Этот вторичный разгром нанес контрреволюционерам еще больший урон и позор.

Представляет большой интерес и весьма поучителен сталинский комментарий итогов этой героической эпопеи на страницах газеты «Правда» 30 октября 1918 г.: «В чем сила нашей армии?».

Успехи нашей армии объясняются прежде всего ее сознательностью и дисциплиной. Солдаты Краснова отличаются поразительной тупостью и невежеством, полной оторванностью от внешнего мира. Они не знают, за что воюют. «Нам приказали, и мы вынуждены драться», – говорят, они на допросах, сдаваясь в плен.

Не то наш красноармеец. Он гордо называет себя солдатом революции, он знает, что воюет не за барыши капиталистов, а за освобождение России, он знает это и смело идет в бой с открытыми глазами...

Не менее важное значение имеет появление целого кадра красных офицеров из бывших солдат, получивших боевое крещение в ряде сражений. Эти красные офицеры составляют основной цемент нашей армии, скрепляющий ее в единый дисциплинированный организм.

Но сила армии не исчерпывается ее собственными качествами. Армия не может долго существовать без крепкого тыла. Для прочного фронта необходимо, чтобы армия регулярно получала от тыла пополнение, боевые припасы, продовольствие. В этом отношении крупную роль сыграло появление в тылу знающих и умелых администраторов, главным образом, из передовых рабочих, добросовестно и неустанно работающих по мобилизации и снабжению. Можно с уверенностью сказать, что Царицын не был бы спасен без таких администраторов» [18, с. 150–151].

Так Сталин уже в октябре 1918 г. сформулировал основу той стратегии, которая принесла под его руководством нашему народу в мае и сентябре 1945 г. Великую Победу. Вот три кита этой стратегии:

политическая работа и на фронте, и в тылу, обеспечивающая единение и доблесть воинов и тружеников, единство фронта и тыла, военное искусство командиров!

По просьбе трудящихся Царицына в 1925 г., когда их подвиг был отмечен орденом Красного Знамени, город был переименован в Сталинград.

А Сталин поехал из Царицына на Восточный фронт, на самый угрожаемый и довольно обширный его участок, где белогвардейцы, прорвали фронт, захватили Пермь, устремились на север и восток – к Вятке. По предложению В.И. Ленина 1 января 1919 г. ЦК РКП(б) направил туда И.В. Сталина и Ф.Э. Дзержинского для выяснения и устранения причин катастрофы, укрепления фронта и тыла 2-й и 3-й армий, воевавших на северном крыле Восточного фронта. Командировка продолжалась весь январь. В зону боевых действий были подтянуты свежие резервы.

19 января Сталин выступил в Вятке на объединенном заседании партийных и советских органов, сформулировал программу укрепления тыла. 31 января Сталин и Дзержинский представили Ленину подробный отчет с конкретными предложениями. Они подчеркивали: «Нужно покончить с войной без резервов, необходимо ввести в практику систему постоянных резервов, без коих немыслимы ни сохранение наличных позиций, ни развитие успехов» [3, с. 208]. Отчет содержал рекомендации по улучшению управления войсками, укреплению тыла, очистке его от вражеских лазутчиков и бандитов, первоочередному снабжению сражающихся войск всем необходимым, на что, безусловно должны быть ориентированы и промышленность, и транспорт, совершенствование партийно-политической работы на фронте и в тылу.

Когда после наступления Юденича опасность нависла над Петроградом, партия послала Сталина на этот участок, где он руководил героической обороной Петрограда с 18 мая по 10 сентября 1919 г. Он постоянно выезжает на важнейшие участки фронта, в штабы, обеспечивает взаимодействие сухопутных войск с Балтийским флотом и Онежской флотилией, руководит разгромом контрреволюционного мятежа в фортах Красная Горка и Серая Лошадь, мобилизует коммунистов и комсомольцев на оборону города.

21 мая 1919 г. ЦК РКП(б) обратился ко всем, особенно прифронтовым партийным, советским и профсоюзным организациям с призывом «На защиту Петрограда», в котором подчеркивалось: «Питерский фронт становится одним из самых важных фронтов Республики. Советская Россия не может отдать Петроград даже на самое короткое время. Петроград должен быть защищен во что бы то ни стало. Слишком велико значение этого города, который первый поднял знамя восстания против буржуазии и первый одержал решающую победу. Питерские рабочие, не жалея сил, отдавали десятки тысяч борцов на все

фронты. Теперь вся Советская Россия должна пойти на помощь Петрограду» [4, с. 169–170]. И вся Россия поспешила на помощь Петрограду. Сама петроградская партийная организация мобилизовала на фронт и на флот 13 тысяч добровольцев [2, с. 402]. Отразив натиск врага, Красная Армия 22 июня перешла в решающее наступление, о чем Сталин сообщил Ленину, и в августе освободила Ямбург и Псков, создала новые рубежи обороны, на которых осенью остановила второе и последнее наступление противника. Планы Антанты захватить Красный Питер и отрезать Россию от Балтийского моря потерпели окончательный провал.

Летом 1919 г. решающим фронтом становится Южный. Деникинские войска захватили Дон, Царицын, Донбасс, Крым, южную часть Украины и угрожали центру России. Деникин и штабы Антанты строили планы захвата до конца года Москвы. Июльский (1919 г.) Пленум ЦК РКП(б) в составленном Лениным воззвании «Все на борьбу с Деникиным» отметил: «Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции» [5, с. 44].

В этот критический момент после разгрома свор Юденича 26 сентября 1919 г. Пленум ЦК РКП(б) назначает Сталина членом РВС Южного фронта. К этому времени деникинцы уже захватили Орел. Сталин, разрабатывает план наступления, в результате которого в 20-х числах октября были освобождены Орел, Курск и Воронеж. Одновременно он разрабатывает план следующей стратегической операции наступления из района Воронежа через Харьков и Донбасс на Ростов с целью освобождения и этих земель, который 15 октября направляет Ленину и получает его одобрение. О главной победе тех дней – освобождении Воронежа – он 25 октября сообщает Ленину: «Созданные долгими усилиями Антанты и Деникина конные корпуса Шкуро и Мамонтова, как главный оплот контрреволюции, разбиты наголову в боях под Воронежем конным корпусом товарища Буденного. Воронеж взят красными героями. Захвачена масса трофеев, подсчет которых производится. Пока выяснено, что захвачены все именные бронепоезда противника во главе с бронепоездом имени генерала Шкуро. Преследование разбитого противника продолжается. Ореол непобедимости, созданный вокруг имени генералов Мамонтова и Шкуро, доблестью красных героев конкорпуса т. Буденного низвержен в прах» [3, с. 278].

После такого фатального, сокрушительного не только военного, но и политического поражения врага ждал в ближайшем будущем только окончательный крах, только осиноый кол в его могилу. Возмездие неотвратимо свершалось. Были освобождены Донбасс, Таврия, Северный Кавказ, где деникинские позиции удерживались битыми сворами выше упомянутого германо-англо-французского наемника Краснова и остатками националистических шаяк. Над освобожденными землями снова высоко взвилось красное знамя великой Красной Армии.

В эти дни Ленин обратился к труженикам с письмом, начинавшимся словами: «Красные войска взяли Киев, Полтаву Харьков и победоносно двигаются на Ростов. В Украине кипит восстание против Деникина. Необходимо собрать все силы, чтобы разбить до конца деникинские войска, пытавшиеся восстановить власть помещиков и капиталистов. Необходимо уничтожить Деникина, чтобы обеспечить себя от малейшей возможности нового нашествия» [7, с. 41]

Командование над остатками разгромленных деникинцев приняли Врангель, Слащев, Улагай, окопавшиеся в Крыму за перекопско-чонгарскими укреплениями. Но, прежде чем вступить против них в борьбу, Сталину предстояло в течение нескольких месяцев быть одним из организаторов Советской власти на Украине – руководителем Украинской трудовой армии, которая восстанавливала Донбасс и добычу угля. 7 марта 1920 г. он обратился к красноармейцам, командирам и комиссарам 42 дивизии, освобождавшей Донбасс и включенной в состав Трудармии: «Доблестная 42-я дивизия, героический дравшаяся с врагами России бок о бок с другими дивизиями фронта и вместе с ними разбившая наголову добровольческую армию Деникина, ты не должна отложить в сторону оружие для того, чтобы вступить в бой с хозяйственной разрухой и обеспечить стране каменный уголь... Помните, что уголь так же важен для России, как победа над Деникиным. Этого ждет от вас вся рабоче-крестьянская Россия» [14, с. 292–293].

Так войска были привлечены к непосредственному участию в восстановительных работах. Этот драгоценный опыт был в дальнейшем успешно применен не только нашей Красной Армией, но и революционными армиями Мао Цзедунa в Китае, Ким Ир Сена в Корее, Хо Ши Мина во Вьетнаме. Вообще сталинской военной и политической стратегии, ставшей классикой, учились многие успешные политические руководители и полководцы мира.

В апреле 1920 г. Антанта двинула против Советской России новых кондотьеров – клику Пилсудского. Из Крыма агрессия Антанты в Северном Причерноморье осуществлялась грязными руками других кондотьеров – врангелевских. Сталин в опубликованной в газете «Правда» статье «Новый поход Антанты на Россию» назвал это «черным делом вооруженной интервенции, организованной Антантой» [10, с. 319]. С 27 мая он направлен в штаб Юго-Западного фронта, части которого действовали на обоих направлениях. После освобождения Киева частями Первой конной армии Буденного 12 июня главным направлением боевых действий стало южное. Сталин подчеркивал: «Только с ликвидацией Врангеля можно считать нашу победу над польскими панами обеспеченной. Поэтому партия должна начертать на своем знамени новый очередной лозунг: помните о Врангеле! Смерть Врангелю!» [12, с. 341]. Сразу после этого 12 июля 1920 г. в письме ЦК РКП(б) «На барона Врангеля!» была снова подчеркнута эта мысль: «Победа над Польшей не

будет действительно победою, если Врангель не будет разгромлен: наступление Врангеля есть только часть польского наступления. ...Последний оплот генеральской контрреволюции должен быть уничтожен! Над Крымом, должен взвиться красный флаг рабочей революции» [4, с. 294–295].

Непосредственно реализацией этой партийной директивы руководил командующий фронтом М.В. Фрунзе и член РВС И.В. Сталин. Он выехал в Мариуполь, где на месте ознакомился с состоянием флота, затем – в Лозовую и ряд других стратегически важных городов, поселков, железнодорожных станций. 16 июля Пленум ЦК ВКП(б) принимает намеченный Сталиным комплекс предложений по разгрому Врангеля, где первостепенное место занимала перегруппировка войск, выдвижение на боевые позиции новых частей из резервов. Кроме того, Сталин в июле-августе руководил агитационной работой комиссаров в войсках, готовившихся к решающему наступлению. Таким образом, хотя окончательная победа над Врангелем под руководством Фрунзе, освобождение Крыма, увенчавшее Гражданскую войну победой, которой все поколения вправе гордиться, были достигнуты уже после того, как Сталин в августе вернулся в Москву, чтобы принять участие в решении других политических проблем, в первую очередь национальных, – заслуга его в этих победах сомнению не подлежит.

Сталин уже тогда выступал в качестве признанного, авторитетного военного теоретика, например, при обсуждении военного вопроса на VIII съезде РКП(б) 21 марта 1919 г., где он высказался за создание дисциплинированной, со строгим единоначалием регулярной армии, хотя против этого возражали некоторые делегаты партийного форума.

Будучи избранным на прошедшем после IX съезда РКП(б) организационном Пленуме ЦК 5 апреля 1920 г. членом Оргбюро и Политбюро ЦК и оставаясь на этих постах до конца жизни, а также в качестве члена ВЦИК и СНК, Сталин, конечно же, оказывал большое влияние и на решение политических проблем Республики. В области экономической это проявлялось в совместно подписанном с Лениным 6 (19) декабря декретом о создании Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) – верховного органа централизованного управления всем народным хозяйством страны, в подготовке декретов о рабочем контроле, национализации банков, стратегически важных отраслей промышленности, транспорта и так далее. Но главное его внимание, как тогда, так и позже было сосредоточено, конечно, на формировании стратегии национальной политики как в целом по стране, так и конкретно по отношению к таким национальным регионам, как Украина, Белоруссия, Кавказ, Туркестан, Поволжье, Сибирь и др., которые он сам хорошо знал.

Концепцию построения Российской Федерации он сформулировал в газете «Правда» уже 3 и 4 апреля 1918 г., и она во многом определила принятую через 3 месяца V съездом Советов РСФСР ее первую

Конституцию. В статье «Политика правительства по национальному вопросу» (февраль 1919 г.) он подчеркивает: «От распада старого империалистического единства через независимые советские республики народы России приходят к новому добровольному братскому единству. Путь этот, несомненно, не из самых легких, но он – единственный путь, ведущий к прочному, нерушиму союзу трудовых масс национальностей России» [13, с. 229]. Так была обозначена концепция советского национально-государственного строительства, над которой ее автор напряженно работал до ее завершения – создания советского союзного государства. Эта работа проходила в жесткой борьбе с националистическими течениями, неизбежно становящимися, как показал И.В. Сталин в десятках своих статей и речей рассматриваемого периода таких, как «Контрреволюционеры Закавказья под маской социализма», «О киевской буржуазной раде» и др., на подлую, пресмыкательскую службу контрреволюционному империализму, выступавшему в тот период в виде заправил Антанты. Исторический опыт последних четырех десятилетий вновь и вновь подтверждает правильность сталинских принципиальных оценок: выступающие под флагом национализма движения были главным фактором расчленения СССР по планам современных империалистических разведок, установив на постсоветском пространстве враждебные России и всецело пресмыкающиеся перед капиталом ведущих западных стран компрадорские режимы, во многих местах вступающие в вооруженные конфликты (Азербайджан и Армения, Молдавия и Приднестровье и т.п.).

Сталин положил начало становлению системы государственного, а затем народного (в виде Рабкрин) контроля, обеспечивающего эффективность реализации решений партии и правительства центральными ведомствами и на местах, плановую и финансовую дисциплину и противодействие злоупотреблениям и коррупции.

Сталин в Красной Армии, Совнарком и подчиненных ему народных комиссариатах проводил мудрую кадровую политику, обеспечивая выдвижение, поддержку и дальнейший рост верных народу, порядочных, способных организаторов. Хорошо известны роль в жизни нашего государства и заслуги таких выдвинутых и поддержанных им советских партийных, государственных и военных деятелей, как В.М. Молотов, А.А. Жданов, К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный, Г.К. Орджоникидзе, С.М. Киров, В.В. Куйбышев и многие другие.

Подводя итоги настоящего исследования, необходимо подчеркнуть: Иосиф Виссарионович Сталин был одним из организаторов Красной Армии, организаторов победы в крупнейших судьбоносных битвах 1918–1920 гг. – обороне Царицына, обороне северного направления Восточного фронта, обороне Петрограда, разгроме Деникина и освобождении юга России и Советской Украины, разгроме белопольских интервентов и Врангеля, освобождении Крыма, ознаменовавшим

победоносное завершение гражданской войны. Уже тогда сформировалась сталинская стратегия, ставшая одним из главных и решающих факторов победы СССР в Великой Отечественной войне и включающая, прежде всего, единство фронта и тыла, политическую работу на фронте и в тылу, боевую подготовку войск, правильную и своевременную постановку военно-стратегических задач, умелое маневрирование на фронте, взаимодействие сухопутных войск, флота и авиации.

Он участвовал в разработке и эффективном проведении политики коммунистической партии и Советского государства в области экономических преобразований, национальных отношений, государственного контроля и других важнейших сферах, которые обеспечили победу в гражданской войне, консолидацию народа для решения стоящих перед страной острейших социально-экономических проблем и упрочение советского государства.

Источники и литература:

1. Биографическая хроника. Октябрь 1917–1920 гг. // Сталин И.В. Собр. соч. Т.4. М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1952. С. 441–478.
2. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. 704 с.
3. Иосиф Сталин: Сб. М.: Новатор, 1997. 528 с.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 9, доп. и исправл. Т.2. 1917–1922. М.: Политиздат, 1983. 606 с.
5. Ленин В.И. Все на борьбу с Деникиным! (Письмо ЦК РКП(большевиков) к организациям партии/ В.И. Ленин// Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т.39 . М.: Политиздат, 1970. С. 44–63.
6. Ленин В.И. Доклад о деятельности Совета Народных Комиссаров III Съезду Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов/ В.И. Ленин// Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35 М.: Политиздат, 1970. С. 261–283.
7. Ленин В.И. Письмо к рабочим и крестьянам Украины в связи с победой на Деникиным/ В.И. Ленин// Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.40. М.: Политиздат, 1970. С. 41–46.
8. Ленин В.И. Речь на проводах первых эшелонов социалистической армии/ В.И. Ленин // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35. М.: Политиздат, 1970. С. 216–217.
9. Ленин В.И. Социалистическое Отечество в опасности! /В.И. Ленин// Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 35. М.: Политиздат, 1970. С. 357–358.
10. Сталин И.В. Новый поход Антанты на Россию/ И.В. Сталин//Сталин И.В. Собр. соч. Т.4. М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1952. С. 319, 328.
11. Сталин И.В. Об отмене национальных ограничений/И.В. Сталин// Сталин И.В. Собр. соч. Т. 3 М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1951. С. 16–19.
12. Сталин И.В. О положении на польском фронте/И.В. Сталин//Сталин И.В. Собр. соч. Т.4. М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1952. С. 336–341.
13. Сталин И.В. Политика Советской власти по национальному вопросу/ И.В. Сталин// Сталин И.В. Собр. соч. Т.4. М.: Политиздат, 1952. С. 351–363.
14. Сталин И.В. Приказ по трудовой армии Украины 7 марта 1920 г./ И.В. Сталин// Сталин И.В. Собр. соч. Т.4. М.: Политиздат, 1952. С. 292–293.
15. Сталин И.В. Речь на пленуме Московского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 29 октября 1918 г. О положении дел на Южном фронте

(газетный отчет). / И.В. Сталин// Сталин И.В. Собр. соч. Т.4. М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1952. С. 146–147.

16. Сталин, И.В. Телеграмма В.И. Ленину 6 сент. 1918 г. /И.В. Сталин// Сталин И.В. Собр. соч. Т.4. М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1952. С. 129.

17. Сталин И.В., Ленин, В.И. Телеграмма К.Е. Ворошилову 19 сент. 1918 г. / И.В. Сталин// Сталин И.В. Собр. соч. Т.4. М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1952. С. 130.

18. Сталин И.В. Телеграмма В.И. Ленину 25 окт. 1919 г. /И.В. Сталин// Сталин И.В. Собр. соч. Т.4. М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1952. С. 288.

19. Сталин И.В. Телеграмма В.И. Ленину 25 июня 1920 г. / И.В. Сталин//Сталин И.В. Собр. соч. Т.4. М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1952. С. 335.

20. Сталин И.В. Что нам нужно/ И.В. Сталин//Сталин И.В. Собр. соч. Т.3. М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1951. С. 386–389.

21. Суходеев В.В. Сталин. Энциклопедия/В.В. Суходеев// М.: Алгоритм, 2014. 640 с.

**М.В. Фрунзе – революционер, стратег, военный теоретик
(к 140-летию со дня рождения)**

*Е.В. Сухова, кандидат исторических наук,
доцент Чувашского государственного
педагогического университета им. И.Я. Яковлева*

Выдающийся революционер, военный, государственный и партийный деятель нашей страны, полководец, победитель Колчака и Врангеля, один из организаторов Красной Армии Михаил Васильевич Фрунзе (1885–1925) пришел в революционное движение, в его авангард – партию большевиков – в ранней юности и остался верен этому выбору до конца своей героической жизни.

Родился он 2 февраля 1885 г. в Пишпеке (в настоящее время – Бишкек. Столица Советской Киргизии – родина Фрунзе – длительное время носила его имя) в семье военного фельдшера. После окончания с золотой медалью гимназии в 1904 г. поступил на экономическое отделение Санкт-Петербургского политехнического института, включился в революционное движение, осенью 1904 г. вступил в РСДРП(б) и стал пропагандистом рабочего политического кружка.

С началом Первой русской революции М.В. Фрунзе связался с Московским комитетом партии, который сначала направил его в Ливны Орловской губернии, где он активизировал работу местной партийной организации, а затем в Иваново-Вознесенск – один из центров текстильной промышленности и революционного рабочего движения России. Там действовала крепкая, сплоченная партийная организация большевиков, которая объединяла более четырехсот членов, число ее постоянно росло. Одним из ее руководителей был Андрей Сергеевич Бубнов, будущий ближайший соратник Фрунзе по строительству Красной Армии. Под партийными псевдонимами Трифоныч, товарищ Арсений 20-летний Михаил Фрунзе вел среди рабочих организаторскую и пропагандистскую работу по подготовке грандиозной политической стачки текстильщиков, начавшейся 12 мая, продолжавшейся 72 дня и охватившей более 70 тыс. рабочих Иваново-Вознесенска, Шуи и окрестных городов и поселков. Под влиянием стачки начались массовые крестьянские волнения. Руководил стачкой первый в России Совет рабочих депутатов, более трети из которых были большевиками. Для самообороны была создана боевая дружина, руководил которой М.В. Фрунзе, он же составил ее устав – прообраз будущих уставов Красной Армии. По соображениям конспирации он не мог быть явно избран депутатом Совета, но все важнейшие решения принимались при его непосредственном участии [1, с. 13].

В августе 1905 г. Михаил Фрунзе принимал участие во Всероссийской конференции большевистских организаций по аграрному вопросу в Казани, а в ночь на 30 октября был впервые арестован и подвергнут допросу с пытками. В декабре по предложению Фрунзе отряд

дружинников – ивановских и шуйских рабочих – под его руководством участвовал в вооруженном восстании в Москве, которое В.И. Ленин назвал «вершиной революции» [2, с. 324]. Михаил Фрунзе стал самым молодым делегатом IV съезда РСДРП, где впервые встретился с В.И. Лениным, И.В. Сталиным, М.И. Калининым, К.Е. Ворошиловым и другими.

Царской охранке удалось снова арестовать М.В. Фрунзе и его товарища, большевика Павла Гусева. По ложному обвинению в покушении на полицейского урядника они были приговорены к смертной казни. Но даже в тюрьме, в ожидании смертного приговора М.В. Фрунзе не прекращал заниматься самообразованием и политической работой среди заключенных. Он готовил побег из тюрьмы. При кассационном рассмотрении приговора была неопровержимо доказана его фальсификация и приговор был отменен. Однако 23 сентября 1910 г. революционер вновь был приговорен к смерти. Тогда в его защиту выступила общественность и власти были вынуждены пойти на замену смертной казни каторгой, а затем – вечным поселением в Сибирь. Отбывая его в с. Манзурка Иркутской губернии, М.В. Фрунзе создал подпольную ячейку партии, вместе со своими товарищами вел революционную пропаганду, распространял нелегальную марксистскую литературу. В 1915 г. четырнадцать участников организации были арестованы и отправлены в Иркутскую губернскую тюрьму, но по пути М.В. Фрунзе бежал и по паспорту на имя В.Г. Василенко поступил в Чите на должность разъездного агента Забайкальского переселенческого управления. Во время многочисленных поездок по делам службы он установил связь с ссыльными революционерами-подпольщиками, координировал их нелегальную деятельность, снабжал литературой. В этот период он усиленно изучал теорию военного дела и даже, находясь на нелегальном положении, выступал с публичными лекциями со своими оценками о ходе Первой мировой войны.

В марте 1916 г. М.В. Фрунзе нелегально переезжает из Сибири в Москву, а затем в Петроград, где получает новое ответственное и чрезвычайно опасное задание партии – вести подпольную агитационную работу в прифронтовых войсках Западного фронта. Под именем статистика комитета Всероссийского земского союза (органа снабжения армии) Михаила Михайлова он организовал накануне решающих революционных событий в Минске большевистский центр, возглавивший подпольную революционную работу в воинских частях и военных мастерских, а затем в качестве вольноопределяющегося поступил в 57-ю артиллерийскую бригаду. Там он получил первый опыт военной службы.

В ночь на 2 марта 1917 г. боевые дружины и отряды рабочей милиции под руководством М.В. Фрунзе разоружили в Минске полицию и жандармерию, заняли городское полицейское управление, правительственные учреждения, почту и телеграф. М.В. Фрунзе выступил с докладом о текущем моменте и задачах пролетариата на первом

легальном собрании большевиков Минска и представителей партийных организаций 3-й и 10-й армий Западного фронта. В тот же день был образован Минский Совет рабочих депутатов, в котором М.В. Фрунзе возглавил фракцию большевиков. Затем он был преобразован в Совет рабочих и солдатских депутатов. По требованию большевиков Совет принял постановление о немедленном избрании солдатских комитетов в воинских частях, фабрично-заводских комитетов на предприятиях, сельских, волостных и уездных крестьянских комитетов – новых органов революционной народной власти [1, с. 30].

В марте-августе 1917 г., т.е. в решающее время нарастания революционных событий, М.В. Фрунзе одновременно являлся начальником городской милиции Минска, руководителем фракции большевиков городского Совета рабочих и солдатских депутатов, председателем исполкома Совета крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний, редактором двух газет, членом Минского горкома РСДРП(б), членом Солдатского комитета Западного фронта. И на всех этих должностях он проявлял огромную энергию, деловитость и незаурядные организаторские способности. Его стойкую и принципиальную политическую позицию высоко оценил В.И. Ленин.

Затем М.В. Фрунзе вновь вернулся в Иваново-Вознесенск и Шую для претворения в жизнь курса VI съезда РСДРП(б) на вооруженное восстание. Большевики работали как непосредственно, так и через профсоюзы, рабочие комитеты, вовлекали в общественную работу женщин, вели активную пропагандистскую работу в полках. Под руководством М.В. Фрунзе были сформированы отряды Красной гвардии. Следует отметить, что в целом в дни Октябрьской революции власть перешла в этих губерниях в руки Советов мирным путем. После революции по инициативе М.В. Фрунзе была создана новая самостоятельная губерния – Иваново-Вознесенская, где он занял (до августа 1918 г.) должности секретаря губкома РКП(б), председателя губисполкома, губернского совнархоза и военного комиссара. М.В. Фрунзе со своим отрядом принимал активное участие в ликвидации восстания левых эсеров в Москве и Ярославле.

В августе 1918 – январе 1919 г. М.В. Фрунзе – военный комиссар Ярославского военного округа, включавшего восемь центральных и северных губерний: Ярославскую, Костромскую, Владимирскую, Тверскую, Иваново-Вознесенскую, Вологодскую, Архангельскую и Северо-Двинскую. Здесь он внес большой вклад в подготовку боевых ресурсов, комплектование новых частей и соединений, отправляемых на фронт. Одним из главных его помощников стал будущий комиссар Чапаевской дивизии, автор бессмертной книги о легендарном полководце В.И. Чапаеве Д.А. Фурманов.

Затем началась его героическая военная эпопея. 26 декабря 1918 г. приказом Реввоенсовета М.В. Фрунзе назначается командующим

4-й армией в составе 8 дивизий, действующей на южном крыле Восточного фронта – на Южном Урале, обороняя Уральскую и Оренбургскую губернии, а затем перешедшей в победоносное контрнаступление. Фактически, он вступил в должность командарма через месяц. 10 апреля в составе Восточного фронта были созданы две оперативные группы: Южная и Северная. Командующим Южной группы был назначен М.В. Фрунзе, членами Реввоенсовета – В.В. Куйбышев и Ф.Ф. Новицкий. Фрунзе со своими товарищами разработал план контрнаступления. Части армий Южной группы Восточного фронта были укреплены коммунистами, прибывшими по партийной мобилизации из Москвы, Петрограда, Самары и других городов. В прифронтовой полосе была проведена мобилизация. В Самаре, Пензе, Оренбурге, Уральске, Бузулуке и других городах были сформированы коммунистические и рабочие полки. Большое содействие оказал комсомол. Уже к середине мая были одержаны важные победы: в ходе Бугуруслано-Бугульминской операции 13 мая 1919 г. части Красной Армии освободили Бугульму, разгромили ударную группировку Колчака, отбросили противника на решающих направлениях на 120-150 км. и овладели стратегической инициативой [1, с.84]. Успех был закреплен в ходе следующей операции – Белебеевской, завершившейся 18 мая освобождением Белебея. Уфимская операция 10 июня увенчалась решающей победой – освобождением Уфы.

По решению Пленума ЦК РКП(б) и Реввоенсовета Красной Армии 11 июля 1919 г. М.В. Фрунзе был назначен командующим Восточным фронтом. Наступление было продолжено: 13 июля был освобожден Златоуст, 24 июля – Челябинск, 25 июля – Екатеринбург. Войска Восточного фронта вступили в Сибирь. 28 августа в газете «Правда» было опубликовано письмо В.И. Ленина по поводу победы над Колчаком, начинавшееся словами: «Красные войска освободили от Колчака весь Урал и начали освобождение Сибири. Рабочие и крестьяне Урала и Сибири с восторгом встречают советскую власть, ибо она выметает железной метлой всю помещичью и капиталистическую сволочь, которая замучила народ поборами, издевательствами, поркой, восстановлением царского угнетения» [3, с. 151].

11 августа 1919 г. М.В. Фрунзе был назначен командующим Туркестанским фронтом в составе 1-й, 4-й и новой 11-й армий. Фронт провел серию успешных стратегических наступательных операций. В результате Актюбинской операции к 14 сентября части армий Туркестанского фронта разгромили крупную группировку противника, освободили значительную часть территории Северного Туркестана и создали плацдарм для следующей операции, продолжившей наступление, – Урало-Гурьевской, завершившейся в январе 1920 г. полным освобождением всей Уральской области, северо-западного побережья Каспийского моря и находящихся там нефтяных месторождений.

29 августа 1920 г. войска Туркестанского фронта начали Бухарскую операцию с целью помощи восставшим трудящимся Бухарского эмирата, завершившуюся победой 2 сентября и провозглашением в результате народной революции Бухарской народной советской республики.

21 сентября 1920 г. М.В. Фрунзе был назначен командующим Южным фронтом в составе 6-й, 13-й и 2-й конной армий. Членами Реввоенсовета фронта были С.И. Гусев и венгерский коммунист Бела Кун. Перед войсками фронта была поставлена задача освободить от войск ставленника Антанты Врангеля Северное Причерноморье и Крым, восстановить там советскую власть. В сентябре на фронт выезжал И.В. Сталин, итоги этой поездки были обсуждены в ЦК РКП(б) и Реввоенсовете, после чего был утвержден план последующих наступательных операций. Войска фронта были усилены 1-й Конной армией под командованием С.М. Буденного. В октябре в распоряжение войск фронта выехал агитпоезд "Октябрьская революция" во главе с М.И. Калининым. В составе поезда были народные комиссары просвещения А.В. Луначарский, юстиции Д.И. Курский, здравоохранения Н.А. Семашко. В результате умело проведенной политической работы боевой дух, морально-политическое состояние красноармейцев были очень высокими. Все попытки наступления врангелевцев были отбиты. 28 октября началось наступление в Северной Таврии, в результате которого были освобождены Мелитополь, Мариуполь и другие ключевые города северного побережья Азовского моря. Теперь предстояло освободить Крым. На направлении главного удара были сосредоточены силы, превосходящие противника. 11 ноября, когда наступление уже началось, Фрунзе обратился к Врангелю с предложением во избежание дальнейшего кровопролития прекратить сопротивление, и обещал амнистию сложившим оружие белогвардейцам, однако Врангель, сознавая бессмысленность сопротивления, ответил отказом, тем самым отправляя на смерть тысячи солдат своей армии. Перекопско-Чонгарская операция, завершившая гражданскую войну в европейской части России, началась 7 ноября 1920 г. штурмом Перекопа и Сиваша. 12 ноября была преодолена последняя линия обороны – Ишуньские укрепления на Чонгаре. Враг ударился в паническое бегство. В Крыму войскам Южного фронта помогала местная партизанско-повстанческая армия А.В. Мокроусова. 13 ноября был освобожден Симферополь, 14 ноября – Феодосия, 16 ноября – Керчь, 17 ноября – Ялта.

В докладе о внешней и внутренней политике на VIII Всероссийском съезде Советов 22 декабря 1920 г. В.И. Ленин подвел итоги гражданской войны в европейской части России: «Вы знаете, конечно, какой необыкновенный героизм проявила Красная Армия, одолев такие препятствия и такие укрепления, которые даже военные специалисты и авторитеты считали неприступными. Одна из самых блестящих страниц в истории Красной Армии – есть та полная, решительная и замечательно

быстрая победа, которая одержана над Врангелем. Таким образом, война, навязанная нам белогвардейцами и империалистами, оказалась ликвидированной» [4, с.129–130].

М.В. Фрунзе начал участвовать в решении задач мирного строительства на Советской Украине. 22 ноября 1920 г. V Всеукраинская партийная конференция избрала его членом ЦК КП(б)У, а пленум ЦК КП(б)У – членом Политбюро. Он был избран также членом ЦИК Украинской ССР, назначен заместителем председателя СНК УССР, командующим Вооруженными силами Украины и одновременно являлся уполномоченным представителем Реввоенсовета, Совета Труда и Оборона и народного комиссариата иностранных дел РСФСР при СНК Советской Украины. Вчерашний победоносный командующий важнейшими фронтами Республики Советов решением партии был переброшен на новый фронт – хозяйственный. В этом качестве он стал одним из тех, кто возглавил реконструкцию народного хозяйства Украины, восстановление освобожденного Донбасса, обеспечение народного хозяйства кадрами, а также борьбу против остатков петлюровщины, махновщины и прочих разновидностей уголовного и политического бандитизма, терроризировавшего население Украины.

В этот период Фрунзе выполнил важную дипломатическую миссию – установление дружественных отношений со странами Среднего Востока и тем самым обеспечения геополитической безопасности страны на юге. В декабре 1921 г. он провел переговоры с главой правительства Турции Мустафой Кемалем Ататюрком, в результате которых 2 января 1922 г. был подписан договор об установлении дипломатических отношений между Турцией и Советской Украиной. Ранее такой же договор с Турцией заключила РСФСР. Обе советские республики предложили турецким партнерам перспективу равноправного взаимовыгодного сотрудничества.

М.В. Фрунзе принял самое прямое и непосредственное участие в создании СССР. Он горячо поддержал ленинскую позицию по объединению союзных республик, вступая в полемику с националистами, уже тогда препятствовавшими такому объединению. 13 декабря 1922 г. он выступил на VII Всеукраинском съезде Советов с докладом о союзном объединении советских республик, а 30 декабря 1922 г. именно М.В. Фрунзе выступил на I Всесоюзном Съезде Советов от имени делегаций РСФСР, ЗСФСР, УССР и БССР с предложением утвердить Декларацию и Союзный договор об образовании СССР. Он был членом комиссии по разработке проекта первой Конституции СССР, принятой II Съездом Советов 31 января 1924 г.

Последние полтора года жизни М.В. Фрунзе посвятил работе в Реввоенсовете СССР, разработке первой государственной военной доктрины СССР и проведении основанной на ней военной реформы. К этому времени он стал признанным стратегом и ведущим военным теоретиком Красной Армии. Генерал-полковник, доктор военных наук

М.А. Гареев в монографии «М.В. Фрунзе – военный теоретик» справедливо подчеркивает: «Фрунзе отличали неутомимая, кипучая революционная деятельность, самоотверженная практическая работа по выполнению заданий партии, стремление глубоко познать и осмыслить новые исторические процессы и их влияние на развитие военного дела. Он оставил большое военно-теоретическое наследие» [5, с. 4]. Этому способствовала глубокая военно-теоретическая подготовка самого Михаила Васильевича с самых первых лет его политической деятельности, великолепно владевшего несколькими иностранными языками, историческими, политическими, экономическими, философскими знаниями, изучившего труды отечественных и зарубежных военачальников и теоретиков военного дела. Собственное военное искусство он усовершенствовал в огне судьбоносных жестоких боев Гражданской войны, воспитавших плеяду замечательных советских полководцев.

М.В. Фрунзе начал участвовать в решении кадровой проблемы Красной Армии с первых дней ее создания. Она решалась двумя путями. Следует подчеркнуть, что более 200 бывших царских генералов и адмиралов, около 75 тысяч бывших офицеров царской армии пошли служить народу в составе Красной Армии и Красного Флота. Яркий пример этому – дворянин, выпускник Академии Генштаба Российской империи, генерал-майор царской армии Федор Федорович Новицкий (1870–1944), ставший ближайшим соратником М.В. Фрунзе, членом Реввоенсовета Южной группы войск Восточного фронта, а затем – штабным работником, военным теоретиком, профессором, генерал-лейтенантом Красной Армии. Но значительную часть командиров и комиссаров Красной Армии составляли народные самородки, такие, как сражавшиеся под командованием М.В. Фрунзе К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный, В.И. Чапаев, С.И. Гусев, Г.И. Котовский, Ф.К. Миронов, В.А. Азин и др. Это были настоящие герои. Однако их недостатком было отсутствие военных знаний и во многих случаях – низкий уровень общего образования. М.В. Фрунзе писал в 1925 г.: «Если нам придется еще раз вооруженной рукой защищать советскую землю, мы будем иметь против себя могучего и сильного противника. Это обязывает нас быть во всеоружии военного знания и боевой подготовки. Только неослабное внимание, напряженная работа и всесторонняя учеба поставят войска Красной Армии и Флота на высоту необходимых боевых требований» [6, с.321]. Именно по инициативе М.В. Фрунзе были созданы шесть военных академий: Военная академия Красной Армии, Военно-техническая, Военно-воздушная, Военно-морская, Военно-политическая и Военно-медицинская. Окончившие Военную Академию имени М.В. Фрунзеи другие названные здесь академии, участники Гражданской войны (а некоторые имели боевой опыт Первой мировой войны) Г.К. Жуков, А.М. Василевский, И.С. Конев, К.К. Рокоссовский,

А.И. Антонов, И.Х. Баграмян, Р.Я. Малиновский, В.И. Чуйков и многие другие советские маршалы, генералы и адмиралы стали военачальниками, полководцами, военными теоретиками, войска под командованием которых одержали великую Победу над фашизмом. Такова она – когорта, воспитанная М.В. Фрунзе.

Делегат всех съездов партии и Всероссийских конференций большевиков, член ЦК и кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б), М.В. Фрунзе активно участвовал в разработке военной политики партии и твердо, последовательно проводил ее в жизнь. На почве различия концептуальных подходов к проблеме взаимоотношений партии и ее вооруженных сил у него возникли серьезные разногласия с Л.Д. Троцким, занимавшим в 1918 – начале 1925 гг. должности председателя Реввоенсовета и народного комиссара сначала РСФСР, а потом СССР по военным и морским делам. Эти разногласия сказывались и при решении практических вопросов, причем В.И. Ленин и И.В. Сталин поддерживали точку зрения М.В. Фрунзе. Троцкий фактически отвергал партийное руководство армией и необходимость основанной на марксистско-ленинской классовой теории научной военной доктрины, шарахался из стороны в сторону, а в 1919 г., в самый разгар войны, даже предлагал военный поход Красной Армии в Индию, «чтобы пробудить народы колониальных стран и тем самым ускорить мировую революцию».

Необходимость научной военной доктрины и основанной на ней военной реформы М.В. Фрунзе начал отстаивать уже давно. В июне 1921 г. в журнале «Армия и революция» появилась его статья «Единая военная доктрина и Красная Армия». При этом М.В. Фрунзе учитывал не только достижения классической военной мысли, которые глубоко изучал еще в юности, но и уроки новейших войн: Первой мировой и Гражданской. Важнейшим для него был внешнеполитический фактор, который определялся враждебным империалистическим окружением, готовым каждую минуту развязать новую войну против республики Советов. В течение 1924 г. он разрабатывал план военной реформы, предусматривающий реорганизацию системы управления армией и флотом, территориальное строительство армии в сочетании с кадровым, что давало возможность скорейшей мобилизации резервов. Все эти и другие задачи были сформулированы в его речи на Всесоюзном совещании командиров Красной Армии 14 марта 1924 г. 19 апреля 1924 г. он был назначен начальником и комиссаром Военной академии, которой позже было присвоено его имя. А когда по решению январского (1925) Пленума ЦК РКП(б) за антипартийную деятельность был отстранен от должностей председателя Реввоенсовета и наркомвоенмора СССР Троцкий, на эти должности был назначен М.В. Фрунзе.

В последний год его жизни начался решающий этап реализации первой государственной военной доктрины СССР и основанной на ней военной реформы. Их важнейшими чертами являлись:

1. Партийное руководство Красной Армией и Красным Флотом. На высшем уровне оно осуществлялось ЦК РКП(б) и Политуправлением Красной Армии, в частях, на кораблях и в соединениях – политработниками. Единоначалие не только не уменьшает, а наоборот, многократно увеличивает значение политической работы, которая по словам М.В. Фрунзе «является главнейшим и важнейшим залогом всей ее мощи, она есть особый род оружия, который в известной обстановке будет иметь решающее значение» [6, с. 507].

2. М.В. Фрунзе развил ленинскую концепцию единства фронта и тыла: «война будущего будет принимать характер длительного и жестокого состязания, подвергающего испытанию все экономические и политические устои воюющих стран» [6, с. 183]. Отсюда необходимость «усилить общую работу по подготовке страны к обороне, организовать страну еще в мирное время так, чтобы она могла быстро, легко и безболезненно перейти на военные рельсы» [6, с. 185]. В статье «Фронт и тыл в войне будущего» М.В. Фрунзе подчеркивал главную мысль: «Связь фронта с тылом в наши дни должна стать гораздо более тесной, непосредственной и решающей. Жизнь и работа фронта в каждый данный момент определяется работой и состоянием тыла» [6, с. 184].

3. М.В. Фрунзе не только создал стройную и целостную систему подготовки командного состава армии, но и обращал самое пристальное внимание на массовое военное обучение гражданского населения: работа народного комиссариата просвещения «должна быть поставлена так, чтобы ею полностью учитывались и обслуживались нужды обороны... В результате этой работы армия должна получить культурного, грамотного и политически воспитанного воина-гражданина. Когда это будет достигнуто, то это на девять десятых предрешит исход любого грядущего столкновения» [6, с. 187].

4. Важнейшее внимание М.В. Фрунзе уделял проблеме технического оснащения различных войск, их консолидированного взаимодействия в военных операциях, развитию оборонной промышленности и ее фундамента – тяжелой промышленности. Перспективы технического перевооружения Красной Армии он охарактеризовал так: «При соответствующем режиме мы имеем основание рассчитывать на то, что в течение ближайших лет мы Красную Армию не только обеспечим запасами, но – что самое важное – мы достигнем такого уровня производительности заводов, при котором они в военное время смогут удовлетворить неизбежно нарастающие потребности армии» [6, с. 283–284]. Это была одна из главных программных целей индустриализации.

5. В ряде республик, где М.В. Фрунзе занимал не только самые ответственные государственные посты, но и командовал армией, она выступала непосредственным активным проводником ленинской национальной политики: «Очень крупным успехом можно считать мероприятия, которые мы осуществляем по отношению к народам

Востока, народам бывшего царского Туркестана, Закавказья и Сибири. Мы наметили пятилетнюю программу национальных формирований, которая в конечном счете должна будет дать крепкие, воспитанные политически, обученные в военно-техническом отношении части. Эти национальные формирования вместе с тем явятся базой советской работы вообще среди населения этих республик» [6, с. 421–422]. Таким образом, Красная Армия становилась школой сплочения народов в единое боевое братство. В Великой Отечественной войне и локальных войнах красноармейцы всех национальностей с героизмом защищали общее Советское Отечество, с боями и жертвами несли мир и свободу угнетенным тиранией захватчиков народам европейских и азиатских стран.

Не может быть никакого сомнения в том, что военная реформа М.В. Фрунзе представляла собой не только военный, но и политический мегапроект, который стал основой для дальнейшего развития.

31 октября сердце Михаила Васильевича перестало биться. На похоронном митинге И.В. Сталин сказал: «В лице товарища Фрунзе мы потеряли одного из самых чистых, самых честных и самых бесстрашных революционеров нашего времени. Партия потеряла в лице товарища Фрунзе одного из самых верных и самых дисциплинированных своих руководителей. Советская власть потеряла в лице товарища Фрунзе одного из самых смелых и самых разумных строителей нашей страны и нашего государства. Армия потеряла в лице товарища Фрунзе одного из самых любимых и уважаемых руководителей и создателей» [7, с. 250–251].

Дело всей жизни М.В. Фрунзе, его военно-политическую реформу в течение пятнадцати последующих лет успешно продолжил сменивший его на постах председателя Реввоенсовета и наркомвоенмора (с 1934 г. народный комиссар обороны СССР) К.Е. Ворошилов – его ближайший соратник по партии и армии. Под его руководством была успешно завершена реализация разработанной М.В. Фрунзе первой государственной военной доктрины СССР. Было укреплено партийное руководство Красной Армии во всех звеньях, усовершенствовано боевое искусство ее командиров. Успехи индустриализации, развитие оборонной промышленности, техническое переоснащение, высокий моральный дух ее бойцов позволили Красной Армии с честью выдержать испытания и одержать великую Победу.

М.В. Фрунзе был награжден двумя орденами Красного Знамени и Почетным революционным оружием. Его именем была названа столица Советской Киргизии, другие города и населенные пункты, горный пик на Памире, морские суда, улицы и другие объекты. Дело М.В. Фрунзе достойно продолжили его дети. Сын Тимур (1923–1942), комсомолец, летчик, лейтенант, погиб в воздушном бою в районе Старой Руссы и был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Дочь Татьяна стала видным ученым, доктором химических наук, профессором.

Изучение биографии и теоретического наследия Михаила Васильевича Фрунзе продолжается. 11 февраля 2025 г. в редакции газеты «Правда» был проведен «круглый стол», посвященный 140-летию со дня рождения М.В. Фрунзе, с участием ученых, ветеранов Вооруженных Сил, правоохранительных органов, спецслужб, общественности. Правнук Ф.Э. Дзержинского, полковник ФСБ в отставке В.М. Дзержинский вручил памятную медаль правнучке М.В. Фрунзе Елене Тимуровне. 21 февраля 2025 г. состоялась юбилейная научная конференция в г. Иваново с участием ученых России, Белоруссии, Киргизии и Турции. Она приняла ряд рекомендаций, в том числе, о создании международного научного центра изучения жизни и деятельности М.В. Фрунзе [8, с. 76–77].

Эти факты убедительно свидетельствуют о значении подвига М.В. Фрунзе для патриотического воспитания новых поколений, а его теоретического наследия для совершенствования отечественной военной доктрины с учетом современных реалий, о внимании и интересе к выдающейся личности специалистов и общественности России и зарубежных стран.

Источники и литература:

1. Фрунзе М.В. Военная и политическая деятельность. М.: Воениздат, 1984. 276 с.
2. Ленин В.И. Доклад о революции 1905 г. / В.И. Ленин // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т.30. М.: Политиздат, 1970. С. 306–328.
3. Ленин В.И. Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком / В.И. Ленин // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 39. М.: Политиздат, 1970. С. 151–159.
4. Ленин В.И. Доклад Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров VIII Всероссийскому Съезду Советов 22 декабря 1920 г. / В.И. Ленин // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 42. М.: Политиздат, 1970. С. 128–161.
5. Гареев М.А. М.В. Фрунзе – военный теоретик / М.А. Гареев. М.: Воениздат, 1985. 448 с.
6. Фрунзе М.В. Избранные произведения. / М.В. Фрунзе // М.: Воениздат, 1984. 560 с.
7. Сталин И.В. Речь на похоронах М.В. Фрунзе / И.В. Сталин // Сталин И.В. Собр. соч. Т. 7. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1947. С. 250–251.
8. Ермолаев Л.В. 140 лет со дня рождения М.В. Фрунзе и использование его наследия в современных условиях / Л.В. Ермолаев // Политическое просвещение, 2025. № 2. С. 69–77.

**Комиссар Морского штаба Красной армии Лариса Рейснер
и её участие в борьбе за Советскую власть в Поволжье
(к 130-летию со дня рождения)**

*А.Н. Радиченко, кандидат педагогических наук,
лектор-политолог общероссийской общественной
организации «Российские ученые
социалистической ориентации»*

Лариса Михайловна Рейснер, комиссар Генерального Морского штаба России и комиссар Волжско-Каспийской флотилии, одновременно являвшаяся военным корреспондентом газеты «Известия», прошла с этой флотилией доблестный боевой путь от Удмуртии до персидского города – порта Энзели, непосредственно участвовала в сражениях, ходила в разведку и одновременно создавала серию правдивых, прекрасных по литературному качеству документальных очерков, печатавшихся в «Известиях» и впервые изданных отдельной книгой в 1920 г.

Биография этой прекрасной женщины настолько замечательна, что вначале стоит коротко сказать о ней, прежде чем приступить к основной теме настоящей статьи. Лариса Рейснер родилась в Люблине 1 мая 1895 г., входившем тогда в состав Российской империи. Ее отец Михаил Андреевич, профессор, видный юрист, историк и общественник, член социал-демократической (коммунистической) партии с 1905 г., неоднократно и успешно защищал в суде русских, немецких и польских революционеров, после Октябрьской революции участвовал в создании первой Конституции и других важнейших законов РСФСР. Прогрессивных взглядов придерживалась и его супруга, просвещенная, умная женщина – Екатерина Андреевна, мать Ларисы. А ее брат Игорь Михайлович, был, как и сама Лариса Михайловна, одним из первых советских дипломатов на Среднем Востоке, стал в дальнейшем профессором, видным специалистом по истории и культуре Индии, Пакистана, Афганистана.

Сама Лариса, еще в юности отличавшаяся не только необыкновенной красотой, но и редкими умственными качествами, талантом, в 1912 г. окончила с золотой медалью гимназию в Петербурге [3, с. 8]. К этому же времени относится начало ее литературной деятельности. Вместе с отцом они на протяжении нескольких предреволюционных лет издают и распространяют литературный журнал «Рудин». Название этого журнала предложила Лариса в честь главного героя одноименной тургеневской повести, погибшего в сражении на баррикадах. В популярной серии рижского издательства «Наука и жизнь» под псевдонимом Лео Ринус выходят две книжечки 16-летней Ларисы Рейснер о женских образах в творчестве У. Шекспира – «Офелия» и «Клеопатра» [3, с. 8–9]. К этому же периоду относится знакомство и дружба Ларисы Рейснер с Владимиром Маяковским, Сергеем Есениным, Николаем Гумилевым, Игорем Северяниным и другими.

В момент Октябрьской революции Ларисе было 22 года. Она «рвалась в бой, доказывала, что владеет оружием, может ходить в разведку, посылать корреспонденцию с фронта... Но первое время ей пришлось остаться в Петрограде: здесь нужны были её культура истинно европейской интеллигентки, её знания» [3, с. 40]. В самые первые дни после Октябрьской революции по инициативе первого советского народного комиссара просвещения А.В. Луначарского Лариса Рейснер была включена в состав комиссии по учёту и охране сокровищ народной культуры Эрмитажа и других музеев Петрограда. Эта работа была сопряжена с риском для жизни. В декабре ВЦИК издаёт декрет о государственном издательстве, где в качестве приоритетной была поставлена задача массового издания произведений классиков русской литературы и их широкого распространения по минимальным, чисто символическим ценам. Лариса Михайловна почти не спит, день и ночь трудится в этой комиссии.

Оттуда в мае 1918 г., в дни кульминации первого этапа Гражданской войны, Лариса едет на фронт не только в качестве комиссара, но и в качестве корреспондента газеты «Известия». Именно в эти тревожные дни она вступает в коммунистическую партию.

Сначала Лариса Рейснер – комиссар разведывательного отряда в составе тех красногвардейских частей, которые остановили белогвардейские войска у Свияжска, ближайшей целью которых был крупный железнодорожный узел Арзамас, где тогда находился штаб Восточного фронта. Арзамас, в случае захвата, контрреволюционеры планировали сделать плацдармом для последующего наступления на Москву. Именно Свияжск и стал самым дальним рубежом, на котором были остановлены враги. Если войскам Деникина удалось через год на короткое время захватить Орёл и подойти к Москве на расстояние в 350–380 км, то здесь противник был остановлен на расстоянии вдвое большем от столицы и сердца пролетарской России – 750 км. Он вышел на восточной окраины современной Чувашии. Авангардные белогвардейские отряды обошли станцию Тюрлема. Лариса Рейснер с небольшим отрядом разведчиков вызвалась ночью пойти в разведку, чтобы выяснить их точное место нахождения и тем самым помочь красноармейцам уничтожить вражеский десант. Об этом её подвиге вспоминал участник разведывательного рейда, рассказ которого был записан в 1926 г. корреспондентом газеты «Красная звезда», А. Кремлевым. Вот его впечатления: красные разведчики были обстреляны, но молодая женщина сохранила спокойствие и отвагу. «Она была недосыгаема в этот миг, хотелось целовать чёрные от дорожной пыли руки этой удивительной женщины... Отсюда на Шихраны (теперь – Канаш), где стоял красный латышский полк. Фронт связан. И она, с хрупкой улыбкой женщина – узел этого фронта» [1, с. 99–100]. В подобных рейдах Лариса Рейснер участвовала много раз.

Самым трудным и опасным заданием была разведка во временно оккупированной белогвардейцами и чехословацкими интервентами Казани в августе 1918 г. Перед Ларисой Рейснер была поставлена задача выяснить судьбу вывезенного туда золотого запаса России и коммунистов, оставшихся в городе. Лариса под видом жены белогвардейского офицера несколько дней находилась в Казани, выяснила всю ужасающую картину злодеяний захватчиков. В очерке «Казань», опубликованном через некоторое время в «Известиях», есть такие потрясающие ум и душу строки: «В предместье трамвай остановился, чтобы пропустить подводу, гружённую трупами расстрелянных рабочих. Она медленно, с грохотом, тащилась вдоль забора, обклеенного плакатами «Вся власть Учредительному собранию». Вероятно, люди, нацепившие это контрреволюционное вранье, не думали, что их картинки станут частью такого циничного, общепонятного революционного плаката» [2, с. 40]. Именем «комитета учредительного собрания», кстати, уже через три месяца разогнанного установившим свою, ещё более кровавую диктатуру Колчаком, творились уже тогда массовые убийства – социальный геноцид трудящегося народа. Лариса Рейснер смогла получить во вражеском штабе список убитых товарищей, предъявленный после освобождения Казани в качестве доказательства на судебном процессе над палачами. Сама она была схвачена, но во время допроса, проявив смелость и находчивость, сумела бежать из вражеской контрразведки.

После этого она была назначена комиссаром Волжской флотилии, преобразованной в дальнейшем в Волжско-Каспийскую флотилию под командованием Ф.Ф. Раскольников. Укомплектованная в основном балтийскими и черноморскими красными моряками, эта флотилия вместе с Балтийским флотом была одним из основных боевых соединений Красного Флота. Первоначально она действовала на Волге и Каме, совершала смелые рейды в глубину захваченной противником территории вплоть до Чистополя и Удмуртии. Во время одного из таких смелых рейдов в середине октября 1918 г. они захватили недалеко от Сарапула «баржу смерти» с 600 людьми, которых белогвардейцы намеревались заживо утопить. Лариса Рейснер непосредственно участвовала в этой дерзкой и смелой операции. Вскоре миллионы людей прочитали в газете «Известия» её новый очерк. Прочитали гневные слова обличения: «Сколько сознательного, интеллигентского, холодного зверства успели совершить отступающие враги. Чистополь, Елабуга, Челны и Сарапуль – все эти местечки залиты кровью, скромные села вписаны в историю революции жгучими знаками. В одном месте сбрасывали в Каму жён и детей красноармейцев и даже грудных пискунов не пощадили. В другом – на дороге до сих пор алеют запекшиеся лужи, и вокруг них великолепный румянец осенних клёнов кажется следом избиения» [2, с. 48–49].

Волжская флотилия взаимодействовала с 28-й дивизией, которой командовал 24-летний герой гражданской войны Владимир Михайлович

Азин. В очерках Ларисы Рейснер есть великолепное описание Азина и другого героя – Николая Григорьевича Маркова, пришедшего на Волжскую флотилию с Балтийского флота. Оба они погибли. День гибели подорванного на вражеской подводной мине корабля «Ваня – коммунист», на котором находились Николай Маркин и другие товарищи стал, черным, траурным днём флотилии. Лариса Рейснер в этот скорбный день сама спасла немало уцелевших товарищей. Один из них, М. Кулик, вспоминал через 48 лет: «Всех нас доставили на штабной пароход «Межень», и там мы сразу почувствовали теплоту материнских рук Ларисы Рейснер. Перевязывая мне раненое плечо, она старалась успокоить меня, хотя сама безмерно горевала о гибели наших боевых товарищей и легендарного комиссара Николая Григорьевича Маркова. Благодаря личной заботе Ларисы Михайловны мы были все размещены в каютах, согреты, одеты и накормлены. Не чувствую, как будто усталости, она продолжала заботиться и о 14 матросах, выплывших на берег и тоже доставленных на «Межень», а затем с такой же неутомимостью и стойкостью ухаживала и хлопотала около 9 человек, вернувшихся 2 октября с десанта. Я и мои товарищи с «Вани – коммуниста», оставшиеся в живых, навсегда сохранили в сердцах светлый и добрый образ славной и стойкой революционерки Ларисы Рейснер» [1, с. 97–98].

Зимой, когда Волга была скована льдом, Лариса Рейснер работала в Петрограде комиссаром Генерального штаба Красного Флота советской республики, а затем в течение года в качестве комиссара флотилии участвовала в героической обороне сначала Царицына, а потом (под руководством С.М. Кирова) Астрахани. Оба этих больших города имели важнейшее стратегическое значение. Битва за Царицын и Астрахань была битвой за Волгу, битвой за хлеб. На подступах к Царицыну и Астрахани навсегда сложили головы десятки тысяч вооружённых до зубов головорезов, но проклятый враг не прошёл, Волга осталась советской, осталась нашей. В газете появились замечательные слова Ларисы Рейснер: «Хотелось взять карту, найти на ней красный веночек республики, в течение двух лет одиноко цветущий среди всего мира и героически обороняемый истощённым народом. Когда же жизнь была чудеснее этих великих лет? Если сейчас не видеть ничего, не испытать милосердия, гнева и славы, которыми насыщен самый бедный, самый серый день этой единственной в истории борьбы, чем же тогда жить, во имя чего умирать» [2, с. 97].

Это слова настоящей героини, прекрасно знавшей, во имя чего надо жить и за что стоит умереть. Потому она и стала победительницей – победила не только извергов-контрреволюционеров, но даже и саму смерть, хотя навсегда шагнула из жизни в бессмертие в 30 лет.

Её очерки, посвящённые эпопее обороны советской Волги, – это как раз яркая летопись народного подвига. Здесь не только описание боевых действий, но и не менее яркие портреты героев. В том числе и бывших офицеров, генералов, адмиралов царской армии, пошедших на службу

и верно служивших революционному народу. Её рассказы об адмирале Е.А. Беренсе, полковнике В.И. Шорине, ставших красными командирами и принимавших участие в обороне Астрахани и Царицына, – ещё одно свидетельство в пользу этого исторического факта.

В конце апреля 1920 г. Волжско-Каспийская флотилия вместе с частями 11-ой армии освобождает Баку и Ленкорань и восстанавливает власть народа в Азербайджане, снова ставшем советским. 18 мая 1920 г. – заключительная победоносная операция этой флотилии – Энзелийская. В итоге десантной операции отважные красные моряки вернули республике более 60 кораблей военного, торгового и рыболовецкого флота, угнанных в персидский порт Энзели отступавшими врагами. Успех операции вызвал подъем революционного движения в Северном Иране, где была провозглашена и более месяца существовала дружественная нашей стране советская республика. Этим событиям посвящены заключительные главы документальной книги Ларисы Рейснер «Фронт». Она завершает это правдивое повествование словами: «Стало известно о пленении всего белого флота, интернированного в персидской гавани Энзели, о капитуляции английских войск, занимавших этот порт, – одним словом об окончательном освобождении Каспийского моря, – отныне вольного советского озера, ограждённого кольцом дружественных республик. Так окончился трёхлетний поход, начатый под Казанью и Свияжском растянувшийся на тысячи вёрст – от обрывов и хмурых елей Камы до знойных прикаспийских солончаков...

В Энзели английская колониальная политика столкнулась с реальными силами рабочего государства и потерпела поражение. 18 мая 1920 г. регулярные войска Великобритании впервые на Востоке были побиты в открытом бою и отступили, едва выкупившись из позорного плена. Не где-нибудь, а в Персии, скрученной всяческими вымогательскими договорами, разорённой и ослабленной вынужденным союзом с Англией. И, покидая берега Каспийского моря, англичане не смогли скрыть от злорадных глаз населения смешные и жалкие стороны своего скандального поражения» [2, с. 98–99]. То было возмездие. И память об этой победе живёт век спустя и в России, и в Иране.

В 1921–1922 гг. Лариса Рейснер – дипломат, сотрудник советской миссии в Афганистане, одна из двух первых советских женщин-дипломатов (вторая – Александра Коллонтай), и одновременно – корреспондент газеты «Правда». Как отмечает исследовательница биографии Лариса Рейснер Элеонора Соловей, «на дипломатической работе она проявила незаурядные способности, а главное – привезла из этой поездки свою книгу «Афганистан», ставшую первенцем советской литературы о нашем и зарубежном Востоке и новой важной вехой в становлении советской очерковой прозы» [3, с. 67–68]. В этой книге Лариса Рейснер продолжает тему разоблачения империалистической экспансии на Среднем Востоке и первой в советской литературе открывает

антифашистскую тему, столкнувшись в Афганистане с итальянскими фашистами, явившимися туда под видом «негоциантов».

Осенью 1923 г. по заданию Коминтерна в Германию приехали две женщины – Берта и Луиза. Тогда только очень немногие знали, что «Берта» – это на самом деле Елена Стасова, а «Луиза» – советский корреспондент, а также сотрудница советского полпредства Лариса Рейснер – одно и то же лицо. Она вновь в гуще событий в охваченном революционным восстанием Гамбурге, где встречается с Тельманом и другими немецкими коммунистами. Снова рискует жизнью. Итог этой командировки – три новых книги «В стране Гинденбурга» и «Берлин в октябре 1923 г.» и особенно – изданная в серии «Библиотека рабочей молодёжи» и сразу ставшая бестселлером книга «Гамбург на баррикадах». Лариса Рейснер продолжила тему разоблачения фашизма и его подлой агентуры в рабочем движении – социал-фашизма. Эти её книги стали ценными источниками по проблеме истории рабочего движения и зарождения фашизма в Германии.

Тема созданной в 1924 г. её следующей книги «Уголь, железо и живые люди» – трудовой подвиг рабочих Урала, сравнимый с ратным подвигом красноармейцев. А ровно сто лет назад появилась последняя книга Ларисы Рейснер «Декабристы», посвящённая столетию декабризма и привлёкшая внимание крупнейшей исследовательницы этой темы академика М.В. Нечкиной.

В 1928 г. было издано наиболее полное собрание сочинений Ларисы Рейснер – двухтомник, включающий все указанные произведения, а также очерки, памфлеты, стихотворения и другие произведения.

Лариса Рейснер – одна из тех комиссаров, которые подобно Александру Фадееву, Дмитрию Фурманову, Аркадию Гайдару, Николаю Островскому, сражавшемуся вместе с ней и выведшему её образ в пьесе «Оптимистическая трагедия» Всеволоду Вишневскому, стала видным, ярким представителем советской литературы. Подвиг этих комиссаров живёт, живут и их книги. А по литературно-художественным достоинствам её творчество подобно божественной поэме или величественной симфонии. Оно верно служит утверждению исторической правды, а пример её подвига – немеркнувшее солнце, озаряющее поколения верный, истинный путь в грядущее.

Источники и литература:

1. Лариса Рейснер в воспоминаниях современников. Сборник. М.: Советский писатель, 1969. 110 с.
2. Рейснер. Л.М. Избранные произведения. / Л.М. Рейснер / М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1958. 535 с.
3. Соловей. Э. Лариса Рейснер. Очерк жизни и творчества / Э. Соловей / М.: Советский писатель, 1985. 160 с.

**Социальный состав отрядов коммунаров
при Нижегородском губернском комитете РКП(б) и их роль
в установлении Советской власти в Нижегородской губернии**

*Р.Л. Кодочигов, начальник отдела публикации
и использования документов
Государственного общественно-политического архива
Нижегородской области*

Ряд аспектов и тем в истории гражданской войны остаются мало изученными и даже вне поля исторического исследования. Ряд ученых все больше обращают внимание на так называемый «внутренний фронт» гражданской войны. Это определение, используемое самими большевиками, в настоящее время используется современными исследователями событий 1918–1921 гг. [подробнее см.: 5]. В поле изучения «внутреннего фронта» попадают такие аспекты как процесс установления советской власти и партии большевиков, борьба партии большевиков с политическими противниками, подавление антисоветских выступлений. На наш взгляд изучение «внутреннего фронта» важно для дальнейшего изучения внутренних процессов, политических, социальных, культурных, которые происходили на территориях бывшей Российской империи в указанный период времени. Ведь когда мы говорим о гражданской войне, нужно понимать не только столкновение красных и белых, их столкновения на фронтах, но и процесс установления власти, устройство тыла, социальной опоры нового государства, не менее важен для понимания причин победы большевиков и той модели устройства государства и общества, которую они отстаивали.

Если говорить о социальном аспекте, то с одной стороны, мы имеем зачастую «безликую» контрреволюционную массу «кулаков, буржуазии, белых офицеров», которые поднимали восстания против советской власти, в т.ч. в прифронтовой Нижегородской губернии. С другой стороны, несмотря на широкий массив данных советского периода, о деятельности РКП(б): опубликованные воспоминания, сборники документов, биографические очерки здесь также существуют определённые пробелы.

Особый интерес представляет мобилизационная работа большевистской партии. Ведь даже если мы посмотрим Нижегородскую губернию, где советская власть установилась относительно мирно, то увидим, что сама партия за период гражданской войны не превышала 10 тыс. членов и кандидатов в члены РКП(б), а в один из самых напряженных периодов весны-лета 1918 г. эта цифра не превышала и 5 тыс. человек. И это мы говорим о губернии с развитой промышленностью и портово-железнодорожной инфраструктурой. Разумеется, в таких условиях большевики искали в обществе опору своей власти. Партийный аппарат был важным инструментом, но из кого состояла партия, кто готов был участвовать в установлении советской

власти не на словах, а на деле, кто решался стать членом РКП(б) в 1918–1919 гг., когда победа красных была еще неочевидна.

На наш взгляд введение в научный оборот новых архивных материалов, прежде всего массовых источников, например учетных документов членов РКП(б), позволит лучше нам понять социальную опору советской власти, механики и практики деятельности партии большевиков в условиях гражданской войны.

В данной статье мы обратим внимание на социальный состав и деятельность отрядов коммунаров, сформированных Нижегородским губкомом РКП(б) в сентябре 1918 г. для установления советской власти в отдаленных уездах губернии. В качестве основы исследования были проанализированы анкеты, заполненные членами 3-х отрядов коммунаров в начале осени 1918 г. Бланки анкет, содержат фамилию, имя, отчество, данные о возрасте, роде занятий, занимаемой должности, военной подготовке, партийном стаже, месте жительства коммунара. Также для составления социального состава отряда, его деятельности, взаимоотношений внутри коллектива мы использовали отчеты, протоколы заседаний, разную переписку и др. документы фонда Нижегородского губкома РКП(б). Кроме того, в 1950–1970-е годы партархив Горьковского обкома КПСС вел переписку с бывшими членами отрядов коммунаров. Некоторые из них составили воспоминания и автобиографии для архива, которые так и не были нигде опубликованы. В данной статье эти воспоминания также приводятся.

Следует отметить хорошую сохранность источников. Несмотря на то, что подобного рода анкетирования проводились внутри РКП(б) регулярно (в т.ч. для учета партийных сил) о полноте данных говорить не приходится. В случае с анкетами коммунаров, сохранились все бланки, листы заполнены аккуратно, разборчиво, в едином стиле, все бланки проверялись в губкоме, соответствующим образом отмечались. Анкеты составлялись в небольшой по разбросу период времени в первой половине сентября 1918 г. перед направлением отрядов в уезды.

Что касается отчетов и других официальных документов за 2 месяца наиболее подробные сведения остались о деятельности 1-го отряда, также отчеты за отдельные промежутки времени направлялись от 2 и 3 отрядов.

Всего в 3-х изучаемых отрядах числилось 64 человека. В первую очередь нас интересует из кого состояли партийные боевые отряды, задачи которых были не только военно-милицейские (обыск, аресты, вооруженная защита новой власти), но и агитационно-пропагандистская.

Теперь рассмотрим причины создания отрядов и их функции. Летом 1918 г. обстановка на территории Нижегородской губернии была напряженной. Если первые месяцы советской власти были относительно мирные, то уже феврале 1918 г. в Нижнем Новгороде было объявлено военное положение в связи с угрозой белогвардейского восстания.

Особенно обстановка накалилась весной-летом, когда по губернии случилось более 40 крупных антибольшевистских выступлений. Главной причиной такого положения исследователи отмечают тяжелое продовольственное положение, а также принимаемые большевиками чрезвычайные меры: хлебная монополия, мобилизация в РККА [3, с. 80].

Шаткость положения большевиков в губернии проявлялась и в потере связи с низовыми советами в уездах губернии. Одной из главных задач, которая стояла перед большевиками было налаживание советской вертикали власти от губернского до низового волостного уровня. Однако, в начале лета 1918 г. отдел гражданского управления при Нижегородском губернском совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов докладывал о весьма тревожной ситуации. Согласно отчету к июню 1918 г. в ряде волостей после перевыборов в советы лишь в 15% советов подавляющее большинство осталось за коммунистами или левыми эсерами, а в 58% советов большинство было за беспартийными, в 23% был перевес «правых» [4, с. 46].

Ситуация усугубилась еще больше после падения Казани в начале августа 1918 г. По Нижегородской губернии прокатились восстания против советов или в отдельных случаях против большевиков. Особенно беспокойно было в отдаленных северных уездах: Варнавинском, Васильсурском и др. 19 августа вспыхнуло восстание в с. Урень Варнавинского уезда, к концу августа восстанием был охвачен весь уезд. В этот же период член для поручения при комендантском отделе Нижегородского губвоенкомата в Воскресенском уезде требовал власти прислать вооруженный отряд для наведения порядка в уезде «в 3–4 волостях уезда вовсе отказываются формировать комиссариаты и совдепы, заявляя единогласно, что нам советская власть не нужна» [8, л. 8].

Здесь важно отметить, что указанные уезды с одной стороны были труднодоступны, перемещение туда возможно было лишь по крупным рекам, дорог было мало, железнодорожное сообщение появиться заметно позже. Кроме того, часть уездов, были присоединены лишь в 1918 г. и в экономическом отношении еще были не так тесно связаны с Нижним Новгородом. С другой стороны, для большевиков проблемы здесь были и в том, что в этих уездах практически отсутствовала промышленность, поэтому опору для власти пролетарской партии найти было непросто.

В таких чрезвычайных условиях Нижегородский губком РКП(б) провел ряд мер военно-мобилизационного характера. В Нижнем Новгороде был сформирован военно-революционный комитет, отдельно была объявлена мобилизация коммунистов 1890–1900 г.р. [1, с. 170]. Все большее внимание партия стала уделять укреплению партийных органов и комитетов бедноты. В условиях, когда выборные советские органы власти все меньше контролировались большевиками, именно партия

и ее члены становились ключевым элементом государственного строительства.

Документально процесс формирования коммунарских отрядов отражен в нескольких постановлениях президиума Нижгубкома РКП(б). В середине августа этот партийный орган принял решение о вербовке в рабочих районах партийцев для формирования отряда коммунаров [6, л. 21]. Речь пока шла только об одном отряде. 3 сентября президиум Нижегородского губкома РКП(б) уже принял решение сформировать 2 отряда коммунаров по 25 человек. Дальнейших указаний о численности отрядов, их составе, оформленных в постановления, нами не обнаружено.

Стоит отметить, что формирование добровольных отрядов по линии губкома РКП(б) и исполкома совдепа проводились начиная с февраля 1918 г. Эти отряды часто именовались коммунарские. Но в отличие от мобилизации в августе 1918 г. эти отряды часто направлялись в распоряжение ЧК или непосредственно в РККА и передавались в подчинение армии. В качестве примера, приведем записку Л.М. Кагановича, председателя губкома РКП(б) имеется письмо руководителю Нижегородской ЧК от 29 июня 1918 г. о направлении в его распоряжение 25 коммунистов для записи в отряд коммунаров [7, л. 19–19об.]. Но, в случае же с 3-мя коммунарскими отрядами вначале осени 1918 г. их организацией занимался непосредственно военный отдел Нижегородского губкома РКП(б), командование отрядов отчитывалось о своих действиях перед партией, партийное руководство принимало решение о распределении отрядов и их использовании.

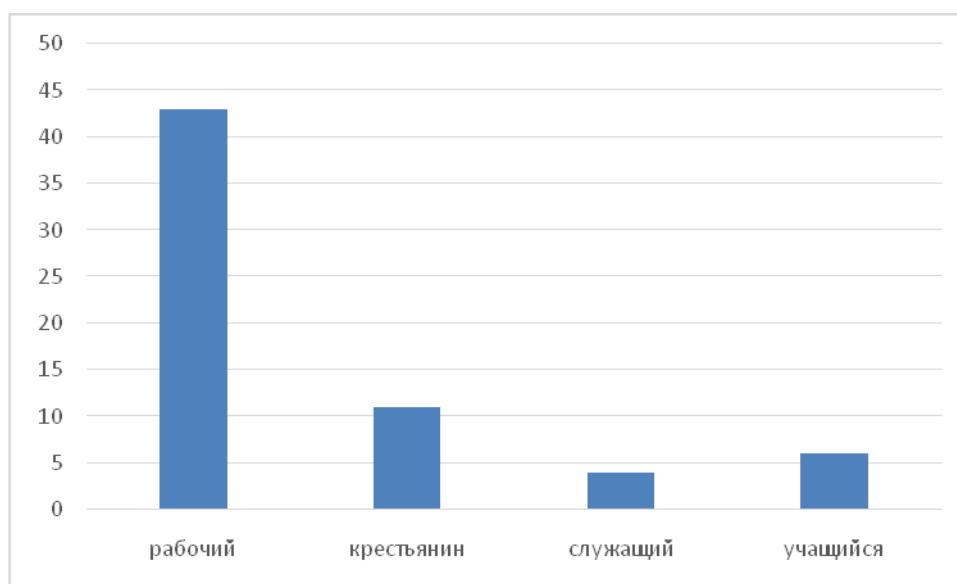
Сразу отметил, что, судя по воспоминаниям членов отрядов, это была именно партийная мобилизация. Т.е. отряды формировались не на добровольной основе, а из членов РКП(б), отобранных местными парторганами.

Действовали отряды в течение 2-х месяцев. С конца сентября коммунары регулярно отчитывались о своей деятельности в уездах, а уже в конце октября президиум губкома расформировал отряды и распределил его членов: «признано все отряды расформировать в первую очередь 2-й отряд каковой и вызвать, во вторую очередь 3-й отряд в 3-ю очередь 1-й отряд. 2-й отряд расформировать немедленно 3-й к 5 ноября. 1-й к 10 ноября. 2-ой отряд целиком посылается на южный фронт, через военный комиссариат кроме Баскакова, поручить Кагановичу выяснить в продовольственном бюро и в губпродкоме о формируемых отрядах поставить вопрос на губкоме» [6, л. 33]. 31 октября новый состав президиума подтвердил это решение, причем с уточнением, чтобы перед расформированием запросить мнение коллектива о каждом члене отряда [6, л. 34].

Итак, вначале осени Нижегородским губкомом РКП(б) было сформировано несколько отрядов. Их задачей была организация органов советской власти. 1-й отряд был направлен в Воскресенский уезд,

2-й действовал в Васильсурске, 3-й остался в Нижнем Новгороде, позже действовал в Нижегородском уезде. Важно отметить, что к моменту начала деятельности отрядов в конце осени 1918 г. перечисленные выше восстания против советской власти в северных уездах Нижегородской губернии уже были подавлены частями РККА. Т.е. дело было в слабости местных советов, которые не могли наладить работу, и видимо еще чувствовали сопротивление со стороны части населения.

Теперь подробнее рассмотрим данные из анкет. Ввиду относительно небольшого количества данных выборки не проводилось, а учитывались все данные. Прежде всего, рассмотрим социальное положение коммунаров на момент вступления их в отряд, а также их возраст. В первую очередь следует рассмотреть социальное положение коммунаров и их возрастной состав.

*Рис.1. Социальное положение членов 1, 2, 3 отрядов коммунаров
[здесь и далее составлено по данным 9, 10, 11]*

Пожалуй, меньше всего вопросов при анализе анкет членов отрядов коммунаров вызывает именно социальное положение коммунистов, входивших в эти отряды. Более 50% относились к рабочим и имели рабочие профессии: слесари, молотобойцы, чернорабочие и др.

Категория служащих представлена мелкими канцелярскими работниками. Обращает на себя внимание довольно большое число учащихся молодых людей.

Помимо социального положения члены коммунарских отрядов должны были отмечать профессию. Основная часть учащихся до вступления в отряд или еще не обрели специальность, либо занимали должности в советских и партийных органах после октября 1917 г. Также были те, кто вообще не указывал свою профессию, в основном это касается молодой группы.

Теперь обратим внимание на другой не менее важный аспект, возраст коммунистов, вступивших в отряды.

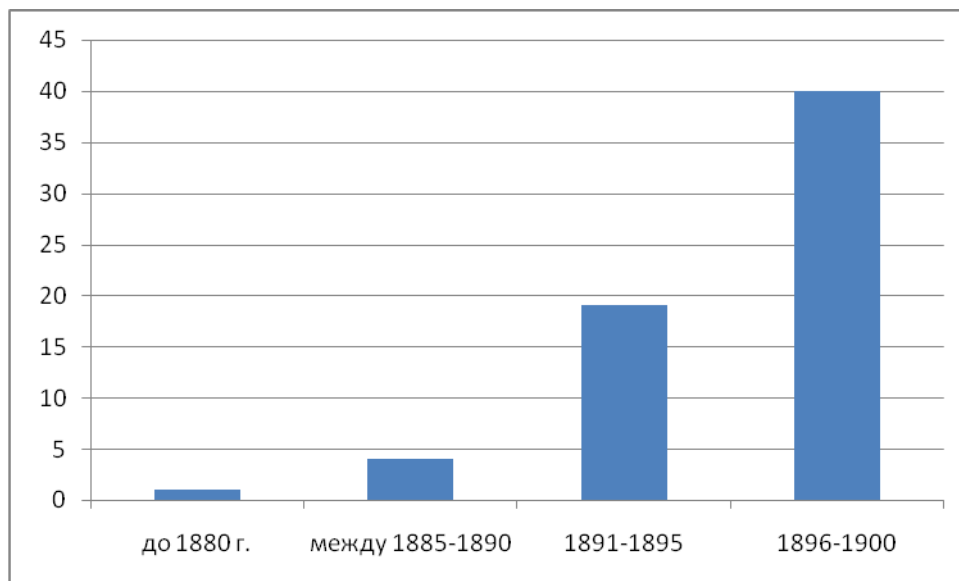

Рис.2. Возрастной состав отрядов коммунаров.

Как мы видим подавляющее большинство коммунаров были молодые люди от 18 до 22 лет. Кроме того, некоторые из членов отряда даже снижали возраст. Так, член 1-го отряда Баринов в своих воспоминаниях 1967 г. указывал дату рождения 1901 г., признавая, что прибавил год, чтобы вступить в партию [14, л. 1]. И действительно, по всем анкетам и спискам отряда коммунаров он проходит с датой рождения 1900 г. Причем, что важно отметить, молодежь, помимо того, что была основной частью отрядов, она также и руководила действиями отряда. Сами члены признавали в своих воспоминаниях, что у них не было никакого житейского опыта, тем ни менее, ни в отчетах отряда, ни в воспоминаниях, деятельность более опытных коммунистов не отражена.

В целом молодой состав отряда подкреплялся относительно однородностью социального положения, а также тем, что большинство членов отряда до партийной мобилизации могли знать друг друга, т.к. были выходцы из одной местности.

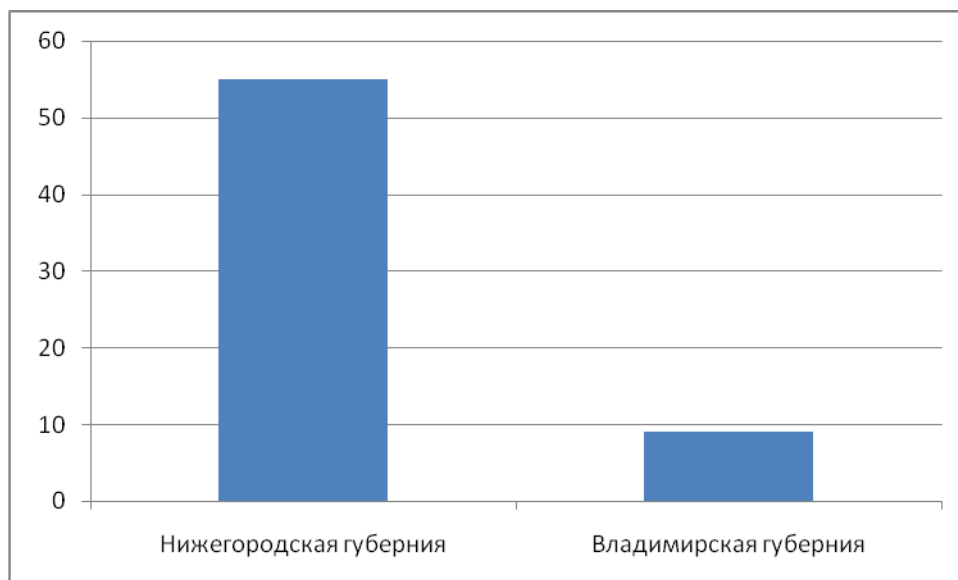

Рис.3. Место проживания до вступления в отряд.

Данные анкет показывают, что коммунары были выходцами в основном из южных и центральных уездов губернии промышленного Ардатовского и Павловского уездов, Нижнего Новгорода, Сормова, Балахны. Небольшая часть коммунаров прибыла из Муромского уезда Владимирской губернии, соседней с южными уездами Нижегородской губернии. Лишь небольшая часть коммунаров была из Васильсурского уезда из крестьянской сельской местности. Данные анкет, также подтверждаются воспоминаниями руководитель 1-го отряда Б.А. Рыбьева, который вспоминал, что в отрядах были в основном рабочие Кулебакских заводов и часть бывших учащихся [15, л. 4].

В анкетах отсутствовала графа национальность. Скорее всего, этот параметр не имел серьезного значения. При этом заметим, что в партии большевиков, в т.ч. Нижегородской РКП(б) в немалой степени были представлены другие национальности, поляки, евреи, латыши, эстонцы и т.д. В военных комиссариатах, отрядах ЧК это довольно ярко проявляется. При этом отряды коммунаров практически полностью состояли из русских. Исключением здесь является студент госуниверситета Н.М. Томсон, уроженец Лифляндской губернии.

Наконец мы переходим к еще одному важнейшему параметру – партийному стажу коммунаров. Как уже было ранее отмечено партийная организация РКП(б) Нижегородской губернии численно была невелика. В июне 1918 г. эта цифра составляла всего 2800 членов (в официально зарегистрированных и учтенных губкомом РКП(б) ячейках) [2, с. 17]. Многие партийцы с дореволюционным стажем и военным опытом уже были заняты партийной и советской работой.

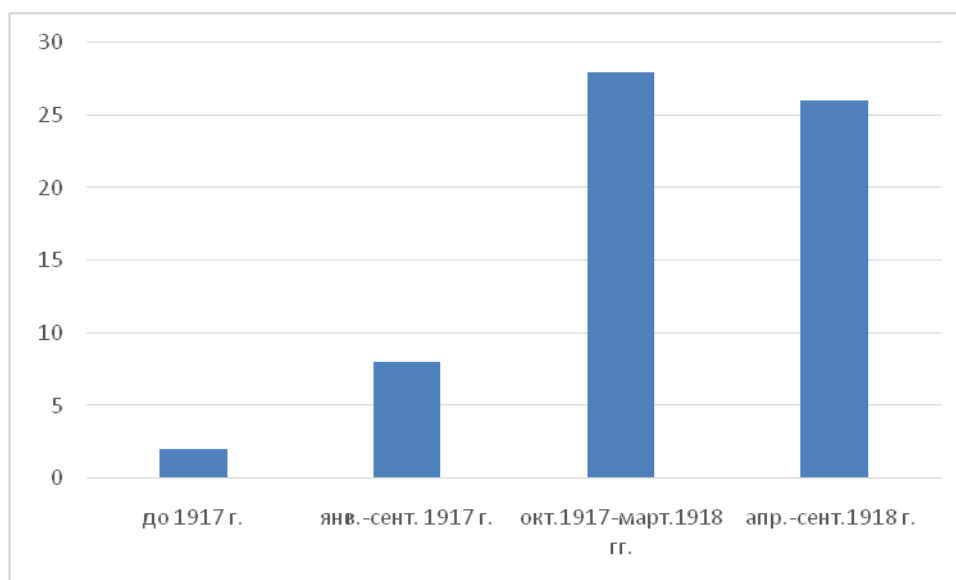

Рис.4. Партийный стаж (время приема в члены РСДРП(б) – РКП(б)).

Коммунарские отряды формировались партией. Здесь мы видим, что стаж пребывания в РКП(б) у большинства членов отряда был минимальный. Лишь несколько человек вступили еще РСДРП(б) до первой мировой войны.

Остальные в силу возраста или по иным причинам не могли вступить ряды большевиков раньше 1917 г. И это интересное обстоятельство. Если партийная мобилизация проходила на основе набора как на добровольной, так и на принудительной основе, то членство в РКП(б) в этот период было добровольным. Характерно, что, несмотря на непрочность позиций большевиков, особенно летом 1918 г., в ряды партии продолжали пополняться.

Наконец военная подготовка коммунаров и боевой опыт. Возвращаясь к предыдущим данным, отметим, что часть коммунаров не указывали своей профессии. Отчасти это было связано и с тем, что некоторые из них еще не закончили обучение или были мобилизованы еще во время Первой мировой войны имела определенную военную подготовку.

Среди коммунар было 2 бывших унтер-офицера (которые при этом также не входили в командный состав отряда). Тем ни менее, несмотря на наличие бывших военных в составе отрядов, основная часть не имела военной подготовки и какого-либо опыта участия в военных действиях.

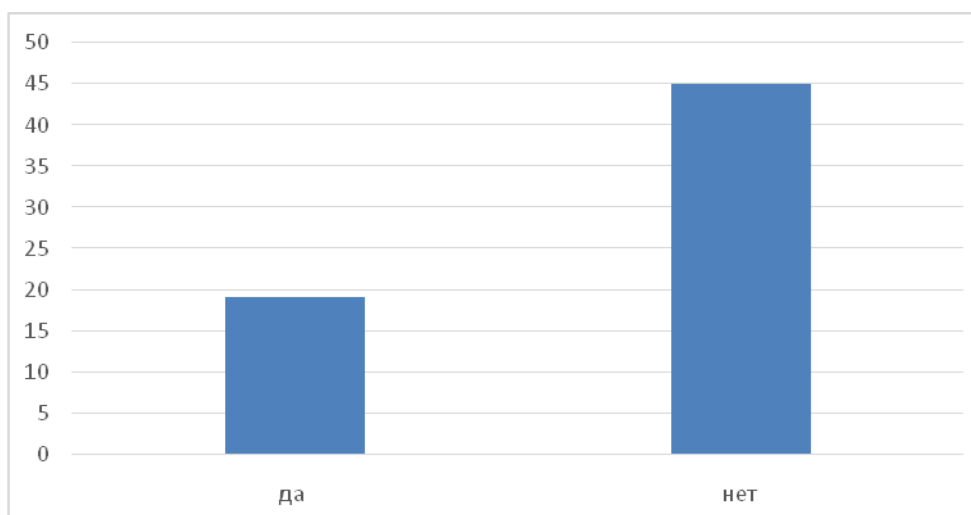

Рис.5. Проходили ли военную подготовку члены отряда коммунаров.

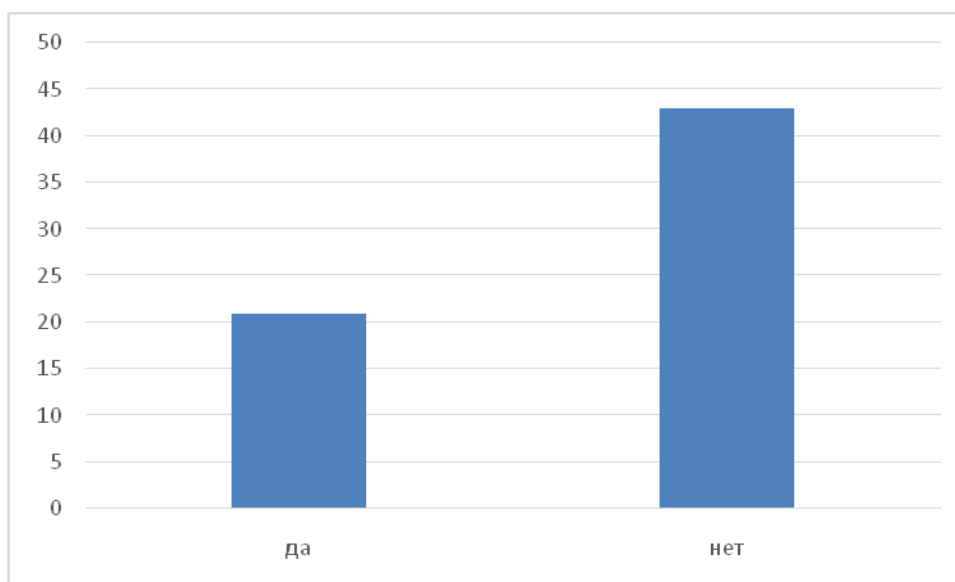

Рис.6. Участвовал ли ранее член отряда коммунаров в боевых действиях.

Итак, в конце осени 1918 г. в Васильсурский и Воскресенский уезды прибыли 2 отряда коммунаров. I отряд отчитался о прибытии в г. Воскресенское весьма показательным описанием обстановки: «24 сентября утром прибыли в г. Воскресенское. Нас встретил военный комиссар Григорьев, единственный коммунист в г. Воскресенском» [8, л. 9]. Сами отчеты в основном содержат описание того, что в целом население, особенно бедняки, встречали отряд положительно. Сопротивления со стороны «кулаков» не было т.к. при проявлении известий о прибытии вооруженного отряда из Нижнего Новгорода большая часть активных противников советской власти просто разбежалась. При непосредственном участии членов отряда.

Впрочем, сохранились некоторые свидетельства со стороны «пострадавших» от деятельности отрядов населения. Вот, к примеру,

заявление жительницы в одной из деревень Воскресенского уезда, (владелицы хутора с прислугой). Она обратилась в местный волостной совдеп жалуюсь на действия членов 1-го отряда коммунаров, которые несколько проводили обыски у нее, изъяли некоторые бытовые вещи гвозди, инструменты. Кроме того, наложили контрибуцию. Важно, что гражданка имела удостоверение, выданное комендантом Нижнего Новгорода. Высказывая недовольство действия коммунарами и наложенной на нее контрибуцией, она отметила, что даже местный комбед «зависит от них» (отряда коммунаров) и потому повлиять на их действия никто не может: «их боимся не только мы, но и большинство крестьян» [13, л. 5 об]. Материалы по этому делу дошли до Нижегородского губкома РКП(б), но судя по документам никакого разбирательства не было. Сам командир 1-отряда в одном из отчетов признавал, что приходилось поступать единолично диктаторски» [8, л. 11].

Судя по отчетам в большинстве случаев серьезных столкновений или сопротивления со стороны местного населения не было. Б.А. Рыбьев в воспоминаниях указывал, что деятельность отряда сводилась к нормализации работы уездного совета, обыскам, изъятию оружия, денег и продовольствия у зажиточной части населения. После укрепления уездного или волостного центра, члены отряда делились на группы и расходились по окрестным деревням, где проводил пере выборы советов и организацию комитетов деревенской бедноты. Отметим, что членами отряда была молодежь, очевидно, что при наличии сопротивления со стороны населения, сомнительно, что такие небольшие группы, зачастую не имевшие связей с этой местностью, смогли бы что-то противопоставить.

По всей видимости, главным здесь было, прежде всего, найти среди местного населения опору и уже на их основе строить управление. Б.А. Рыбьев подчеркивал, что когда члены отряда пребывали в какую-либо деревню к ним приходила местная беднота информировала об обстановке в окрестностях, о настроениях местной немногочисленной интеллигенции и «кулацких элементов» Н.М. Томпсон описывает чуть подробнее как проходили собрания и пере выборы волостных совдепов, а также организация комбедов. Для организации комитетов бедноты созывалось специальное собрание, на котором «отделяли кулаков, которым предлагалось отойти вправо, затем они выгонялись с собрания, избирался комбед, который брал на учет все хлебные излишки». Подчеркивалось, что сопротивление «выстрелами» было, но подробностей не приводится [16, л. 1]. Н.М. Томпсон упоминал три случая вооруженного сопротивления 1-му отряду в с. Покровском, имении Левашева и в с. Воскресенское [17, л. 1]. Но если учесть, что потерь среди отряда не было, то видимо серьезного конфликта с местным населением не было.

В целом в отчетах о действиях отрядов прослеживается одно важное обстоятельство — пассивность населения. Из отчета 1-го отряда

о пребывании в с. Никитино Владимирской волости Воскресенского уезда: «настроение среди населения запутанное. Не было до сих пор побудительного импульса для активного проведения в жизнь декретов и мероприятий Совнаркома» [8, л. 13 об]. Или вот еще один отчет о действиях 2-го отряда коммунаров: «в общем настроение крестьян этой волости довольно «миролюбивое» ни вопросов, ни влево, главной причиной чему огромная безграмотность. Кроме того, большинство крестьян по русски объясняется плохо (население волости почти полностью черемисское) [8, л. 42–42об].

В целом, внешних проблем для деятельности отряда не было. Безусловно, непростые отношения были с «зажиточной» частью населения уездов, где пребывали отряды, однако сопротивления коммунарам не было. Здесь интересно как на этом фоне строились отношения внутри коммунарских отрядов. Как уже было отмечено, преимущественно там была молодежь, к тому же только недавно вступившая в ряды большевиков. Отчеты и воспоминания рисуют довольно радужную картину: «среди товарищей членов отряда царит полная солидарность и чувствуется крепкая связь. Ни разу не было ни нарушения данной нам инструкции, ни обысков, ни военной дисциплины». Эти строки были занесены в первый отчет 2-го отряда от начала октября 1918 г. Однако, другие документы этого периода указывают, что далеко не все было так радужно [там же]. Так на одном из общих собраний членов отряда был поднят вопрос о неработоспособности коллектива: «докладчик от отряда Сотников говорит о бездеятельности некоторых членов коллектива по бездеятельной неосознанности.... Выбрали в коллектив Баскаков, Шибаев, Сучков, выбыли Корнилов и Лозин» [12, л. 1]. К сожалению, не указано, когда именно было это заседание. Позже выбранный Баскаков уже значился как командир 2-го отряда и уже 17 октября он направил записку в губком РКП(б) с просьбой разрешить исключение еще трех членов отряда за то, что те без видимой причины не явились на один из митингов, тем самым поставив оставшихся товарищей в опасное положение [д. 31, л. 1]. На раннем этапе недовольны были и в 1-м отряде коммунаров, в частности Бандин сетовал на неспособность работать в коллективе Шунина, который изначально был избран одним из командиров отряда [8, л. 11].

Таким образом, коммунарские отряды не являлись в полном смысле боевыми отрядами, их численность и социальный состав показывают, что представлять из себя грозную военную силу они не могли. Действовать эти отряды начали уже после подавления крупных антибольшевистских восстаний в северных уездах Нижегородской губернии. Основная их задача была активизация местных сил, сторонников советской власти. При этом обращает на себя внимание, тот факт, что для установления советской власти губком РКП(б) направил довольно слабый в партийном отношении состав. В них было мало людей с профессиональным революционным

опытом, многие были приняты в члены партии весной-летом 1918 г. Возможно, причина заключается в том, что все опытные члены партии или уже были мобилизованы или занимали посты в советском и партийном аппарате.

Источники и литература:

1. Горьковская областная организация КПСС: Хроника. Кн. первая. 1883–май 1941 г. / Сост. – научн. ред. Казаков В.А. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1989. 432 с.
2. Горьковская областная организация КПСС в цифрах. 1917–1977. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1979. 199 с.
3. Демичев А.А. Борьба с контрреволюцией в Нижегородской губернии в 1918–1920 годы (по архивным материалам) / А.А. Демичев // Новый ракурс. 2020. №2. с. 79–88
4. Селин В.А. Первый год диктатуры партии коммунистов в нижегородской губернии / В.А. Селин // Общество и власть российская провинция. Т. 1. М., 2002. с. 34–92
5. Леонтьев Я.В. На внутреннем фронте гражданской войны. Сборник документов и воспоминаний / Сост. Я.В. Леонтьев. М.: Русская Книга, 2019. 544 с.
6. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (далее – ГОПАНО). Ф. Р-1. (Нижегородский губком РКП(б)) Оп. 1. Д. 21
7. ГОПАНО Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 56.
8. ГОПАНО Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 159.
9. ГОПАНО Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 184.
10. ГОПАНО Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 187.
11. ГОПАНО Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 190.
12. ГОПАНО Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 240.
13. ГОПАНО Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 296.
14. ГОПАНО Ф. Р-244. (Партийный архив Горьковского обкома КПСС) Оп. 2. Д. 51.
15. ГОПАНО Ф. Р-244. Оп. 2. Д. 930.
16. ГОПАНО Ф. Р-244. Оп. 2. Д. 1090.
17. ГОПАНО Ф. Р-244. Оп. 2 Д. 1091.